This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 21 284
HX
894
G73
1902

ЖАН ГРАВ.

УМИРАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО

и

АНАРХІЯ.

1906.

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

ЖАН ГРАВ.

УМИРАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО
и
АНАРХІЯ.

Цѣна 1 руб.

Изданіе «Черное Знамя».
1906.

ЖАН ГРАВ.

Умирающее общество и Анархія.

Глава I.

Идея анархизма и ея развитіе.

Анархія есть отрицаніе власти. Власть же мотивирует свое существованіе необходимостью защищать различныя общественныя учрежденія—семью, религію, собственность и проч.—и создает с этою цѣлью цѣлый ряд орудій, обезпечивающих ея дѣятельность и санкцію; главныя из этих орудій—законъ, судебныя учрежденія, войско, законодательная и исполнительная власть. Вот почему, вынужденная давать отвѣт на все, идея анархизма должна была бороться со всѣми общественными предразсудками, должна была бороться со всѣми данными человѣческой науки, с цѣлью показать, что связаныя с нею понятія вполнѣ соотвѣтствуют как физіологической и психологической природѣ человѣка, так и изученію естественных законов, между тѣм как современная общественная организація, наоборот, противна всякой логикѣ, всякому здравому смыслу, результатом чего и является непрочность наших обществ, которыя постоянно подвергаются революціонным взрывам, вызываемым накопившимся гнѣвом тѣх, кого давит произвол существующих учрежденій. Когда анархисты борятся с властью, им приходится, таким образом, критиковать всѣ тѣ учрежденія, защитником которых эта власть является и необходимость которых она старается доказать для оправданія своего собственнаго существованія.

Поэтому область анархических идей расширяется. Исходя первоначально из простого политическаго отрицанія, анархизм должен был затѣм подвергнуть критикѣ всѣ экономическіе и об-

щественные предразсудки и выработать такую формулу, которая, отрицая частную собственность, лежащую в основѣ современнаго экономическаго порядка, выражала бы в то же время извѣстныя стремленія по отношенію к будущему. И вот рядом с „анархизмом“ естественно стал „коммунизм“.

Ниже мы увидим, что существуют утонченные резонеры, которые доказывают, что раз анархизм означает полное и всестороннее развитіе личности, он не может имѣть ничего общаго с коммунизмом. Мы же, напротив, имѣем в виду показать, что личность может развиться именно только в обществѣ, а это послѣднее может существовать только при условіи свободнаго развитія первой; одно, таким образом, дополняет другое.

Вот это-то разнообразіе разсматриваемых и разрѣшаемых вопросов и содѣйствовало быстрому развитію анархическихъ идей, которыя были вначалѣ достояніем лишь небольшой группы никому неизвѣстных людей, лишенных всяких средств пропаганды, а теперь проникают с большим или меньшим успѣхом и в науку, и в искусство, и в литературу.

Ненависть к власти, требованія соціальнаго характера существовали издавна: они зарождаются с того момента, когда человѣк начинает чувствовать, что его угнетают. Но через сколько ступеней, через сколько различных систем должна была пройти эта идея прежде чѣм вылиться в ея настоящую форму?

Первый намек на нее мы находим у Рабле, в его описаніи Телемскаго Аббатства, но здѣсь она еще совершенно неясна и он считает ее неприложимой ко всему обществу в его цѣлом: доступ в его аббатство разрѣшается только привиллегированному меньшинству, при котором состоит цѣлый штат прислуги.

В 93 году уже говорят об «анархистах». Жак Ру и так называемые «неистовые» поняли, по нашему мнѣнію, лучше других смысл революціи и больше всего сдѣлали для того, чтобы обратить ее на пользу народа. Потому то буржуазные историки и оставили их в тѣни: их исторія еще не написана, скрытые в архивах и библіотеках документы еще ждут человѣка, у котораго хватило бы времени и энергіи на то, чтобы вынести их на свѣт божій и объяснить многое из того, что до сих пор остается нам непонятным в этом трагическом періодѣ исторіи. Мы не можем поэтому сдѣлать никакой оцѣнки их программы.

Чтоб найти анархизм как оппозицію власти и государству и как начинающую складываться теорію, нужно дойти до Прудона. Но анархизм здѣсь не больше как теоретическій врагъ государства: на практикѣ, в своих планах общественной органи-

заціи, Прудон оставляет под различными названіями всѣ тѣ части административной машины, которыя составляют самую сущность правительства. До самаго конца Имперіи анархизм существует во Франціи лишь в видѣ смутнаго мютюэллизма, который в первые годы послѣ Коммуны вырождается в движеніе производительных и потребительных товариществ — движеніе вполнѣ ошибочное, пошедшее по совершенно ложному пути.

Но еще гораздо раньше этого безсильнаго движенія, от новаго дерева народился другой отпрыск. Интернаціонал создал в Швейцаріи «Юрскую Федерацію», в которой Бакунин проповѣдовал идею Прудона — анархію враждебную власти, — но притом развив, расширив ее и слив ее с соціальными требованіями. С этого-то времени и начинается настоящее развитіе современнаго анархическаго движенія. Конечно, многіе предразсудки еще жили в умах, в высказываемых идеях еще было много нелогичнаго. В организаціи, принятой тогдашними пропагандистами, еще сохранялось много зародышей власти, много переживаній государственных идей, но как бы то ни было первый шаг был сдѣлан: идея стала затѣм расти, очищаться и все болѣе и болѣе ясно опредѣляться. И когда не больше как каких-нибудь 20 лѣт тому назад, анархизм впервые заявил о себѣ во Франціи на одном из конгрессов, то несмотря на то, что новая идея была высказана лишь ничтожным меньшинством и что против нея были не только защитники существующаго порядка, но и тѣ псевдо-революціонеры, которые видят в народных требованіях только средство придти ко власти — несмотря на все это в ней оказалось достаточно способности к развитію, чтобы утвердиться (хотя у ея сторонников не было никаких средств пропаганды, кромѣ собственной энергіи), достаточно силы, чтобы заставить защитников существующаго капиталистическаго строя бороться и преслѣдовать ее, а людей добросовѣстных — ее обсуждать. Это лучшее доказательство ея жизнеспособности и силы.

Таким образом, несмотря на крестовый поход, предпринятый против нея всѣми тѣми, кого можно считать представителями различных фракцій общественнаго мнѣнія, несмотря на клевету, на осужденія, на тюрьму, анархическая идея проложила себѣ дорогу. Основываются группы; во Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Голландіи, Англіи, Норвегіи, Америкѣ, Австраліи и Россіи создаются органы для пропаганды на всевозможных языках — славянских, нѣмецком, еврейском, армянском — и во всевозможных мѣстностях. Но, что еще важнѣе, от небольшой группы недовольных анархическія идеи проникают во всѣ классы общества,

повсюду, гдѣ только работает человѣческій ум. Искусство, наука, литература проникаются новыми идеями и служат их носителями.

В началѣ, эти идеи были не больше, как мало сознательными формулами, неясными требованіями—часто скорѣе простыми проявленіями протеста, чѣм дѣйствительными убѣжденіями. Теперь же анархическія идеи не только ясно формулируются, но люди, которые их распространяют, вполнѣ сознают, что распространяют именно анархизм, и не страшатся назвать его собственным его именем.

Итак, уже не одни анархисты находят теперь, что существующій порядок дурен весь цѣликом и что его нужно измѣнить. Жалобы на существующее и стремленіе к лучшему можно встрѣтить даже у тѣх, кто считает себя защитником современнаго положенія вещей. Мало того: люди начинают чувствовать, что нельзя довольствоваться безплодными пожеланіями, что нужно работать для осуществленія своего идеала, начинают понимать и проповѣдовать пропаганду дѣлом и примѣром. Иначе говоря, сравнивая то удовлетвореніе, которое доставляет человѣку сознаніе, что он поступает согласно своим убѣжденіям, и тѣ непріятности, которыя ему может доставить нарушеніе существующих законов, люди стараются по возможности согласовать свою жизнь с своими взглядами—насколько темперамент данной личности может сопротивляться преслѣдованіям общественнаго возмездія. Эта быстрота развитія анархических идей зависит от того, что, хотя с самаго начала они противорѣчат многим принятым идеям и установившимся предразсудкам и пугают тѣх, кто слышит о них в первый раз, онѣ в сущности отвѣчают на ряд затаенных чувств и смутных запросов и дают человѣчеству в конкретной формѣ тот идеал благосостоянія и свободы, о котором оно прежде едва осмѣливалось мечтать. Эти идеи казались страшными с перваго взгляда, потому что проповѣдовали ненависть и презрѣніе к многим из тѣх учрежденій, которыя считались необходимыми для жизни общества, и доказывали, в противуположность принятым взглядам, что эти учрежденія вредны по самому своему существу, а не потому только, что они находятся в руках слабых или дурных личностей. Онѣ говорили толпѣ, что не нужно довольствоваться смѣной личностей, стоящих у власти, и частичными улучшеніями в учрежденіях, но нужно прежде всего разрушить то, что дѣлает людей дурными и дает возможность меньшинству пользоваться всѣми силами общества для угнетенія большинства. Онѣ показывали, что то, что до сих пор считалось причиной зла, от котораго страдает человѣчество, есть ни-

что иное как послѣдствіе зла гораздо болѣе глубокаго, что нужно, слѣдовательно, измѣнить самыя основы общественнаго устройства.

Но, как мы уже видѣли выше, в основаніи современнаго общества лежит частная собственность. Защита капитала — единственная цѣль существованія власти. Организація семьи, чиновничества, арміи, суда прямо вытекает из существованія частной собственности. Задача анархистов состояла, слѣдовательно, в том, чтобы доказать несправедливость захвата земли и продуктов труда прошлых поколѣній меньшинством тунеядцев и подорвать авторитет власти, показав ея вред для человѣческаго развитія, ея роль покровительницы привиллегированных классов и ничтожество тѣх принципов, на которые она опиралась для оправданія своих учрежденій.

То, что отталкивало от анархизма людей личных интриг и личнаго тщеславія, заставляло, наоборот, людей мыслящих изучать и обдумывать тѣ идеи, которыя он приносил с собою. Дѣло в том, что в них нѣт мѣста ни личным соображеніям, ни мелкому самолюбію; онѣ не могут служить средством для тѣх, кто видит в рабочих требованіях не больше как способ завоевать себѣ мѣсто в рядах эксплуататоров. Мотылькам политики нечего дѣлать в рядах анархистов. Там нѣт, или почти нѣт, мѣста ни мелким личным интересам, ни ряду кандидатур, открывающих поле всевозможным надеждам и компромиссам. В партіях политиков или соціалистов-государственников какой-нибудь карьерист всегда может подготовить незамѣтным образом свое „обращеніе“ так, что товарищи замѣчают его уже много времени спустя послѣ того как оно совершилось. У анархистов это новозможно: всякій, кто согласился бы занять какой-нибудь пост в современном обществѣ, послѣ того как он сам доказывал, что всѣ тѣ, кто занимает эти мѣста могут держаться на них только при условіи быть вмѣстѣ с тѣм защитниками существующаго порядка, будет тотчас же заклеймен названіем ренегата, потому что у него не может быть никаких оправданій для его «эволюціи». Вот почему то самое, что навлекло на идею анархизма ненависть интриганов, вызывало вмѣстѣ с тѣм на размышленіе людей искренних; этим и объясняется ея быстрый успѣх.

Что, в самом дѣлѣ, возразить людям, которые доказывают, что если вы хотите, чтоб ваши дѣла шли хорошо, вы должны дѣлать их сами, а не давать на это полномочій другим? В чем можно упрекнуть людей, которые говорят, что если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать «управлять» собою? Что ответить тѣм, кто показывает вам причины

бѣдствій, от которых вы страдаете, указывает средства избавиться от них, и при этом не только не говорит, что эти средства находятся у него в руках, но, напротив, старается внушить вам, что только вы, вы сами, можете судить о том, что вам нужно и чего, наоборот, вам слѣдует избѣгать.

Если какая-нибудь идея обладает достаточною силою чтобы внушить людям твердыя убѣжденія, за распространенія которых они борятся и страдают, ничего не ожидая в смыслѣ непосредственных результатов—такая идея уже по одному этому является в глазах искренних людей достойной изученія; так именно случилось и здѣсь. И вот, несмотря на крики негодованія одних, на злобу других, на преслѣдованія правительств, идея все растет и развивается, доказывая буржуазіи, что голос правды ни заглушить, ни заставить замолчать нельзя. Рано или поздно с ним приходится считаться.

Анархизм имѣет своих мучеников — умерших, заключенных в тюрьмы, изгнанных,—но он остается живым и полным сил, и число его пропагандистов все растет. Среди них есть и пропагандисты сознательные, понявшіе все величіе идеи, и пропагандисты случайные, которые просто выражают свою ненависть к учрежденіям, задѣвающим их сокровенныя чувства или их инстинктивную потребность правды и справедливости. По своей ширинѣ анархическія идеи привлекают всѣх тѣх, в ком живо чувство собственнаго достоинства, кто жаждет справедливости, и красоты истины. Быть свободным от всякаго принужденія, от всякаго стѣсненія — не есть ли это, в самом дѣлѣ, идеал человѣка, и не с этой ли цѣлью производились всѣ революціи? Вѣдь если люди все еще терпят над собой гнет эксплуататоров, если человѣческій ум до сих пор томится в тисках понятій капиталистическаго общества, то это потому, что общепринятые взгляды, рутина, предразсудки и невѣжество брали всегда верх над мечтами о свободѣ и стремленіем к независимости и заставляли тѣх самых людей, которые только что изгнали тѣх, кто господствовал над нами, вмѣсто освобожденія, избрать себѣ новых господ.

Анархическія идеи пролили свѣт не только в умы рабочих, но и в умы всевозможных мыслителей, которым онѣ помогли разобраться в своих собственных чувствах, показали настоящія причины окружающей бѣдности и средства для ея устраненія, показали в чем цѣль и гдѣ ведущій к ней путь, объяснили, почему всѣ прошлыя революціи кончались неудачей.

Именно этой тѣсной связью анархических идей с сокровен-

ными чувствами человѣка и объясняется их быстрое развитіе; именно она придает им силу и дѣлает их неуязвимыми. Напрасно направляется на них и на их пропагандистов и злоба правительств, и различныя репрессивныя мѣры, и ненависть неудовлетвореннаго тщеславія: онѣ уже проложили себѣ дорогу и ничто не может помѣшать им развиваться и стать идеалом всѣх обездоленных, лозунгом всѣх их попыток к освобожденію.

Капиталистическое общество так узко и мелочно, всякое широкое стремленіе в нем так подавляется, оно убивает столько хороших побужденій, оскорбляет в большей или в меньшей степени личное достоинство стольких людей, не могущих примириться с узостью господствующих в нем понятій, что если бы даже ему удалось заглушить на время голос современных анархистов, то скоро само угнетеніе вызвало бы к жизни новое поколѣніе их, такое же непримиримое.

Глава II.

Индивидуализм и солидарность.

«Анархія и коммунизм несовмѣстимы», говорят нам многіе недобросовѣстные противники, мало заботящіеся о выясненіи вопроса. «Коммунизм, это—организація; он стѣсняет развитіе личности, а потому мы не хотим его. Мы — индивидуалисты, анархисты и больше ничего», говорят с другой стороны нѣкоторые, даже искренніе люди—люди, которым хочется быть болѣе крайними, чѣм их товарищи, и которые, не обладая оригинальностью мысли, стараются преувеличить извѣстныя идеи, доводя их до абсурда. А около них группируются и тѣ личности, которых правительствам всегда выгодно послать в среду своих противников для поселенія в ней раздора.

И вот анархисты начинают спорить об анархизмѣ, коммунизмѣ, иниціативѣ, организаціи, о вредном или полезном вліяніи группировки, об эгоизмѣ и альтруизмѣ и еще о массѣ вещей одна нелѣпѣе другой, потому что в результатѣ этих споров между добросовѣстными противниками в концѣ концов оказывается, что всѣ стремятся к одному и тому же, только под различными названіями.

В самом дѣлѣ, анархисты, заявляющіе себя коммунистами, первые готовы признать, что не личность создана для общества, а наоборот общество имѣет цѣлью доставить личности наиболѣе благопріятныя условія для ея развитія. Когда нѣсколько человѣк соединяются вмѣстѣ и соединяют свои усилія, то они очевидно дѣлают это для того, чтобы получить возможно большую сумму наслажденій при наименьшей тратѣ сил. Они вовсе не имѣют намѣренія принести свою иниціативу, свою волю, свою личность в жертву какой-то отвлеченности, которая не существовала перед тѣм как они соединились и перестанет существовать, как только они разойдутся.

Сберечь свои силы и вмѣстѣ с тѣм добиться от природы предметов необходимых для существованія, получить которыя можно только соединенными усиліями такова была, несомнѣнно, цѣль первых начавших группироваться человѣческих существ; во всяком случаѣ, эта цѣль, если и не была сознана, то молчаливо подразумѣвалась в первых человѣческих обществах, которыя, может быть, даже были временными и распадались как только намѣченное дѣло было выполнено.

Итак, никто из анархистов не собирается подчинить существованіе личности потребностям общества.

Полная свобода личности во всѣх проявленіях ея дѣятельности—таково наше общее требованіе. Когда же являются люди, которые отрицают организацію, признают только личность и говорят, что им нѣт дѣла до общества, что правилом поведенія должен быть личный эгоизм, что поклоненіе собственному я должно стоять выше всѣх гуманных соображеній,—и при этом считают себя болѣе крайними чѣм другіе, то это показывает только одно: что они никогда не изучали психической и физической организаціи человѣка и даже никогда не пытались отдать себѣ отчет в своих собственных чувствах; они не имѣют никакого представленія о жизни современнаго человѣка, о его физических, умственных и нравственных потребностях.

Въ современных обществахъ нам приходится иногда видѣть таких полных эгоистов: Делобелли, Гіальмары Эйкдали нерѣдки и встрѣчаются не только в романах. Иногда — хотя и не особенно часто—случается встрѣчать таких людей, думающих только о себѣ, не видящих ничего в мірѣ кромѣ собственной личности. Если они сидят за столом, они без церемоніи берут себѣ лучшій кусок; они расточительны внѣ дома, в то время как их семья умирает с голоду. Они принимают как должное всевозможныя жертвы со стороны всѣх—отца, матери, жены, дѣтей—а сами спокойно сидят сложа руки, или без церемоній пользуются жизнью. Чужія страданія не идут в счет — лишь бы только в их собственном существованіи все шло гладко. Мало того, они даже не замѣчают, что другіе страдают ради них и из-за них: когда они сыты и довольны, им кажется, что и все человѣчество счастливо и отдыхает. Таков тип настоящаго эгоиста в абсолютном смыслѣ слова, но это вмѣстѣ с тѣм и тип вполнѣ ничтожной личности. Даже самый отвратительный буржуа не приближается к этому типу: он все таки иногда любит своих близких или, во всяком случаѣ, питает к ним какое-то чувство, похожее на любовь. Мы не думаем, чтобы даже самые искренніе

сторонники индивидуализма хотѣли возвести этот тип в идеал будущаго человѣчества. С другой стороны и анархисты-коммунисты вовсе не хотят проповѣдовать для будущаго общества самопожертвованіе личности и ея отказ от собственнаго блага. Но, отрицая отвлеченное понятіе об «обществѣ», они отрицают вмѣстѣ с тѣм и то отвлеченное понятіе об «индивидуумѣ», которое стремились создать их противники, доводя, таким образом, теорію до абсурда.

Личность имѣет право на полную свободу, на удовлетвореніе всѣх своих потребностей—это несомнѣнно. Но так как на земном шарѣ существует больше милліарда таких личностей, если и не с равными потребностями, то с равными правами, то всѣм этим правам нужно дать удовлетвореніе так, чтобы они не мѣшали друг другу: иначе произойдет угнетеніе одних другими и совершаемая революція окажется безполезной.

Наш чудовищный общественный строй, основанный на антагонизмѣ интересов, ставит людей в враждебное отношеніе друг к другу и заставляет их грызться для обезпеченія себѣ возможности существовать; это в значительной мѣрѣ содѣйствует путаницѣ в понятіях. В настоящем обществѣ приходится быть или вором, или обкрадываемым, или угнетателем, или угнетаемым— середины нѣт. Тот, кто хочет помочь другому, часто рискует быть одураченным; отсюда плохо разсуждающій человѣк выводит заключеніе, что люди не могут жить не борясь друг с другом.

Анархисты же говорят, напротив, что общество должно быть основано на самой тѣсной *солидарности*. В том обществѣ, к осуществленію котораго они стремятся, счастье одного не должно, даже в самой малѣйшей степени, быть в ущерб другому; наоборот, благосостояніе одной личности должно вытекать из благосостоянія всѣх; если независимости или благополучію одной какой-нибудь личности будет нанесен ущерб, то нужно чтобы этот ущерб чувствовался и всѣми остальными, чтобы они в силу этого могли исправить сдѣланное зло. Пока же этот идеал не осуществится, пока эта цѣль не будет достигнута, всѣ ваши общества, будут только организованным произволом, против котораго угнетенныя личности будут имѣть полное право протестовать.

Если бы человѣк мог жить один, если бы он мог вернуться к первобытному состоянію, нам нечего было бы говорить о том, как он будет жить, каждый жил бы как хочет. Земля достаточно велика, чтобы дать пріют всѣм, но дала ли бы она достаточное для всѣх пропитаніе, если ее предоставить самой себѣ?

В этом далеко нельзя быть увѣренным; результатом, вѣроятно, явилась бы ожесточенная борьба между личностями, «борьба за существованіе» первобытных времен во всем ея ужасѣ. Весь ход эволюціи пришлось бы начинать сначала: болѣе сильные стали бы притѣснять болѣе слабых, а затѣм их мѣсто заняли бы люди ловкіе, причем сила денег замѣнила бы собою силу физическую.

Если нам пришлось пережить весь этот період кровопролитія, нищеты и эксплуатаціи, называемый человѣческой исторіей, то это зависѣло именно от того, что человѣк был эгоистом в полном смыслѣ слова, без всякаго смягченія, без всякаго противодѣйствующаго вліянія. Во всякой ассоціаціи он видѣл прежде всего удовлетвореніе своей непосредственной потребности. Когда ему представлялась возможность поработить болѣе слабаго, он дѣлал это без всяких стѣсненій; он не видѣл ничего кромѣ той работы, которую может произвести порабощенный, и не думал о том, что необходимость надзора за ним и необходимость подавлять в будущем различныя возстанія в концѣ концов потребует столько же труда и что выгоднѣе было бы работать вмѣстѣ, помогая друг другу. Таким образом установились власть и собственность, и если мы хотим их уничтожить, то уже во всяком случаѣ не для того, чтобы начать сызнова всю прошлую эволюцію.

Если мы примем, что человѣком должен руководить лишь один чистый эгоизм, лишь поклоненіе собственному *я*, то это будет значить, что он должен броситься очертя голову в общую свалку и стремиться только удовлетворить самого себя, не заботясь о том, не мѣшает ли это кому-нибудь другому. Сказать это—значит сказать, что будущая революція должна произойти в пользу болѣе сильных, что новое общество должно быть основано на вѣчных столкновеніях между личностями. А если так, то нам нечего было бы ссылаться ни на какую идею всеобщаго освобожденія; тогда оказалось бы, что мы возмущаемся против современнаго общества только потому, что его капиталистическая организація мѣшает лично нам пользоваться его благами.

Возможно, что среди людей, называвших себя анархистами, и были такіе, которые становились на эту точку зрѣнія. Может быт именно от этого зависит факт измѣны и превращеній тѣх, которые сначала были самыми ярыми, а затѣм перешли в ряды защитников существующаго строя, потому что это оказалось для них болѣе выгодным.

Конечно, мы боремся с современным обществом потому, что оно не дает удовлетворенія нашим стремленіям, но мы понимаем,

что в наших интересах, чтобы это удовлетвореніе потребностей было распространено на всѣх членов общества.

Человѣк всегда эгоист, он всегда стремится сдѣлать из своего *я* центр вселенной. Но по мѣрѣ того, как его ум развивается, он начинает понимать, что если его *я* требует удовлетворенія, то есть и другія *я*, которыя требуют того же самаго и, чувствуя себя неудовлетворенными, начинают заявлять о своих правах. Вот почему мистики и сентименталисты стали проповѣдовать самоотреченіе и самопожертвованіе ради других.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповѣдь принесенія личности в жертву обществу—проповѣдь, не меньше грубой силы содѣйствовавшую его поддержанію—произвол начал смягчаться, предоставляя все большій простор развитію личности. Если узкій, дурно понятый эгоизм мѣшает развитію общества, то с другой стороны самоотреченіе и дух самопожертвованія оказываются вредными для личности. Не всякій может жертвовать собою для других, особенно если эти другіе ему посторонніе. В концѣ концов такое самопожертвованіе может оказаться даже вредным для человѣчества, потому что оно дает простор господству умов узких и эгоистических, в дурном смыслѣ этого слова и таким образом доставляет преобладаніе наименѣе совершенному типу человѣчества. Чистый альтруизм в точном смыслѣ слова точно также не может поэтому прочно утвердиться, как и эгоизм.

Но если, взятые в отдѣльности и доведенные до крайности, эгоизм и альтруизм оказываются оба вредными как для личности, так и для общества, то, соединившись в одно, они образуют третье начало, которое и должно лечь в основаніе будущих обществ. Это начало—солидарность.

Предположим, что нас нѣсколько человѣк и что мы соединяемся с цѣлью удовлетворенія какой-нибудь потребности. Если в нашей ассоціаціи нѣт ничего принудительнаго, никакого произвола, а она обусловливается исключительно нашими нуждами, то мы очевидно внесем в нее тѣм больше силы и энергіи, чѣм сильнѣе мы будем чувствовать данную потребность. Всѣ мы участвуем в производствѣ и всѣ имѣем очевидно право на потребленіе, а так как для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить потребностям всѣх, эти потребности будут разсчитаны заранѣе (включая сюда и новыя потребности, которыя можно будет предвидѣть), то в распредѣленіи продуктов без труда установится солидарность. Недаром говорят, что взгляд человѣка может обнять больше чѣм сколько входит в его желу-

док: чѣм сильнѣе будет у него какое нибудь желаніе, тѣм дѣятельнѣе будет он стремиться к его осуществленію, и такимъ образомъ произведет не только все то, что нужно для его сотоварищей, но сможет удовлетворить даже и тѣх, у которых явится желаніе обладать даннымъ предметом только тогда, когда он будет уже существовать. Потребности человѣка безконечно разнообразны; также безконечно разнообразны будут виды его дѣятельности и средства к удовлетворенію этих потребностей, и именно это разнообразіе будет содѣйствовать общей гармоніи.

В нашем обществѣ, гдѣ люди, для полученія необходимых для жизни предметов, привыкли всегда разсчитывать на чужой труд, они преслѣдуют только одну цѣль: достать себѣ побольше денег, чтобы имѣть возможность купить себѣ что угодно; а так как ручной труд едва позволяет человѣку не умереть с голоду, то всякій, кто может, старается добыть себѣ денег как нибудь иным путем, только не трудом: один становится чиновником, другой журналистом (причем не останавливается и перед шантажем); тот, у кого есть нѣкоторый капитал, начинает торговать, увеличивать свой доход, обманывая своих сограждан, занимается спекуляціей и ажіотажем, или же эксплуатирует чужой труд. Люди прибѣгают к всевозможным низостям и не дѣлают единственнаго дѣла, которое могло бы удовлетворить всѣх: не занимаются полезным, производительным трудом. Каждый заботится только о себѣ, совершенно не думая о тѣх, кому он наноситъ ущерб; отсюда тот безразсудный эгоизм, который стал, повидимому, единственным двигателем человѣческих поступков.

Но по мѣрѣ того как человѣк развивается, он перестает жить только ради себя одного; тип дѣйствительно развитого эгоиста, это—человѣк который страдает от страданія окружающих, который не может наслаждаться, когда он знает, что его наслажденіе покупается благодаря недостаткам нашего общественнаго устройства, цѣною чужого страданія. В средѣ буржуазіи встрѣчаются люди с очень развитою чувствительностью; если вліяніе среды, воспитанія, наслѣдственности не помѣшает им думать об общественных бѣдствіях и отдавать отчет в собственной жизни, они начинают стараться по возможности облегчить эти бѣдствія путем благотворительности. Развиваются различныя благотворительныя учрежденія; но вслѣдствіе привычки смотрѣть на настоящее общественное устройство как на нормальное, а на бѣдность—как на явленіе долженствующее существовать вѣчно, всѣ эти учрежденія носят сухой, инквизиторскій характер.

Дѣло в том, что для человѣка родившагося, воспитавшагося, развившагося в тепличной атмосферѣ благосостоянія и роскоши, очень трудно, даже невозможно без каких нибудь исключительных обстоятельств, начать сомнѣваться в законности того положенія, которым он пользуется. Что же касается разбогатѣвшаго выскочки, то для него это еще труднѣе, потому что он убѣжден, что достиг своего настоящаго положенія исключительно благодаря своему труду и своим талантам. Религія, политическая экономія и буржуазное самодовольство столько раз повторяли нам, что труд—наказаніе, а бѣдность—послѣдствіе непредусмотрительности, что трудно ожидать, чтобы человѣк, которому никогда не приходилось бороться с судьбой, не считал себя существом высшей породы. С того момента, когда он начнет в этом сомнѣваться, когда он примется изучать современное общественное устройство, если только он способен понять его недостатки, всѣ его удовольствія будут отравлены в самом их источникѣ. Мысль, что роскошь, которою он пользуется, покупается цѣною бѣдствій цѣлой массы рабочих, что каждое его удовольствіе оплачено страданіями тѣх, кто жертвовал собою, чтобы создать его, сдѣлается для него источником страданій. И если в этом человѣкѣ, наравнѣ с чувствительностью, развито и стремленіе к борьбѣ, то из него выйдет революціонер, борющійся с существующим общественным строем, который не может обезпечить ему даже умственнаго и нравственнаго удовлетворенія.

Не нужно забывать, в самом дѣлѣ, что соціальный вопрос не исчерпывается одною матеріальною стороною жизни. Конечно, мы боремся прежде всего за то, чтобы всѣ были сыты, но наши требованія на этом не останавливаются: мы боремся, вмѣстѣ с тѣм, и за возможность для всякаго развивать свои способности, пользоваться тѣми умственными наслажденіями, которых требует его мозг. Для многих анархистов вопрос правда ставится иначе, и отсюда-то и вытекают всѣ эти разнообразныя толкованія и споры об эгоизмѣ, альтруизмѣ и т. под. Вопрос о хлѣбѣ—вопрос первостепенной важности, но для самаго успѣха революціи было бы очень опасно ограничиваться им одним, потому что в таком случаѣ можно было бы принять и идеал соціалистическаго государства, которое может и должно обезпечить всѣм удовлетвореніе матеріальных потребностей.

Если бы будущая революція ограничилась въ своих требованіях одним вопросом матеріальной жизни, ей грозила бы опасность остановиться на пол-пути, выродиться в какую-то оргію, послѣ которой революціонеры легко сдѣлались бы добычей

штыков буржуазной реакціи. К счастью, этот вопрос, наиболѣе важный—мы вполнѣ с этим согласны—для міра рабочих, совершенно лишенных, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающейся безработицы, возможности быть увѣренными в завтрашнем днѣ, не есть единственный вопрос, разрѣшеніе котораго предстоит будущей революціи. Несомнѣнно, что первое, что должны будут сдѣлать анархисты для обезпеченія успѣха революціи, это—завладѣть общественным богатством, призвать обездоленных, захватить магазины, орудія и землю, устроиться в здоровых квартирах, разрушить тѣ трущобы, в которых они вынуждены жить теперь; возставшій народ должен будет уничтожить всѣ документы, устанавливающіе права на собственность; нотаріальные документы, кадастры, записи—все это должно будет быть пересмотрѣно и «очищено». Но для выполненія всей этой работы мало людей просто голодных: для этого нужны люди сознающіе свое личное достоинство, ревниво стоящіе за свои права, твердо стремящіеся к завоеванію их и умѣющіе их защитить. Вот почему для этого переворота недостаточно разрѣшенія одного вопроса матеріальнаго обезпеченія. И вот почему, рядом с требованіем права на существованіе, которое ставят анархисты, возникают всевозможные вопросы науки, искусства, философіи, которые анархистам приходится изучать и выяснять, так что анархическія идеи должны обхватывать собою всѣ области человѣческаго знанія. Повсюду онѣ черпают аргументы в свою пользу, повсюду онѣ находят старонников, которые приносят им свои требованія и свои знанія. Человѣческія знанія так обширны, что даже наиболѣе одаренные умы могут вмѣстить лишь часть их; поэтому идея анархизма не может сконцентрироваться в умах нѣскольких личностей, которыя начертали бы ей границы и предписали бы программу: она может разрабатываться только общими усиліями, когда каждый вкладывает в нее свои знанія, и это-то именно и составляет ея силу, потому что только такое сотрудничество всѣх может дать ей возможность стать выразительницей стремленій человѣчества.

Глава III.

Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?

«Ваши идеи слишком отвлеченны», часто говорят нам многіе из тѣх, кто думает, что, обращаясь преимущественно к рабочим, мы достигли бы своей пропагандой больших результатов, если бы не ставили вопросы так широко.

Выше мы уже видѣли, что само развитіе идей заставляет нас заниматься такими вопросами, которые не всегда доступны нашей публикѣ; это—неизбѣжное явленіе, которому нам приходится подчиняться и против котораго мы ничего не можем сдѣлать. Не спорим, для людей только что начинающих знакомиться с общественными вопросами, наша литература кажется иногда сухой и отвлеченной; но развѣ наша вина, если таков сам предмет, который мы разсматриваем и должны разсматривать? Развѣ наша вина, если защищаемыя нами идеи тѣсно сплетаются между собою, сливаются со всѣми отраслями человѣческаго знанія и, в силу этого, заставляют всякаго, кто хочет выяснить их себѣ, заняться изученіем таких предметов, в которых он раньше вовсе не предвидѣл надобности? Да, кромѣ того, развѣ предварительная работа, которой нам предлагают ограничиться, не сдѣлана уже тѣми соціалистами, которые были нашими предшественниками? Развѣ сама буржуазія не разрушает своего общества? Развѣ даже различные честолюбцы—радикалы и болѣе или менѣе истинные соціалисты—не стараются всѣми силами доказать рабочим, что современное общество ничего не может для них сдѣлать, что его нужно измѣнить? Анархистам остается только разобраться во всей этой громадной работѣ, привести ее в порядок и сдѣлать вывод. Их роль ограничивается тѣм, чтобы указать средства избавиться от угнетающаго нас зла, чтобы доказать, что устранить всѣ нежелатель-

ныя явленія, которыя так успѣшно критикуют разные стремящіеся ко власти буржуа, можно только тогда, если мы не будем довольствоваться измѣненіем только одной какой-нибудь части общей машины. Именно потому и сложна наша работа что идеи, с которыми нам приходится имѣть дѣло, сами по себѣ отвлеченны. Если бы мы согласились удовольствоваться одной декламаціей и голословными утвержденіями, то и наша задача, и задача наших читателей была бы очень легка. Не было бы ни трудных вопросов, ни надобности в аргументах и логикѣ, потому что говорить и писать фразы в родѣ: «Товарищи! хозяева нас грабят! Буржуа—негодяи, правительственныя лица—мошенники! Возстанем, убьем всѣх капиталистов, подожжем фабрики!» и т. под. очень нетрудно. Но вѣдь и до того, как начали это писать, эксплуатируемые убивали иногда своих эксплуататоров, угнетаемые совершали революціи, бѣдные возставали против богатых, и однако все это не измѣнило положенія. Правители смѣнялись; в 1789 году собственность перешла из однѣх рук в другія; послѣ того было сдѣлано еще нѣсколько революцій в надеждѣ совершить новое ея перемѣщеніе, и все-таки правительства продолжают угнетать своих подданных, а богатые живут на счет эксплуатируемых ими бѣдняков; в этом отношеніи ничего не измѣнилось.

Затѣм, уже послѣ того, как эти мысли были высказаны в литературѣ, точно также были новыя революціи, и все-таки положеніе вещей осталось тѣм же! Дѣло в том, что недостаточно говорить и писать, что рабочаго эксплуатируют: нужно еще объяснить ему, что, мѣняя своих правителей, он не перестает быть эксплуатируемым и что если бы он даже сам стал на их мѣсто, он сдѣлался бы в свою очередь таким же эксплуататором, а позади него осталась бы эксплуатируемая масса, которая выставила бы против его господства тѣ же самыя обвиненія, которыя он теперь выставляет против тѣх, кого он хочет смѣстить. Нужно объяснить кромѣ того рабочим, каким образом буржуазія сумѣла привязать их к существующему обществу и заставить их защищать интересы эксплуататоров даже тогда, когда они думают, что защищают свои собственные,— все это благодаря такому устройству, которое не может дать рабочему ничего, кромѣ никогда не исполняющихся обѣщаній.

Само буржуазное общество, всей своей организаціей, основанной на антагонизмѣ интересов, ведет рабочих к революціи; они всегда и дѣлали революціи, но точно также всегда и позволяли обратить их в пользу других, потому что они «не знали»

заранѣе. Роль пропагандистов состоит именно в том, чтобы «научить» рабочих, а чтобы «научить» нужно «доказать». Голословное утвержденіе может создать людей вѣрующих, но не людей сознательных.

В тѣ времена, когда даже у самых крайних соціалистов власть считалась основой всякой организаціи, имѣть только вѣрующих не представляло никаких неудобств; это даже облегчало задачу тѣх, кто брался ими руководить: они могли ограничиваться одними утвержденіями и им вѣрили или не вѣрили, смотря по степени того вліянія, которое они сумѣли пріобрѣсти. А так как эти руководители вовсе не стремились к тому, чтобы их послѣдователи понимали, почему их заставляют дѣйствовать так или иначе, а требовали от них только вѣры, которая побуждала бы их слѣпо повиноваться полученным приказаніям, то им и нечего было ломать себѣ голову над доставленіем им аргументов. Масса вѣрила в высших личностей, поставленных для того, чтобы думать и дѣйствовать за нее, и не нуждалась в знаніи: вѣдь у вождей есть, думала она, заранѣе выработанный, готовый план общественнаго переустройства, который они приложат на практикѣ, как только придут ко власти. Все, что требовалось от людей из толпы, это — умѣть драться и умирать. А как только вожди придут ко власти, народ может больше не безпокоиться: все будет сдѣлано в свое время.

Но с появленіем анархических идей все это измѣнилось. Отрицая необходимость «посланных свыше» личностей, борясь с властью, требуя для каждаго человѣка права и обязанности дѣйствовать только по его собственному желанію, внѣ всякаго принужденія, внѣ всякаго стѣсненія его свободы, считая личную иниціативу основой всякаго прогресса, всякой дѣйствительно свободной ассоціаціи, анархическая идея не может уже довольствоваться тѣм, чтобы создавать вѣрующих: она должна стремиться, главным образом, создавать людей убѣжденных, знающих, почему именно они вѣрят, людей, которые взвѣсили и обсудили представленные им аргументы и сами оцѣнили их. А это ведет к тому, что пропаганда становится болѣе трудной, болѣе отвлеченной, но вмѣстѣ с тѣм и болѣе плодотворной.

Но раз поступки людей зависят только от их собственной иниціативы, то они должны имѣть возможность и приложить эту иниціативу. Для того же, чтобы она могла свободно согласоваться с дѣйствіями других, она должна быть сознательной, разумной, основанной на логикѣ и фактах; чтобы всѣ отдѣльныя дѣйствія вели к одной общей цѣли, они должны основы-

ваться на одной общей идеѣ, ясно понятой и хорошо выработанной, а только строгое, логическое и точное обсужденіе может повліять на ум ея сторонников и заставить их думать самостоятельно.

Этим и обусловливается наш способ дѣйствія: когда мы имѣем дѣло с какой нибудь идеей, мы не извлекаем из нея фейерверка эффектных фраз, а разсматриваем ее со всѣх сторон и анализируем во всѣх подробностях, чтобы почерпнуть из нея всѣ возможные аргументы.

Совершить такой общественный переворот, к какому мы стремимся, а в особенности—как это желательно для нас—переворот повсемѣстный, конечно, дѣло нелегкое. Люди, живущіе в нашем обществѣ, мало склонны, как бы жестоко ни оказывалось по отношенію к ним это общество, стремиться, как стремимся мы, к полному общественному перевороту: они все таки привыкли видѣть в существующем обществѣ нѣкоторое обезпеченіе возможности благосостоянія для себя. Они понимают, что общество не исполняет своих обѣщаній по отношенію к ним, но не могут понять необходимости его полнаго разрушенія: у каждаго есть в запасѣ маленькая реформа, которая должна послужить смазкой для колес общественной машины и пустить ее в ход к вящему удовольствію всѣх. Поэтому они хотят знать, послужит ли этот переворот им во-вред или в пользу, и задают цѣлый ряд вопросов, из которых вытекает обсужденіе всѣх пріобрѣтеній человѣческаго ума с цѣлью узнать, будут ли они продолжать существовать послѣ той революціи, которую мы стремимся вызвать.

Понятны, поэтому, тѣ затрудненія, с которыми встрѣчается рабочій, когда перед ним ставится ряд вопросов, о которых благоразумно умалчивают в школах, вопросов, в которых ему трудно разобраться и о которых он, в большинствѣ случаев, слышит в первый раз. А между тѣм, если он только хочет умѣть воспользоваться той свободой, к которой он стремится, если он не хочет потратить свои силы себѣ во вред, а главное—если он хочет умѣть обходиться без «посланных свыше» личностей, внимательное изученіе и разрѣшеніе этих вопросов для него необходимо.

Когда перед пропагандистом анархической идеи возникает какой-нибудь, хотя бы самый отвлеченный, вопрос, он не может устранить этой присущей ему отвлеченности, не может обойти его молчаніем под тѣм предлогом, что его слушатели никогда не слыхали о нем или неспособны его понять. Все, что он мо-

жет сдѣлать, это – изложить ее ясным, точным и сжатым языком, избѣгая тѣх слов, которыя один мой товарищ сравнил с многоножками, т. е. слов понятных только для посвященных, не зарывать мысль в громкой и напыщенной фразеологіи, не стремиться к фразам и эффектам—одним словом сдѣлать ее понятной и дать ей возможность проникнуть в массу. Но мы не можем уродовать идею под тѣм предлогом, что она недоступна этой массѣ.

Если только захотѣть оставить в сторонѣ всѣ тѣ вопросы, которых большинство читателей не поймет с перваго же раза, то пришлось бы удовольствоваться декламаціей и нанизываніем ничего не значущих фраз. Буржуазные фразеры слишком хорошо играют эту роль для того, чтобы мы стремились ее у них отнять.

Если рабочіе дѣйствительно хотят освободиться, они должны понять, что это освобожденіе не придет само собою, что его нужно завоевать и что саморазвитіе есть одна из форм соціальной борьбы. Возможность и продолжительность их эксплуатаціи буржуазным классом обусловливается их невѣжеством; если они хотят быть способными освободиться матеріально, они должны сумѣть освободиться и умственно. А если они останавливаются перед трудностями этого освобожденія, зависящаго исключительно от их желанія, что же будет когда они станут лицом к лицу с трудностями болѣе активной борьбы, гдѣ потребуется несравненно большая сила воли и характера?

Несмотря на всю безполезность, на весь вредный характер буржуазіи, в умах нѣкоторых из ея представителей, во всяком случаѣ, сосредоточились всѣ научныя знанія, нужныя для развитія человѣчества, и если мы не хотим, чтобы революція была шагом назад, нужно, чтобы рабочій оказался способным замѣнить того буржуа, котораго он хочет свергнуть, чтобы он не задержал своим невѣжеством развитіе уже пріобрѣтенных знаній. Если даже он не может как слѣдует владѣть этими знаніями, он должен быть, во всяком случаѣ, способным их понять, когда ему придется с ними столкнуться.

Мы вполнѣ понимаем, что терпѣть трудно, что человѣк, который голодает, хотѣл бы, наконец, дожить до того дня, когда он сможет утолить свой голод, что тѣм, которые едва переносят иго власти и ждут с нетерпѣніем возможности его свергнуть, хотѣлось бы слышать слова, соотвѣтствующія их настроенію, выражающія их ненависть, их желанія, их стремленія, их жажду справедливости. Но как бы сильно ни было это нетерпѣливое

ожиданіе, как бы ни были законны эти требованія и потребность их осуществленія, идея тѣм не менѣе прокладывает себѣ дорогу лишь постепенно и овладѣвает умами только тогда, когда она созрѣет и выработается.

Вспомним, что та буржуазія, которую мы хотим свергнуть, употребила цѣлые вѣка на то, чтобы подготовиться к свержению королевской власти, и подумаем, сколько еще нам предстоит подготовительной работы! В XIV м вѣкѣ, когда Этьен Марсель сдѣлал попытку захватить власть в пользу буржуазіи, уже организованной в то время в корпораціи, эта буржуазія уже чувствовала свою силу; она уже давно стремилась к власти и организовывалась с этою цѣлью, уже давно была образована, развита и работала над своим освобожденіем в формѣ борьбы общин с феодализмом. И, несмотря на все это, прошло еще четыре вѣка прежде, чѣм она достигла этой давно желанной цѣли.

Конечно, мы надѣемся, что нам не придется так долго ждать нашего освобожденія от буржуазной эксплуатаціи. Разложеніе буржуазіи уже теперь, послѣ такого короткаго владычества, быстро ведет ее к паденію; но не будем забывать, что если в 89 году буржуазія сумѣла утвердить свое господство вмѣсто владычества «божественнаго права», то это потому, что она была умственно готова к этому, и что чѣм быстрѣе идет теперь ея паденіе, тѣм больше должны мы, рабочіе, спѣшить умственно подготовиться—не к тому, чтобы замѣнить ее у власти, которую мы должны уничтожить,—а к тому, чтобы организоваться так, чтобы никакая новая аристократія не могла стать на мѣсто свергнутой буржуазіи.

Итак, повторяем, раз мы признали идею свободной иниціативы личности, мы должны сдѣлать так, чтобы эта личность могла разсуждать и пользоваться своей иниціативой. Если же у нея не хватает силы воли освободиться от собственнаго невѣжества, то как же она сможет внушить другим то, чего сама не могла узнать? Не будем, поэтому, бояться обсуждать хотя бы самые отвлеченные вопросы: всякое рѣшеніе их есть шаг вперед по пути к освобожденію.

Раз мы отрицаем необходимость вождей, мы должны стремиться к тому, чтобы знанія, сосредоточивавшіяся прежде в их умах, растворились в умах толпы, а для этого есть только одно средство: это, не переставая, идти вперед и заставить толпу интересоваться тѣми вопросами, которые интересуют нас. Опять

правильности его функціонированія? Дает-ли общество, управляемое всевозможными властями, королями, священниками и купцами, простор широким, гуманным идеям и не старается ли оно, напротив, подавить их? Не пользуется-ли оно для угнетенія слабых сильными грубой силой денег, отдающей наиболѣе безкорыстных и наименѣе эгоистичных людей в распоряженіе корыстолюбивых и беззастѣнчивых?

Достаточно изучить механизм буржуазнаго общества, чтобы увидать, что от него нельзя ждать ничего хорошаго. В самом дѣлѣ, стремленіе ко всему доброму и прекрасному должно было быть очень живучим в человѣкѣ, если его до сих пор не подавило то корыстолюбіе, тот узкій, безсмысленный эгоизм, который наше оффиціальное общество прививает ему с колыбели. Это общество основывается, как мы уже говорили, на антагонизмѣ интересов и дѣлает из каждаго человѣка врага другого. Интерес продавца противуположен интересу покупателя; скотовод и земледѣлец только и хотят, чтобы хозяйство сосѣда пострадало от эпидеміи или града, чтобы продать подороже свои собственные продукты; иногда они, кромѣ того, обращаются к государству, которое «покровительствует» им, налагая высокія пошлины на их конкуррентов; развитіе машин вносит все большее и большее раздѣленіе в среду рабочих: они оказываются выброшенными на улицу и борятся друг с другом за полученіе работы, спрос на которую становится все ниже и ниже предложенія. Все в нашем традиціонном обществѣ ведет к противуположенію интересов. Почему, напримѣр, существует бѣдность и безработица? Потому что магазины переполнены товарами. Почему людям до сих пор не пришло в голову сжечь их, или завладѣть ими в свою пользу, чтобы создать тѣ рынки, которых их эксплуататоры ищут в далеких странах, и получить ту работу, в которой им отказывают теперь? «Потому что они боятся полиціи», отвѣтят нам. Этот страх несомнѣнно существует, но его одного еще недостаточно для объясненія такой бездѣятельности со стороны бѣдняков. Сколько бывает в ежедневной жизни случаев, когда человѣк может сдѣлать какое-нибудь зло без всякаго риска, и все таки не дѣлает его, из каких-то других соображеній, помимо страха полиціи. Да кромѣ того, если бы всѣ бѣдняки какого нибудь большого города, напримѣр Парижа, собрались вмѣстѣ, то их оказалось бы так много, что им нечего было бы бояться полиціи: они могли бы выдержать борьбу с нею втеченіе цѣлаго дня, а за это время очистить магазины и хоть раз наѣсться досыта. Развѣ страх удерживает людей,

идущих в тюрьмы за бродяжничество и нищенство, между тѣм как для них было бы нисколько не опаснѣе взять самим то, что они теперь выпрашивают? Нѣт, все зависит оттого, что помимо страха у людей есть общественные инстинкты, которые мѣшают им дѣлать зло ради зла и заставляют их подчиняться самым большим стѣсненіям только потому, что они считают их необходимыми для правильнаго функціонированія общества.

Неужели можно было бы силой поддержать уваженіе к собственности, если бы в умѣ людей не существовало вмѣстѣ с тѣм понятія о ней как о чем-то законном, пріобрѣтенном личным трудом? Развѣ когда-нибудь самыя суровыя наказанія мѣшали нарушать ее тѣм, кто, не заботясь, законна она или незаконна, хотѣл жить на чужой счет? Если бы у людей в самом дѣлѣ была та наклонность ко злу, которую им приписывают, то можно себѣ представить, что произошло бы, когда, разобравшись в своем бѣдственном положеніи, они увидали бы, что его причина лежит в частной собственности: общество перестало бы существовать, а вмѣсто него воцарилась бы «борьба за существованіе» в самом жестоком смыслѣ слова; это было бы настоящее возвращеніе к варварству. Именно его стремленіе к «добру» было причиной того, что человѣк всегда позволял себя угнетать, порабощать, обманывать и эксплуатировать и что до сих пор он избѣгает пользоваться, хотя бы для своего окончательнаго освобожденія насильственными средствами.

В сущности, когда нам говорят, что человѣк дурен сам по себѣ, и что ни на какое измѣненіе в этом отношеніи разсчитывать нечего, это сводится к слѣдующему разсужденію: «Человѣк дурен, общество плохо устроено; к чему же терять время на достиженіе для человѣчества такого совершенства, которое для него невозможно? Постараемся лучше, по возможности, проложить дорогу себѣ самим. И если даже наши удовольствія будут куплены цѣною слез и крови тѣх жертв, которыми мы усѣем наш путь, то не все ли равно? Нужно топтать других, если не хочешь быть самому растоптанным, а затѣм пусть тот, кто падает, устраивается как хочет!»

Привиллегированные классы сумѣли установить свое господство, усыпить рабочих и превратить их в своих защитников, сначала обѣщая им лучшую жизнь — в другом мірѣ, — затѣм, когда вѣра в Бога исчезла, проповѣдуя мораль, патріотизм, общественную пользу и т. под., наконец, в настоящее время, внушая им надежду на то, что всеобщее избирательное право даст им всевозможныя реформы и улучшенія, в дѣйствительности не-

осуществимыя (потому что нельзя уничтожить зло современнаго общества до тѣх пор пока не разрушена самая причина этого зла, пока не преобразовано само общество); но пусть только эти эксплуататоры бѣдняков попробуют провозгласить чистое право сильнаго, и они увидят, долго-ли продолжится их господство: на силу им ответят силой!

В тѣ времена, когда человѣк впервые начал группироваться с другими себѣ подобными, он был, вѣроятно, скорѣе еще животным, чѣм человѣком и представленія о нравственности и справедливости у него не существовало. Ему приходилось бороться с другими животными, бороться со всей окружающей природой; первыя человѣческія общества были, поэтому, вызваны по всей вѣроятности не чувством солидарности, а необходимостью соединить отдѣльныя силы. Эти общества, несомѣнно были вначалѣ лишь временными и имѣли в виду лишь ловлю добычи, устраненіе различных препятствій, а позднѣе—отраженіе или уничтоженіе нападающаго врага. Только по мѣрѣ того, как общества функціонировали, люди начали понимать всю их важность; общества стали тогда переживать первоначально намѣченную цѣль и понемногу сдѣлались постоянными.

Но в то же время эта жизнь, полная непрерывной борьбы должна была неизбѣжно развить в личностях кровожадные и деспотическіе инстинкты: слабым приходилось подчиняться гнету сильных, а иногда и служить им в пищу. Лишь гораздо позднѣе, вѣроятно, наступило время, когда наравнѣ с силою начала господствовать хитрость.

Нужно сознаться, что когда мы изучаем человѣка в эту раннюю пору его существованія, он представляется нам довольно несимпатичным животным; но раз он мог развиться до своего теперешняго состоянія, раз он мог усвоить себѣ понятія и идеи, которыя отсутствовали у него раньше, то почему бы ему остановиться на этой точкѣ и не пойти дальше? Отрицать возможность дальнѣйшаго прогресса было бы также нелѣпо, как если бы, в то время когда человѣк жил в пещерах и не имѣл ничего другого для своей защиты кромѣ каменнаго оружія или палки, кто-нибудь сказал, что он никогда не будет способен строить блестящіе города и пользоваться паром и электричеством. Почему человѣку, сумѣвшему приспособить к своим нуждам подбор домашних животных, не сумѣть направить свой собственный подбор по пути добра и красоты, о которых он уже начинает составлять себѣ понятіе?

Человѣк мало по малу развивался и продолжает развиваться

каждый день. Его понятія подвергаются постоянным измѣненіям. Физическая сила, если и служит до сих пор авторитетом, то во всяком случаѣ уже не является предметом прежняго поклоненія. Развились представленія о нравственности, справедливости, солидарности; теперь они уже пріобрѣли такую силу, что привиллегированные классы должны, для поддержанія своих привиллегій, внушать людям, что их эксплуатируют и угнетают для их же пользы.

Но этот обман не может длиться долго. Люди уже начинают чувствовать, что им тѣсно в нашем плохо устроенном обществѣ; стремленія, зародившіяся цѣлые вѣка тому назад, но до сих пор бывшіе лишь неполными и единичными, начинают принимать опредѣленную форму и находить себѣ сочувствіе даже в рядах тѣх, кого можно включить в число привиллегированных личностей нашей современной общественной организаціи. Нѣт ни одного человѣка, который бы хоть раз в жизни не почувствовал себя возмущенным против современнаго общества, находящагося под властью умершаго прошлаго,—общества, которое точно задалось цѣлью оскорблять нас во всѣх наших чувствах, поступках и стремленіях, и от котораго человѣк тѣм больше страдает, чѣм больше он развивается. Идеи свободы и справедливости получают болѣе опредѣленное выраженіе, люди, провозглашающіе их, еще пока составляют меньшинство, но меньшинство уже настолько сильное, что правящіе классы начинают безпокоиться и бояться.

Итак, мы видим, что, подобно всѣм другим животным, человѣк есть ничто иное как продукт процесса развитія, обусловленнаго средою, окружающей его, и условіями существованія, которым он должен подчиняться или с которыми должен бороться. Но в отличіе от других животных — или, по крайней мѣрѣ, в большей степени, чѣм они—он выучился понимать свое происхожденіе и имѣть извѣстныя стремленія по отношенію к будущему; от него самого зависит поэтому устранить то зло, которое ошибочно считают связанным с самим его существованіем. А раз он создаст себѣ иныя условія жизни, то он измѣнится и сам.

Помимо этого, вопрос можно формулировать слѣдующим образом: имѣет ли право человѣк—хорош он или дурен—жить как ему хочется и возмущаться когда его эксплуатируют или когда его хотят принудить к таким условіям жизни, которыя внушают ему отвращеніе? В настоящее время люди, стоящіе у власти и пользующіеся привиллегіей матеріальнаго благосостоянія, счи-

тают себя лучшими, но стоит только «худшим» свергнуть их, занять их мѣсто и помѣняться ролями, как у них будет ровно столько же права считать себя лучшими, как и у тѣх.

Существованіе частной собственности, вслѣдствіе которой все общественное богатство сосредоточивается в руках немногих, дало этим немногим возможность жить паразитами на счет эксплуатируемой массы, весь труд которой идет на поддержаніе их роскошной и бездѣятельной жизни или на защиту их интересов. Такое положеніе, в несправедливости котораго тѣ, которые страдают от него, уже увѣрились, не может долго продолжаться. Рабочіе потребуют возможности свободно пользоваться продуктами своего труда и, если им будут продолжать в этом отказывать, прибѣгнут к возстанію; тогда буржуазія может сколько угодно прятаться за соображеніе о том, что человѣк вообще дурен: революція все равно совершится. И вот, если дѣйствительно человѣк неспособен к совершенствованію—а мы видѣли, что это невѣрно,—тогда начнется борьба аппетитов; буржуазія, как бы не была она жадна, окажется во всяком случаѣ побѣжденной, потому что она будет в меньшинствѣ. Если же человѣк дурен только потому, что его дѣлают таким существующія учрежденія, то он сможет подняться до такого общественнаго строя, который будет содѣйствовать его нравственному, умственному и физическому развитію, и сумѣет преобразовать общество в направленіи солидарности интересов. Но, как бы то ни было, революція во всяком случаѣ, произойдет. Сфинкс ставит перед нами этот вопрос и мы без страха отвѣчаем на него, потому что мы, анархисты — разрушители законов и собственности— знаем ключ к его разгадкѣ.

Глава V.

Собственность.

Прежде, чѣм продолжать изложеніе наших взглядов, не лишнее будет разсмотрѣть тѣ учрежденія, к уничтоженію которых мы стремимся, тѣ основы, на которых покоится современное буржуазное общество, и объективную цѣнность этих основ; вмѣстѣ с тѣм мы увидим, почему нельзя преобразовать общество, не измѣнив всей его организаціи цѣликом и почему, пока это измѣненіе не совершится, никакое улучшеніе в нем не будет дѣйствительно. Мы увидим вмѣстѣ с тѣм, какія именно причины заставили нас сдѣлаться анархистами и революціонерами.

Защита частной собственности и ея передача по наслѣдству—вот основы современнаго общественнаго строя. Из нея вытекает правительственная власть, современная семья, судебная власть, армія,—всѣ эти гнетущія и раззоряющія нас учрежденія. Есть еще религія, но мы не будем заниматься ею: наука, хотя и буржуазная, уже убила ее. Оставим мертвых в покоѣ.

Мы не имѣем в виду дать историческій обзор развитія собственности: соціалисты всѣх фракцій уже дѣлали это много раз и вполнѣ доказали, что она есть ничто иное, как результат воровства, обмана или пользованія правом сильнаго. Нам остается только привести нѣкоторые факты в доказательство ея несправедливости и показать, что именно от нея происходят всѣ тѣ бѣдствія, от которых мы страдаем. Вмѣстѣ с тѣм, мы увидим, что всѣ предложенныя реформы—не болѣе как приманки, способныя только усыпить эксплуатируемых, и что для устраненія существующаго зла нужно уничтожить его в самом его источникѣ—собственности и капитализмѣ.

Современная наука показала нам, что земля образовалась из космическаго вещества, отдѣлившагося от солнечной туманности. Вслѣдствіе вращенія вокруг своей оси и вокруг центральнаго свѣтила это ядро сгустилось и, как дѣтище солнца,

начало, подобно произведшему его свѣтилу, свѣтить собственным свѣтом в видѣ маленькой звѣзды среди млечнаго пути. Позднѣе, масса его охладилась, перешла из газообразнаго состоянія в жидкое и полу-жидкое, а затѣм, все больше и больше уплотняясь, стала совершенно твердой. При этом газы, находившіеся в раскаленной массѣ, образовали между собою различныя соединенія и дали начало тому основному матеріалу, который входит в состав земли—минералам, металлам, атмосферным газам.

По мѣрѣ того, как земля все больше и больше охлаждалась, дѣйствіе воды и атмосфернаго воздуха на минералы давало начало слоям почвы; вмѣстѣ с тѣм, соединеніе водорода, кислорода, углерода и азота произвело, в глубинѣ вод, нѣчто вродѣ органическої студенистой массы, не имѣвшей ни опредѣленной формы, ни органов, ни сознанія. Эта масса обладала однако способностью двигаться, выпуская из себя отростки в том направленіи, в котором она хотѣла перемѣщаться, или, вѣрнѣе, в котором на нее дѣйствовало извѣстное притяженіе, и способностью ассимилировать захваченныя ею постороннія тѣла и ими питаться; наконец, у нея была еще одна способность: дѣлиться, по достиженіи извѣстной ступени развитія, на двое и, таким образом, давать начало новому организму, вполнѣ сходному с первым.

Таково скромное начало существованія человѣчества—настолько скромное, что лишь гораздо позднѣе, послѣ долгой эволюціи, послѣ образованія цѣлаго ряда типов в цѣпи живых существ, стало возможным отличить животное от растенія. Прослѣдить здѣсь весь ряд форм до человѣка значило бы изложить тот ход эволюціи, который современная наука объясняет так ясно и так понятно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Нам остается только отослать к ней читателя, а самим воспользоваться лишь нѣкоторыми фактами для доказательства той мысли, что часть земли была произвольно захвачена группой личностей, обративших ее в свою собственную пользу и в пользу своих потомков, в ущерб, как менѣе благопріятно поставленным личностям, так и будущим поколѣніям.

Очевидно, что такое объясненіе появленія человѣка на землѣ разрушает всѣ чудесные разсказы о его сотвореніи. В нем нѣт мѣста ни богу, ни какой бы то ни было другой творческой силѣ; человѣк есть ничто иное, как продукт эволюціи жизни земли, которая сама есть результат извѣстнаго соединенія газов, а эти газы, в свою очередь, прошли через цѣлый ряд превращеній, прежде чѣм, соединившись при надлежащей плотности и в на-

лежащих пропорціях, дать начало первому проявленію жизни. Но если мы устраним такимъ образомъ представленіе о сверхъестественномъ происхожденіи человѣка, то точно также теряетъ подъ собою почву и представленіе о божественномъ происхожденіи общества въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, съ его раздѣленіемъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на управляющихъ и управляемыхъ. Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своемъ сверхъестественномъ происхожденіи и державшаяся по меньшей мѣрѣ постольку же этой легендой, поскольку и грубой силой, уже подается подъ напоромъ критики и грозитъ разрушиться; въ настоящее время ей приходится уже прятаться за всеобщее избирательное право и законъ большинства. Она могла существовать только до тѣхъ поръ, пока не подвергалась критикѣ, а теперь, какъ мы увидимъ ниже, держится только благодаря силѣ. Мы можемъ поэтому сказать, что подъ вліяніемъ этой критики собственность и власть постепенно умираютъ: то, что обсуждается, уже не пользуется авторитетомъ; то, что опирается только на силу, можетъ точно также и быть разрушено силою.

Растеніе питается на счетъ минеральнаго міра и атмосферы, животное—насчетъ растенія и уже гораздо позднѣе—на счетъ другихъ животныхъ, но во всемъ этомъ нѣтъ никакой заранѣе изобрѣтенной іерархіи живыхъ существъ, никакого плана, созданнаго Творцомъ міра или Природой, взятой въ отвлеченномъ смыслѣ. Никѣмъ не предустановлено, чтобы растеніе должно было служить въ пищу животному, животное и растеніе—въ пищу человѣку, а одна категорія людей—быть слугами другой и доставлять этимъ избраннымъ возможность наслаждаться жизнью. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего кромѣ эволюціи, совершающейся подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ: сгущеніе газовъ дало начало минераламъ; питаться этими минералами могъ только растительный міръ, который, превращая ихъ въ органическія вещества, сдѣлалъ возможнымъ впослѣдствіи развитіе жизни животной.

Если же мы признаемъ это эволюціонное происхожденіе человѣка, то для насъ станетъ очевиднымъ, что и послѣ появленія на землѣ первыхъ мыслящихъ существъ, для облегченія ихъ дальнѣйшаго развитія не нужно было содѣйствія никакого Провидѣнія, никакого высшаго существа, которое дало бы въ удѣлъ однимъ власть надъ своими ближними, другимъ—собственность на землю, а большинству—нужду и лишенія, повиновеніе своимъ господамъ и, какъ единственную функцію—работу въ пользу этихъ послѣднихъ.

Но дѣло въ томъ, что *борьба за существованіе*, была вначалѣ

единственною основою жизни; единственной заботой человѣка было съѣсть другого, чтобы не быть съѣденным самому. Когда же люди начали безсознательно пользоваться иным, гораздо болѣе высоким принципом,—принципом *ассоціаціи для совмѣстной борьбы*,—то в образовавшемся таким образом обществѣ должно было неизбѣжно проявиться стремленіе к борьбѣ и господству, переданное человѣку по наслѣдству от предыдущих поколѣній. Личности, у которых это стремленіе было сильнѣе, взяли верх над тѣми, у которых оно было слабѣе. Установившаяся таким образом власть видоизмѣнялась затѣм сообразно развитію человѣческаго ума; общественный строй подвергался различным превращеніям соотвѣтственно тому, царили ли в обществѣ сила, религіозный дух, или коммерческій разсчет. В этих разнообразных формах власть удержалась до наших дней и будет держаться до тѣх пор, пока человѣк не избавится от своих ошибок и предразсудков, не завоюет себѣ независимость и не перестанет порабощать других, из боязни быть самому порабощенным болѣе сильными.

Когда легенда о божественном происхожденіи власти и собственности оказалась разрушенной самой буржуазной наукой, буржуазія постаралась дать им другую основу, болѣе прочную и болѣе естественную. Политико-экономы возвели в «естественные законы» тѣ факты общественной жизни, которые в дѣйствительности происходят от плохой организаціи общества, приняли их за причину того, чего они в сущности являются лишь слѣдствіями, и украсили всѣ эти нелѣпости названіем науки. Чтобы узаконить самыя безобразныя общественныя преступленія, самую страшную эксплуатацію со стороны капитализма, они хотѣли свалить всю вину в существующей бѣдности на самих же бѣдняков; они возвели в закон самосохраненія общества самый уродливый эгоизм, который, как мы видѣли выше, может вести лишь к общественным столкновеніям, к тратѣ сил и общественному регрессу,—если только он не смягчается другим, болѣе развивающим и болѣе гуманным началом—солидарностью.

Буржуазное общество основано на капиталѣ, а этот послѣдній является в формѣ денег; но, чтобы замаскировать ту исключительную роль, которую он играет в производствѣ и обмѣнѣ, политико-экономы включают в понятіе о капиталѣ все. Человѣк, который женится и производит на свѣт дѣтей, затрачивает капитал, но вмѣстѣ с тѣм и создает его вновь, потому что ребенок, когда он вырастет, сдѣлается в свою очередь ка-

питалом! Мышечная сила, которую рабочій тратит в производствѣ есть капитал! Замѣтим, что помимо своих рук рабочіе всегда вносят в свою работу—какова бы она ни была—и извѣстное количество умственнаго труда, часто превышающее соотвѣтственный труд предпринимателя, но так как, в таком случаѣ, пришлось бы считать на долю рабочих двойную пропорцію капитала, а это стѣснило бы политико-экономов в их разсчетах, то они и обходят этот факт молчаніем.

Но так как сведеніем всей человѣческой дѣятельности на понятіе о капиталѣ все таки нельзя объяснить происхожденіе капитала, то они и изобрѣли слѣдующее: «капитал — это та доля пріобрѣтеннаго трудом, которую предусмотрительные люди не потребили сразу, а сберегли в виду будущих потребностей.» И вот здѣсь-то интересно сдѣлать нѣкоторый разсчет.

Всякій капитал, пущенный в оборот, говорят политико-экономы, должен принести: 1) извѣстную сумму, равную затраченной, чтобы цѣликом возстановиться, и 2) извѣстную прибыль, представляющую как бы страховую премію за риск, которому подвергается капитал. А так как рабочій, которому платит за его труд, ничѣм не рискует, то он имѣет право лишь на первую долю, которая даст ему возможность возмѣстить потраченный им капитал, т. е. питаться, одѣваться, имѣть помѣщеніе и вообще возстановлять свои силы. Имѣть дѣтей он должен не больше, чѣм позволяет ему избыток его заработка.

Что же касается хозяина, то это—дѣло совсѣм другое. Он вносит прежде всего первоначальный капитал, который идет на плату рабочим и на необходимыя покупки и представляет собою сумму тѣх удовольствій, которых он лишал себя в прошлом. Как и капитал рабочаго, этот капитал должен прежде всего возстановить самого себя и кромѣ того принести еще страховую премію за риск; эта премія составит прибыль эксплуататора. Кромѣ того, если дѣло идет о промышленном предпріятіи, то в него вкладывается еще и стоимость построек и машин, которая также должна вернуться капиталисту и принести ему страховую премію. Мало того: его ум, тоже представляет собою капитал, и капитал не малый. Капиталист должен сумѣть выгодно помѣстить свой капитал, должен умѣть управлять своими дѣлами и самим собою узнавать, какіе предметы выгоднѣе производить, гдѣ существует на них спрос и т. под. Этот третій капитал тоже должен быть возвращен ему из его предпріятія. Прибавьте к этому, что, если предприниматель—инженер, ученый, врач, то вознагражденіе должно быть еще гораздо больше, потому что для обра-

зованія этого капитала потребовалось много затрат, а слѣдовательно, и возстановленіе его стоит дороже.

Затѣм, раз только это тонкое различіе между различными элементами, участвующими в производствѣ, установлено, то существующее распредѣленіе оказывается вполнѣ справедливым: капиталист получет свои три доли из общаго продукта—вот и все. Вѣдь рабочій получил свою часть, чего же ему еще нужно? Пусть тоже сберегает, а затѣм вложит свои сбереженія в какое нибудь промышленное предпріятіе; тогда он тоже будет получать тройную долю. Если он хочет чего нибудь добиться, пусть прежде всего научится ограничивать себя! Пусть не тратит безсмысленно своих денег по кабакам! Пусть не производит на свѣт так много дѣтей! Борьба тяжела и человѣк должен умѣть отказывать себѣ в удовольствіях в настоящем, если хочет увеличить их в будущем!...

Рѣщаются ли господа экономисты, толкующіе нам об умѣ капиталистов, утверждать, что тот, кто наживает милліоны биржевой игрой, спекуляціями и монопольным захватом, тратит в милліон большую умственную силу, чѣм—я не говорю уже рабочій, котораго можно считать артистом своего дѣла,—но даже самый простой рабочій, в самом обыденном ремеслѣ? Возьмите любого рабочаго—из тѣх, кому судьба наиболѣе благопріятствует, кто получает сравнительно хорошую заработную плату, никогда не остается без работы, никогда не болѣет. Сможет ли этот рабочій жить той широкой жизнью, которою должны были бы пользоваться всѣ, сможет ли он удовлетворять, продолжая работать, всѣм своим физическим и умственным потребностям? Да что об этом говорить; он не сможет удовлетворить даже сотой доли своих потребностей, если даже онѣ будут у него самыя ограниченныя, а если он захочет сберечь себѣ хоть что нибудь на старость, то ему придется еще больше сокращать их. И все таки, как бы он ни был бережлив, ему никогда не удастся скопить столько, чтобы имѣть возможность жить не работая. Сбереженій, сдѣланных в производительную пору его жизни, едва хватит на пополненіе того дефицита, который принесет с собою старость—если только он не получит наслѣдства или, вообще, в его жизни не произойдет какой нибудь счастливый случай, не имѣющій ничего общаго с трудом.

А сколько на одного такого привиллегированнаго рабочаго приходится бѣдняков, никогда не имѣющих возможности утолить свой голод! Развитіе машин дает возможность эксплуататорам

уменьшить свой рабочій персонал; безработных рабочих, которые понижают заработную плату и увеличивают безработицу, становится все больше и больше; кромѣ того, заработок уменьшается еще вслѣдствіе болѣзней, так что, в концѣ концов, рабочій, пользующійся достатком, все больше и больше обращается в нив: он не только не может разсчитывать выбраться из нужды, но если буржуазное общество продержится еще долго, ему предстоит все глубже и глубже погружаться в нее.

Представим себѣ теперь случай, когда такой достаточный рабочій, вмѣсто того чтобы продолжать откладывать свои сбереженія в видѣ денег, заводит, накопив нѣкоторую сумму, собственное предпріятіе. Это точно также дѣлается все менѣе и менѣе осуществимым, потому что примѣненіе машин требует соединенія очень больших капиталов и не дает возможности существовать отдѣльному предпринимателю; но допустим, что это возможно и что наш самостоятельный рабочій-хозяин работает один. Если политико-экономы правы, говоря, что всякая человѣческая способность представляет собою капитал, вложенный в предпріятіе и обогащающій ея обладателя, то мы видим здѣсь человѣка, вложившаго и денежный капитал, и капитал в видѣ рабочей силы, и капитал умственный; а так как ему при этом не с кѣм дѣлиться, то очевидно его капитал должен скоро удесятериться, а сам он—сдѣлаться милліонером.

В дѣйствительности же рабочих, которые бы работали одни, сами на себя, почти не существует, а мелкій хозяин, нанимающій двух или трех человѣк, живет лишь очень немногим лучше своих рабочих, причем он должен работать столько же, как и они, если не больше, потому что ему постоянно грозят различные платежи; он не может разсчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія и должен считать себя счастливым, если ему удастся удержаться на высотѣ своего сравнительнаго благосостоянія и избѣгнуть банкротства. Большіе доходы, крупныя состоянія, широкая жизнь составляют привиллегію только крупных собственников, крупных акціонеров, крупных фабрикантов, крупных спекуляторов, которые сами не работают, а нанимают цѣлыя сотни рабочих. Это ясно показывает, что капитал—дѣйствительно накопленный труд, но только труд других, собравшійся в руках одного грабителя.

Самым лучшим доказательством основного недостатка нашей общественной организаціи является тот факт, что машины — этот величайшій шаг вперед, результат всѣх накопленных на-

ній, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, машины, которыя должны были бы пойти на пользу всѣхъ человѣческихъ существъ, которымъ онѣ облегчаютъ жизнь, увеличивая ихъ производительную силу и уменьшая трудъ—въ дѣйствительности приносятъ рабочимъ только усиленіе ихъ нужды и лишенія. Изъ употребленія машинъ извлекаютъ пользу одни капиталисты, потому что машины даютъ имъ возможность сокращать рабочій персоналъ и, кромѣ того, вслѣдствіе розни, устанавливающейся благодаря безработицѣ между занятыми и незанятыми рабочими, понижаютъ заработокъ первыхъ, такъ какъ нужда заставляетъ ихъ соглашаться на всякую предложенную плату, даже если она ниже суммы, необходимой для пропитанія ихъ самихъ и ихъ семьи. Такъ называемые естественные законы оказываются, такимъ образомъ, нарушенными благодаря ихъ же собственному дѣйствію, а это показываетъ, что если даже это и «законы», то, во всякомъ случаѣ, не законы «естественные».

С другой стороны, очевидно и то, что при всѣхъ своихъ капиталахъ, при всѣхъ своихъ машинахъ, капиталисты не могли бы ровно ничего производить безъ помощи рабочихъ, тогда какъ рабочіе, если бы они согласились между собою и соединили свои силы, могли бы отлично обходиться безъ капиталистовъ. Но дѣло не въ томъ. Мы хотимъ сдѣлать изъ сказаннаго только тотъ выводъ, что разъ капиталисты не могутъ ничего достигнуть безъ помощи рабочихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что самымъ важнымъ факторомъ въ производствѣ являются именно эти послѣдніе и что имъ должна была бы доставаться наибольшая доля продукта. Отчего же происходитъ, что эта доля идетъ, наоборотъ, капиталистамъ, что чѣмъ меньше они работаютъ, тѣмъ больше получаютъ, тогда какъ рабочіе чѣмъ больше производятъ, тѣмъ больше усиливаютъ безработицу и уменьшаютъ свои шансы стать потребителями? Какимъ образомъ происходитъ, что чѣмъ больше магазины ломятся подъ тяжестью продуктовъ, тѣмъ больше производители умираютъ съ голоду, и что, богатство, которое должно было бы быть источникомъ всеобщаго довольства, становится, наоборотъ, причиной бѣдности того, кто его создалъ?

Изъ сказаннаго мы видимъ, что частная собственность доступна только для того, кто эксплуатируетъ другихъ. Исторія человѣчества показываетъ намъ, что эта форма собственности не существовала въ первыхъ человѣческихъ обществахъ, а начала выдѣляться изъ общей собственности рода или клана лишь на гораздо болѣе поздней ступени эволюціи — одновременно съ выдѣленіемъ семьи изъ первоначальнаго смѣшенія половъ. Это, конечно, не могло бы

считаться аргументом против ея законности, если бы только она не была основана на произволѣ; мы хотим только показать этим, как мало цѣны имѣют аргументы защитников буржуазіи, утверждающих, что собственность существовала всегда в таком видѣ, как теперь.

Да кромѣ того, развѣ тѣ люди, которые теперь так возмущаются против анархистов, собирающихся отобрать у них силой их собственность, церемонились сколько нибудь в 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или когда они обманывали надежды крестьян, которые взялись за дѣло и стали вѣшать аристократов-помѣщиков, разрушать замки и завладѣвать помѣстьями? Развѣ цѣлью всѣх этих конфискацій и продаж— фиктивных или по непомѣрно дешевым цѣнам—не было ограбить в свою пользу как прежних собственников, так и крестьян, разсчитывавших также получить свою долю? Развѣ это не было простым проявленіем права сильнаго, которое они только прикрывали законными формами? Развѣ это лишеніе собственности не было еще болѣе несправедливым, чѣм наше—даже если бы признать, что наше несправедливо, что совершенно невѣрно? Оно совершалось не в пользу коллективности, а ради обогащенія нѣсколькихъ торгашей, которые поспѣшили объявить войну нападавшим на замки крестьянам и начали разстрѣливать их как разбойников. Поэтому, когда буржуазію хотят заставить отдать свою собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабят: сама эта собственность есть продукт кражи.

Глава VI.

Семья.

Собственность, семья и власть развивались параллельно. Раз только люди соединились между собою под вліяніем потребности устранить какое-нибудь препятствіе, о которое безполезно разбивались всѣ их единичныя усилія, прибыль, получаемая от этого соединенія сил, должна была, несомнѣнно, дѣлиться между всѣми. А так как, с другой стороны, общества были временными и их существованіе обусловливалось только достиженіем непосредственнаго результата, то эти первыя человѣческія группы должны были быть—как это мы видим у нѣкоторых млекопитающих и у человѣкообразных обезьян,—группами семейными, т. е. такими, гдѣ одна или нѣсколько самок собираются вмѣстѣ с дѣтенышами, вокруг одного самца, который для поддержанія своей власти, выгоняет из своей группы молодых самцов по мѣрѣ того, как они подростают и грозят сдѣлаться ему соперниками.

Было бы однако слишком смѣло заключить из этого, что власть самца господствовала безпредѣльно и повсюду с самаго начала зарожденія обществ: если у многих диких племен, гдѣ семейныя единицы соединились в болѣе значительныя группы, мы и находим такую власть, то другіе, очень убѣдительные примѣры (напримѣр существованіе обычая, гдѣ мужчина, во время рожденія ребенка разыгрывает роль родильницы) показывают нам, что власть, пользовавшаяся признаніем прежде всего, это—власть матери над дѣтьми *).

*) Мы не будем приводить здѣсь всѣхъ фактов, потому что не имѣем в виду излагать их, а только хотим объяснить, как именно представляем мы себѣ семью будущаго. Читателей же, которые захотят изучить вопрос основательнѣе, мы отсылаем к спеціальным трудам.

У одних племен дѣти входят в родъ матери; у другихъ—власть мужчины уже признается, но наслѣдство переходит не к его дѣтям, а к дѣтям его сестры, что составляет как бы переходную форму между материнской и отцовской властью. Другой такой переходной формой является упомянутый уже обычай, состоящій в том, что при рожденіи ребенка мужчина ложится в постель, принимает лѣкарства и получает поздравленія, как родильница. Для установленія своей власти над дѣтьми отцу нужно еще очевидно доказать на дѣлѣ свое отцовское право. Это было бы излишним, если бы такое право не оспаривалось всѣми предыдущими обычаями, уже исчезнувшими, но оставшимися в памяти благодаря нѣкоторым вызванным ими практическим пріемам.

А сколько раз измѣнялись формы союза между мужчиной и женщиной? В самом началѣ существованія человѣчества не было никаких форм брака, и в отношеніях между полами царил полный безпорядок: каждый мужчина соединялся с любой женщиной и каждая женщина принимала или терпѣла ласки всякаго самца.

Когда человѣк развился и стал нѣсколько менѣе грубым, смѣшеніе полов еще продолжало существовать, но уже начали различаться первыя степени родства. Понятія отца, матери, брата, сестры еще не обозначились ясно, но уже является запрещеніе союзов между племенами одного и того же тотема, имѣющими общее происхожденіе; тѣм не менѣе женщины еще принадлежат всѣм мужчинам, а мужчины всѣм женщинам клана. Позже, с установленіем власти мужчины как главы семьи, степени родства начинают различаться лучше; однако браки между братьями и сестрами все еще происходят и сын наслѣдует без всяких стѣсненій гареи отца; для того, чтобы мать наслѣдника не являлась частью наслѣдства, нужно было сдѣлать еще шаг вперед. Замѣтим, кромѣ того, что если у нѣкоторых племен мужчина может владѣть нѣсколькими женами, то есть и такія, гдѣ женщины имѣют по нѣсколько мужей.

Это постепенное развитіе, это преобразованіе обычаев не совершается однако с логическою правильностью, так, чтобы каждая форма исчезла с появленіем новой, болѣе сложной. Онѣ смѣшиваются, переплетаются между собою и составляют амальгаму, в которой очень трудно разобраться. Онѣ образуют всевозможныя комбинаціи, сливаются друг с другом, устраняя в одном мѣстѣ один обычай, в другом—другой, так что составить себѣ приблизительное понятіе о ходѣ эволюціи человѣчества

можно только пользуясь наблюденіями прежних путешественников над прошлыми племенами, а также и наблюденіями над племенами, до сих пор существующими.

Было время, когда собственность была организована на совершенно иных началах и распредѣлялась иначе чѣм теперь; современная ея организація создалась только благодаря силѣ, хитрости и воровству. В самом дѣлѣ, пока семья была родом ассоціаціи, в ней, очевидно, не было частной собственности; если же то, что первоначально принадлежало всѣм, обратилось в собственность нѣскольких, то это могло произойти только благодаря грабежу, в какой бы то ни было формѣ. Точно также и семья была, как мы видим, когда то совершенно иной, чѣм теперь, и тѣ буржуа, которые увѣряют нас, что эти два учрежденія покоятся на вѣчных и незыблемых законах, сами не знают, что говорят: нѣт никаких основаній думать, что то, что развивалось прежде, неспособно продолжать развиваться и в будущем. Их слова могли бы служить доказательством лишь одного— что оба эти учрежденія, если только они дѣйствительно не развиваются, близки к паденію, потому что, на основаніи общаго закона органической жизни, все то, что не идет вперед, погибает и разлагается, уступая мѣсто новым организмам, еще имѣющим перед собою в будущем цѣлую эволюцію.

Буржуазіи пришлось самой признать эту аксіому и, как поправку к браку, который она вначалѣ хотѣла сдѣлать нерасторжимым, ввести развод. Правда, развод возможен только в извѣстных особых случаях и добиться его можно только посредством судебнаго процесса, безчисленных хлопот и значительных затрат; тѣм не менѣе он, как бы то ни было, является аргументом против прочности семьи. Послѣ долгаго сопротивленія, необходимость его, все-таки пришлось признать, несмотря на то, что, расторгая лежащій в основѣ брак, он сильно расшатывает семью. Может-ли быть болѣе ясное признаніе того, что будущее принадлежит свободному союзу и что закрѣплять обрядом то, что другой обряд может расторгнуть, совершенно безполезно? Зачѣм заставлять одного человѣка, опоясаннаго трехцвѣтным шарфом, освящать союз, который три других человѣка в судейских тогах и шапках смогут признать недѣйствительным?

Вот почему анархисты отрицают организацію брака и думают, что если два человѣка любят друг друга, то им нечего ждать позволенія третьяго, чтобы соединиться; раз они этого хотят, обществу нѣт до этого никакого дѣла и ему нечего вмѣшиваться.

Кромѣ того, потому только, что они раз отдались другъ другу, союз мужчины и женщины не становится нерасторжимым, они не обязаны жить вмѣстѣ до самой смерти, даже если они перестанут другъ другу нравиться: то, что их свободная воля сдѣлала, та же свободная воля может и уничтожить.

Может случиться, что под вліяніем страсти и увлеченія они видѣли другъ в другѣ только хорошія качества и закрывали глаза на дурныя; но вот они сошлись, и совмѣстная жизнь сгладила эти хорошія качества, выдвинув, наоборот, недостатки и разныя шероховатости, с которыми они не умѣют справиться. Слѣдует ли из этого, что только потому, что эти люди обманулись другъ в другѣ в момент возбужденія, они должны платиться всю жизнь за ошибку, заставившую их принять за вѣчное и глубокое чувство то, что было в дѣйствительности лишь результатом увлеченія?

Конечно нѣт! пора нам придти к болѣе здравым понятіям. Как будто бы любовь не оказывалась всегда сильнѣе всевозможных законов, правил приличія и осужденій, которыми старались окружить проявленія полового влеченія! Развѣ порицаніе, с которым относятся к женѣ, обманывающей своего мужа (мы не говорим о мужчинѣ, который сумѣл завоевать себѣ свободу в этом отношеніи), или то положеніе паріи, на которое наши чопорныя общества обрекают незамужних матерей, мѣшали хоть-когда-нибудь женщинам обманывать своих мужей, а дѣвушкам— отдаваться тому, кто им понравился или кто сумѣл воспользоваться моментом, когда чувство заглушило голос разсудка?

Вся исторія, вся литература переполнена разсказами об обманутых мужьях и обольщенных дѣвушках. Половая потребность— первый двигатель человѣка; тайно или явно, но в концѣ концов он всегда уступает ей.

Существуют нѣкоторыя страстныя, но слабыя и робкія натуры, убивающія себя вмѣстѣ с любимым человѣком, потому что они не рѣшаются порвать с предразсудками, не имѣют достаточно нравственной энергіи чтобы бороться с препятствіями, которыя ставят им наши нравы, или глупость родителей; но на этих немногих приходится цѣлая безчисленная масса людей, не обращающая—втайнѣ—никакого вниманія на предразсудки. Единственное, к чему это приводит,—это, что мы становимся обманщиками и лицемѣрами.

Зачѣм непремѣнно стремиться регламентировать то, чему удалось уцѣлѣть, несмотря на цѣлые вѣка угнѣтенія? Признаем

лучше раз навсегда, что человѣческія чувства не поддаются никакой регламентаціи и что для их полнаго и нормальнаго развитія нужна полная свобода. Не будем такими чопорными: мы станем зато откровеннѣе и нравственнѣе.

Мужчина, владѣющій собственностью, стремится передать продукт своих грабежей наслѣдникам; с другой стороны, женщина до сих пор считалась существом низшим, скорѣе собственностью, вещью, чѣм сотоварищем. Понятно, поэтому, что для обезпеченія своего господства над женой и возможности передать свое имущество по наслѣдству, мужчина стремился сдѣлать семью нерасторжимой. А, так как эта семья основывалась не на взаимной привязанности, а на выгодѣ, то чтобы помѣшать ей распасться под вліяніем противуположности интересов, нужна была внѣшняя сила.

Анархисты, которых обвиняют в желаніи разрушить семью, хотят, наоборот, разрушить именно этот антагонизм, основать семью на взаимной любви и сдѣлать ее таким образом болѣе прочной. Если мужчина и женщина хотят прожить вмѣстѣ до конца своих дней, то анархисты нисколько не хотят мѣшать этому, только на том основаніи, что союзы стали свободными. И когда они говорят, что нужно уважать свободу личности ребенка и не смотрѣть на него как на вещь или собственность родителей, они вовсе не думают мѣшать отцам и матерям воспитывать своих дѣтей. Правда, они хотят уничтожить *юридическую* семью и сдѣлать так, чтобы мужчина и женщина могли сходиться или расходиться когда им угодно. Они отрицают вмѣшательство глупаго и единообразнаго закона в такія сложныя чувства, как тѣ, которыя связаны с любовью.

Если, дѣйствительно, как говорят защитники регламентаціи брачных отношеній, человѣк склонен к непостоянству, если его любовь не может прочно остановиться на одном предметѣ, то что же дѣлать? Раз до сих пор всѣ стѣсненія ни к чему не повели и только создали новые пороки, то предоставим лучше человѣческой природѣ свободу: пусть она развивается в том направленіи, куда влекут ее ея стремленія. У человѣка хватит теперь настолько ума, чтобы различить, что для него полезно и что вредно, и увидать на опытѣ, в каком именно направленіи нужно идти. Если законам эволюціи будет предоставлена свобода, то мы увѣрены, что шансы пережить и оставить потомство окажутся на сторонѣ наиболѣе приспособленных, наилучше одаренных.

Если же, как мы думаем, стремленія человѣка влекут его,

наоборот, к единоженству, к прочному союзу двух существ, которые, раз встрѣтившись, научились понимать и цѣнить друг друга и в концѣ концов как бы слились в одно, потому что их союз становится все полнѣе и тѣснѣе, их воля, желанія и мысли все болѣе и болѣе тождественными, то для таких людей законы, принуждающіе их жить вмѣстѣ, еще менѣе нужны: их собственная воля служит лучшей гарантіей нерасторжимости их союза.

Когда мужчина и женщина перестанут чувствовать себя прикованными друг к другу, то если они дѣйствительно друг друга любят, каждый из них будет стараться заслужить любовь избраннаго им существа. Когда каждый будет чувствовать, что любимый человѣк всегда может бросить семейное гнѣздо, раз только он не находит в нем того удовлетворенія, о котором мечтал, он будет стараться сдѣлать все возможное, чтобы привязать его к себѣ вполнѣ. Как нѣкоторыя птицы, которыя в пору любви одѣваются, для привлеченія самок в яркія перья, люди будут культивировать в себѣ такія нравственныя качества, которыя смогут внушить к ним любовь и сдѣлать их общество пріятным. И такого рода чувства сдѣлают союзы гораздо болѣе нерасторжимыми, чѣм самые жестокіе законы и самое сильное угнетеніе.

Мы, собственно, не занимаемся здѣсь критикою современнаго брака, который в сущности равносилен самой наглой проституціи: браки по разсчету, в которых чувство не играет никакой роли, браки, заранѣе устраиваемые семьями—особенно семьями буржуазными,—причем у тѣх, кого соединяют таким образом, не спрашивается согласія; браки неравные, гдѣ разрушающіеся старики соединяются, благодаря своим деньгам, с полными свѣжести и красоты молоденькими дѣвушками; браки, гдѣ старухи покупают за деньги любовь молодых людей, платящихся своим тѣлом, да еще нѣкоторым поворотом, за свою жажду обогащенія. Эти браки уже много, много раз критиковали, и возвращаться к этому—лишнее. С нас достаточно было показать, что половой союз не всегда был окружен одними и тѣми же формальностями и что он сдѣлается наиболѣе достойным тогда, когда избавится от всяких стѣсненій. Другого выхода безполезно и искать *).

*) Здѣсь слѣдовало бы изложить наш взглядъ на воспитаніе дѣтей в будущем обществѣ, но это уже было сдѣлано в книжкѣ „Общество на другой день послѣ революціи“ (Société au lendemain de la revolution) в главѣ о „Ребенкѣ в новом обществѣ“.

Глава VII.

Государственная власть *).

Вопрос о государственной власти так тѣсно связан с вопросом о собственности, что, говоря о послѣдней, мы были вынуждены говорить и о развитіи первой. Теперь мы не будем возвращаться к этому, а ограничимся разборомъ современной намъ формы власти—той, которая основана на всеобщемъ избирательномъ правѣ и законѣ большинства.

Мы уже видѣли, что легенда о божественномъ происхожденіи собственности и власти исчезла, и что буржуазіи пришлось искать для нихъ другое, болѣе прочное основаніе. Она сама содѣйствовала уничтоженію «божественнаго права», сама помогала борьбѣ противъ права сильнаго; на мѣсто его она постаралась, прежде всего, поставить силу денег, в формѣ извѣстнаго ценза для права выбора в палату, т. е. такого порядка, при которомъ избирателями могли быть только люди, платившіе извѣстную сумму налоговъ. Позже стали говорить о томъ, чтобы присоединить к этимъ избирателямъ еще и людей «способнѣйшихъ»: это было требованіе раззорившейся части буржуазіи. Но все это не могло долго тянуться: разъ только государственная власть становилась предметомъ обсужденія, она уже теряла часть своей силы; тѣ, которые раньше не участвовали в выборѣ правителей, начинали также требовать права голоса в этом вопросѣ.

*) В этой главѣ авторъ разбираетъ, главнымъ образомъ, ту форму правленія, которая существуетъ во Франціи; но очевидно, что если его аргументы вѣрны по отношенію к этой, наиболѣе демократической формѣ, то они тѣмъ болѣе приложимы к другимъ.

Прим. пер.

Буржуазія боялась народа и не соглашалась ни на какія уступки; власть была в ея рукахъ и ей хотѣлось ее сохранить. Чтобы добиться всеобщаго избирательнаго права, рабочимъ пришлось прибѣгнуть к революціи. Но тѣ буржуа, которымъ они при этом дали в руки власть, прежде всего поспѣшили урѣзать по возможности пріобрѣтенныя народом права, с цѣлью как нибудь обуздать это чудовище, которое, как им казалось, вот—вот поглотит их. Лишь долгое время спустя, лишь увидав на практикѣ, как функціонирует это новое право, они поняли, что оно не грозит никакой опасностью их привиллегированному положенію, что оно—не больше как инструмент, на котором нужно только умѣть играть, и что этот знаменитый орган рабочих требованій, который рабочіе уже считали своим достояніем, (вѣдь они купили его цѣною своей крови!) есть в сущности лишь усовершенствованное орудіе господства, порабощающее людей, которые им пользуются, в то время как сами они, наоборот, думают, что освобождаются.

Что такое в самом дѣлѣ всеобщее избирательное право, как не право управляемаго выбирать того человѣка, который будет им управлять, право выбирать ту розгу, которая будет его сѣчь? Избиратель свободен... в выборѣ себѣ господина, но он не имѣет права не хотѣть никакого господина, потому что иначе им будет править тот, кого выберут его сосѣди. В тот момент, когда он упустил в урну свой избирательный бюллетень, он подписал свое отреченіе: он должен теперь подчиняться всѣм капризам избранных им правителей; они будут создавать законы, будут прилагать их к нему, а если он будет противиться—посадят его в тюрьму.

Мы не имѣем намѣренія ни критиковать здѣсь систему всеобщаго избирательнаго права, ни разсматривать всѣ тѣ поправки, которыя стремятся в нее внести с цѣлью заставить выборных исполнять свои обѣщанія и таким образом оградить избирателя от их капризов и дать ему возможность свободно проявлять свою верховную власть. Это завело бы нас слишком далеко, да кромѣ того и не имѣло бы для нас значенія, потому что мы хотим показать, что ни власти большинства, ни власти «божественнаго права» существовать не должно и что вообще личность не должна подчиняться никакому другому закону кромѣ своей собственной воли. Кромѣ того, если мы разберем механизм правленія большинства, то увидим, что нами в сущности управляет даже не большинство, а самое ничтожное меньшинство, взятого из состава

другого меньшинства, которое, в свою очередь, есть опять таки меньшинство всей управляемой массы.

Во-первых, права принимать участіе в голосованіи лишены, совершенно произвольно, женщины и дѣти, которыя однако подчиняются законам, как и всѣ. Если, кромѣ того, мы вычтем всѣх тѣх, кто по тѣм или другим причинам не пользуется этим «правом», то у нас останется меньшинство, которое совершенно произвольно считается единственно способным выбирать правителей для всѣх.

Во-вторых, когда происходят выборы, то теоретически вопрос о том или другом избранном должен зависѣть от рѣшенія большинства; на практикѣ же всегда бывает нѣсколько—шесть, восемь, десять и иногда и больше—кандидатов, и голоса избирателей распредѣляются между ними, не говоря уже о тѣх избирателях, которые, не находя среди толпы кандидатов представителя своего мнѣнія, подают голос в противорѣчіи сами с собою. Таким образом, избранный является здѣсь представителем опять таки меньшинства, уже второго.

В-третьих, когда избранные соберутся вмѣстѣ, то, теоретически, вопросы должны точно также рѣшаться среди них большинством, но на практикѣ и здѣсь мнѣнія дробятся на множество групп и подраздѣленій и, в результатѣ, рѣшающій голос остается за маленькими кучками честолюбцев, которые держатся посереднѣ между крайними мнѣніями и отдают свои голоса то тѣм, то другим, смотря по тому, что для них оказывается болѣе выгодным.

Мы видим, таким образом, к каким скромным размѣрам сводится пресловутое всемогущество избирателя; замѣтим при этом, что для того, чтобы не запутывать читателя, мы упростили вопрос и предположили, что каждый поступает честно и послѣдовательно. Если же мы примем в разсчет всѣ связанные с этим интриги, обманы, личные разсчеты, если мы вспомним, что, прежде чѣм стать окончательными, проэкты законов должны пройти через другое законодательное собраніе—Сенат, избираемый другою категоріею избирателей, если мы подумаем о том, что в Палатѣ находится пятьсот с лишним депутатов, а каждый избиратель выбирает только одного, так что его воля представляет не болѣе, как одну—пятисотую общей воли, да и то Сенат может ее еще сократить, то мы увидим, что участіе каждаго в управленіи так ничтожно, что его нельзя и вычислить.

Мало того: всеобщее избирательное право имѣет еще и другія

вредныя послѣдствія в том отношеніи, что оно ведет к царству ничтожества и посредственности. Мы сейчас это докажем.

Всякая новая идея, идущая впереди своего времени, уже по этому одному имѣет за себя вначалѣ только меньшинство. Широких умов, способных ее воспринять и стать ея защитниками, бывает очень немного. Это—общеизвѣстная истина, из которой прямо слѣдует, что люди дѣйствительно развитые и обладающіе широким умом всегда бывают в меньшинствѣ. Большинство же стоит за среднія, общепринятыя идеи и выбирает того депутата, который, именно с цѣлью быть избранным, старается не идти наперекор предразсудкам и привычным взглядам избирателей. Чтобы сгруппировать вокруг себя как можно больше лиц, ему нужно, наоборот, сгладить нѣкоторые острые углы и приготовить цѣлый запас общих мѣст для разговоров с тѣми, чьих голосов он добивается. Чтобы не испугать их, ему придется показаться еще глупѣе, чѣм они, и чѣм он будет безцвѣтнѣе, ничтожнѣе и посредственнѣе, тѣм больше будет у него вѣроятности быть избранным.

Посмотрите на то, как идет жизнь всевозможных обществ—комитетов, профессіональных рабочих союзов, обществ взаимопомощи, различных обществ художников, литераторов и т. подобное: в их іерархической организаціи, основанной на избраніи, всѣ должности оказываются занятыми наиболѣе посредственными личностями — такими, которыя стоят ниже других по своему тщеславію, желанію выдвинуться и стать извѣстными или создать себѣ положеніе на счет других, по своей большей или меньшей склонности к интригам. Всякій независимый ум, стремящійся только к осуществленію своего идеала, всегда будет непріятно поражать тѣх многочисленных людей, которые слѣдуют только рутинѣ, и всегда такіе люди будут его травить. Тому, кто ищет правды и стремится к ея распространенію, некогда унижаться до мелких закулисных интриг, и его всегда побьет в избирательной борьбѣ тот, кто не имѣет за душою ничего своего, живет общепринятыми идеями и поэтому очень легко может сгладить различные острые углы (которых у него, впрочем, и нѣт), так чтобы не вооружать против себя никого. Чѣм больше мы будем стремиться удовлетворить всѣх, тѣм ниже должен будет быть уровень наших идей, тѣм полнѣе должны мы будем отбросить все новое и оригинальное, тѣм наши мысли будут ничтожнѣе, блѣднѣе и посредственнѣе. Вот к чему сводится вся избирательная система; это—ничто иное, как натя-

нутая ослиная шкура, издающая звук только тогда, когда ее хотят заставить звучать.

К несчастью, несмотря на то, что власть уже подвергается критикѣ, что ее уже осуждают и осмѣивают, самый принцип еще крѣпко держится в наших нравах. Люди так привыкли, чтобы ими руководили, что им кажется, что они пропадут, если только не будет никого, кто бы вел их на помочах. Они так привыкли встрѣчать во всѣх случаях жизни жандарма, мэра, надоѣдливых и грубых чиновников, лисьи физіономіи полицейскаго и судьи, что приспособились в концѣ концов к этому отвратительному общенію и стали думать, что все это—учрежденія, конечно, непріятныя, которыя при случаѣ недурно как нибудь надуть, но обойтись без них нечего даже и думать, потому что тогда человѣчество сразу погибло бы. Странное противорѣчіе человѣческаго ума! Люди с неудовольствіем переносят эту власть, насмѣхаются над ней, стараются гдѣ возможно обмануть ее—и вмѣстѣ с тѣм считают себя погибшими, как только рѣчь заходит об ея уничтоженіи! Все, должно быть, зависит от привычки.

Это тѣм болѣе нелогично, скажем больше: тѣм болѣе безсмысленно, что для каждаго отдѣльнаго человѣка идеал *хорошаго* правительства, это—такое правительство, которое бы он всегда мог прогнать, если только оно помѣшает ему дѣлать что он хочет. И вот для того-то, чтобы поддѣлаться под этот идеал, буржуазія и выдумала так называемое «всеобщее» избирательное право.

Если идея республики так популярна среди рабочих, если, несмотря на столько разочарованій, они все таки смотрят на всеобщее избирательное право как на орудіе своего освобожденія, то это происходит от того, что им внушили, что, замѣнив одних людей, стоящих у власти, другими, они смогут замѣнить угнетающую нас систему эксплуатаціи другим общественным строем, который даст всѣм довольство и счастье. Это—глубокая ошибка—ошибка, благодаря которой разным интригам удается увлечь рабочих на путь достиженія якобы реформ, которыя нисколько не могут измѣнить их положенія, а только пріучают их ждать всего от перемѣн в составѣ лиц того, созданнаго для нашего угнетенія, механизма, который называется Государством. Эта ошибка повела к тому, что во всѣх революціях различные интриганы обращали в свою пользу побѣду народа, занимали синекуры прежних правителей, снесенных революціонной бурей,

и образовывали новый слой эксплуататоров, с новыми интересами, которые, раз утвердившись, заставляли замолчать и подчиняться тѣх самых наивных людей, которые имѣли глупость предоставить им власть.

Сколько в человѣческом умѣ гнѣздится противорѣчій! Когда мы разсуждаем с людьми болѣе или менѣе разумными, то они часто готовы бывают согласиться с тѣм, что «если бы всѣ люди вели себя как слѣдует, то не было бы надобности в правительствѣ; мы сами, пожалуй, обошлись бы и без него. Но, к несчастью, не всѣ люди таковы: нашлись бы такіе, которые захотѣли бы злоупотребить своей силой для угнетенія других, жить на их счет и ничего не дѣлать; а поэтому нужна власть, которая взялась бы их образумить». Другими словами, это значит, что, взятые всѣ вмѣстѣ, люди слишком дурны, чтобы сумѣть между собою столковаться, но что взятые в отдѣльности, или кучками, они сумѣют управлять другими; поэтому нужно поскорѣе облечь их властью, которая дала бы им возможность заставить себѣ повиноваться. Бѣдная логика! Чего только не дѣлает с тобой человѣческій ум!

Как будто бы люди, правящіе другими, не будут всегда— пока только они будут существовать — во враждѣ с управляемыми! Как будто бы у людей, стоящих у власти, даже если они искренни, не будет своих собственных взглядов, которые они будут стараться провести в жизнь! Эти взгляды могут быть хорошими, но могут быть и дурными. Если бы они растворились в массѣ, они остались бы без вліянія, но если в руках их сторонников находится власть, они будут силою навязаны тѣм, кто с ними несогласен. И чѣм искреннѣе будут стоящіе у власти люди, тѣм безжалостнѣе они будут по отношенію к своим прѣтивникам, потому что они будут убѣждены, что работают на пользу человѣчества.

Мы уже видѣли в одной из предыдущих глав, что наше политическое рабство зависит от нашего экономическаго положенія; если у нас существуют жандармы, судьи, министры и т. под., то это оттого, что у нас есть банкиры, собственники и т. д.,—одно неразрывно связано с другим. Если нам удастся свергнуть тѣх, кто эксплуатирует нас в мастерской, если мы избавимся от тѣх, кто морит нас голодом, то не будет надобности и в силѣ, которая бы их защищала, и существованіе этой силы станет совершенно безцѣльным.

В настоящее время нужно правительство, нужны законы,

нужны депутаты, которые бы их издавали, судьи, которые бы их прилагали, полиція, которая бы заботилась об исполненіи рѣшеній судей, потому что люди, захватившіе себѣ все, нуждаются в силѣ, чтобы защищаться против требованій тѣх, кого они ограбили. Но рабочій, что ему защищать? На что ему вся эта правительственная машина, поддерживаемая исключительно на его счет и не приносящая ему никакой пользы, кромѣ развѣ того, что она напоминает ему, что у него есть всего одно право: **право умереть с голоду посреди созданных им богатств.**

В мрачные дни народных возстаній, когда обострившаяся нужда заставляет рабочія массы выйти на улицу, перед ними опять таки встают тѣ же „общественныя“ учрежденія и опять-таки загораживают ему путь к лучшему будущему. Мы должны, поэтому, разрушить их и ни в каком случаѣ не создавать новой аристократіи, у которой будет всегда только одна цѣль: как можно лучше и как можно скорѣе поспѣшить воспользоваться жизнью на счет своих „облагодѣтельствованных“ подданных. Не все ли нам равно, какая рука нас бьет: мы хотим, чтобы нас больше совсѣм не били.

Не будем забывать, что, каким бы именем не прикрывалась новая власть, какой бы невинной она не казалась, какія бы поправки в нее не вносили, как бы не вербовались входящія в состав правительства личности,— всегда будет два возможных случая: или ея рѣшенія будут имѣть силу закона и будут обязательными для всѣх—тогда для поддержанія этих законов ей будут нужны всѣ учрежденія, существующія теперь, и тогда нужно отказаться от мысли быть свободными; или же личности будут имѣть право обсуждать правительственныя рѣшенія, сообразоваться с ними, если им это нравится, и не обращать никакого вниманія на власть, если они этого не хотят—тогда мы остаемся вполнѣ свободными, но правительство становится безполезным: оно в таком случаѣ только лишняя помѣха и лишняя угроза. Вывод из этого может быть только один: нам не нужно никакого правительства.

Глава VIII.

Судебная власть.

Мы уже видѣли, что власть вытекает из того права, которое присвоивает себѣ сила. Но по мѣрѣ того, как умственный горизонт человѣка расширился, этой власти приходилось оправдывать чѣм-нибудь свое существованіе; и вот она стала опираться на религію и поддержку духовенства, приписала себѣ божественное происхожденіе и создала особую замкнутую касту, которая впослѣдствіи начала противиться грубой силѣ короля и высшей аристократіи: так создалась судебная власть. Когда же в 1789 году, власть перешла в руки буржуазіи, то она, конечно, оставила в неприкосновенности этот „столп“ общественнаго порядка, тѣм болѣе, что высшія судебныя должности находились, как и военныя, в ея руках. Все ограничилось тѣм, что способ замѣщенія этих должностей был преобразован в соотвѣтствіи с духом времени.

Казнь Людовика XVI нанесла сильный удар „божественному праву“, и судебной власти, если она не хотѣла подвергнуться той же все уравнивающей участи, уже не приходилось больше опираться на него. И вот тогда-то изобрѣли, или, вѣрнѣе, возвели на степень божества, *законъ*, а судебная власть стала его «неподкупной» блюстительницей и исполнительницей. Цѣль была, таким образом, достигнута: самое опасное учрежденіе, самое необходимое орудіе для защиты привиллегированных классов удержалось на мѣстѣ, сдѣлавшись жрецом новаго божества — *закона*,—созданнаго новыми властителями.

Подчиненіе Франціи царству *закона* представляет собою одно из тѣх завоеваній 89 года, которыя особенно охотно прославляют буржуазные историки. Сведеніе всей власти к своду законов повело прежде всего к тому, что узаконило самый ужасный произвол: всѣ французы оказались теперь

равны перед закономъ, и народу больше ничего не оставалось требовать. У всѣх былъ теперь только одинъ властелинъ; передъ нимъ, правда, нужно было преклоняться, но это все-таки вносило нѣкоторое равенство. Такимъ властелиномъ сталъ *законъ*.

Но если, вмѣсто того, чтобы обманывать себя словами, мы разберемъ, что выиграли рабочіе отъ этой перемѣны, то увидимъ, что они только лишній разъ оказались обманутыми. В самомъ дѣлѣ, когда во времена неограниченной королевской власти король или аристократы заставляли простого человѣка служить себѣ, то положеніе было ясно: «такова наша воля», говорили они, и это ясно показывало, откуда вытекаетъ ихъ право. Они опирались только на свою шпагу, на которую разсчитывали гораздо больше, чѣмъ на волю Божью, т. е. черпали свое право только изъ силы. Ихъ приказанія исполняли, ихъ капризы сносили, но только потому, что нельзя было имъ сопротивляться; не было, по крайней мѣрѣ, глупцовъ, которые бы говорили, повторяя слова заинтересованныхъ лицъ, что таковъ законъ, а закону каждый обязанъ подчиняться, пока онъ не отмѣненъ.

Но признавая, что законъ можетъ измѣняться, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что онъ можетъ сдѣлаться отсталымъ, а слѣдовательно, по самому существу своему, для кого-нибудь вреднымъ, потому что всегда есть люди, идущіе впереди своего времени. Но въ такомъ случаѣ законъ окажется несправедливымъ и не сможетъ претендовать на то уваженіе, которымъ его хотятъ окружить. В самомъ дѣлѣ, если законъ угрожаетъ моимъ интересамъ или моей свободѣ, то на какомъ основаніи меня принуждаютъ ему подчиняться и гдѣ тотъ вѣчный и неизмѣнный принципъ, который оправдывалъ бы это насиліе надо мной?

Когда въ наукѣ, ученые, послѣ долгихъ трудовъ и изысканій, формулируютъ то, что называется естественнымъ закономъ, то при этомъ не бываетъ никакого большинства, никакой группы людей, которые бы сочли себя стоящими выше всѣх обыкновенныхъ смертныхъ и рѣшили, что согласно ихъ желанію, естественнымъ силамъ природы предписывается слѣдовать тому или иному пути эволюціи. Если бы кто-нибудь вздумалъ предъявить такія претензіи, то ему только разсмѣялись бы въ лицо. Когда говорятъ о какомъ-нибудь естественномъ законѣ, то это значитъ, что если такое-то явленіе, такое-то химическое соединеніе происходитъ, то это потому, что при данныхъ условіяхъ, въ присутствіи такой-то силы или такого-то химическаго сродства, оно не могло не произойти. Такія-то силы, приходящія въ дѣйствіе при такихъ-то

обстоятельствах, приводят к таким-то результатам, это вычисляется с математическою точностью. Открытый закон, таким образом, не *управляет* явленіями, а только *объясняет* их причины. Можно оспаривать эти законы, сомнѣваться в них, даже отрицать их; различныя тѣла, составляющія нашу вселенную, не перестанут от этого соединяться сообразно своим свойствам и своему сродству, земля не перестанет вертѣться—и при этом не будет никакой надобности в силѣ, которая бы охраняла правильность их эволюціи и наказывала тѣх, кто захотѣл бы ее нарушить.

В нашем обществѣ дѣло стоит совершенно иначе: законы как будто бы только для того и существуют, чтобы их нарушали. Это зависит от того, что люди, которые их создавали, сообразовались только с своими личными вкусами, с интересами того общественнаго класса, который они представляют, с средним уровнем нравственнаго развитія своего времени, а вовсе не с характером, стремленіями и склонностями тѣх, кого хотѣли подчинить; это было бы, впрочем, и невозможно в виду разнообразія индивидуальных характеров и наклонностей. Каждой частности соотвѣтствует свой закон; в соціологіи также не может быть единаго и всеобщаго закона для всѣх случаев, как и в физикѣ; такой закон оказался бы произвольным и неприложимым. И дѣйствительно, в нашем обществѣ нѣт ни одного закона, который не был бы вредным для тѣх или других из составляющих его членов—или по отношенію к их интересам, или по отношенію к их идеям,—ни одного закона, который бы каждая партія, одержавшая побѣду, не могла обратить в оружіе против своих врагов. Всякая партія, раз она пришла ко власти, становится выразительницей закона, потому что именно она, через посредство своих органов, его примѣняет.

Мы можем, поэтому, заключить, что раз закон есть лишь проявленіе воли сильнаго, ему слѣдует подчиняться только тогда, когда нѣт сил противиться; но он ничѣм не оправдывается и пресловутая *законность* есть лишь вопрос о большей или меньшей силѣ. Поэтому когда нѣкоторые шарлатаны, говоря с рабочими, ссылаются на законность, как на главный аргумент, рабочіе имѣют право разсмѣяться им в лицо и спросить, совѣтовались ли с ними тѣ люди, которые выдумывали эти законы. А если бы даже эти законы когда нибудь и были ими приняты, то во всяком случаѣ они могут имѣть силу только до тѣх пор, пока принявшіе их считают их полезными

и соглашаются с ними сообразоваться. Странно было бы, в самом дѣлѣ, если бы, только потому, что мы в тот или другой момент приняли извѣстную линію поведенія, нас хотѣли заставить держаться ея во всю остальную нашу жизнь, не внося в нее никаких измѣненій, только потому что это может не понравиться нѣкоторым другим людям, которые в силу различных причин находят существующій порядок вещей хорошим и хотят удержать его навсегда. Но что еще смѣшнѣе—это желаніе заставить нас подчиняться законам прошлых поколѣній, увѣрить нас, что мы обязаны уважать тѣ измышленія, которые нѣскольким человѣкам вздумалось каких-нибудь пятьдесят лѣт тому назад возвести в закон; смѣшна эта дерзость, с которой люди рѣшаются порабощать настоящее понятіям, ставшим достояніем прошлаго.

Но тут мы слышим возраженія всѣх изобрѣтателей законов, всѣх тѣх, кому их существованіе выгодно, а также и наивных людей, идущих за ними: «как!» восклицают они, «общество не могло бы существовать без законов; люди перегрызлись бы между собою, если бы не было власти, пекущейся о них и удерживающей их в предѣлах страха и уваженія к существующим положеніям». Но мы увидим, что никакіе законы, никакое принужденіе не могут ни устрашить, ни предупредить преступленій, потому что эти преступленія — результат нашей дурной общественной организаціи; нужно поэтому заботиться не об удержаніи или измѣненіи существующих законов, а о преобразованіи всего нашего общественнаго строя.

Но больше всего нас возмущает то, что находятся люди, которые рѣшаются быть судьями других. Еще можно понять, что в тѣ времена, когда власть опиралась на божественное происхожденіе и правосудіе считалось исходящим от самого Бога, носители его могли считать себя особыми существами, надѣленными, по волѣ Божьей, частицей его всемогущества и непогрѣшимости, и способными распредѣлять награды и наказанія среди обыкновенных смертных.

Но в наш вѣк науки и свободной критики, когда всѣ признают, что всѣ люди созданы одинаковыми, подвержены одним и тѣм же страстям, одним и тѣм же увлеченіям и ошибкам; когда умирающее Божество уже не вдохновляет всегда рискующій ошибиться человѣческій ум, мы совершенно не понимаем, как могут существовать люди, у которых хватает дерзости или умственной ограниченности принимать на себя сознательно и

хладнокровно такую страшную отвѣтственность, как отнять у другого человѣка жизнь или часть его свободы.

Каждый день, в самых обыкновенных жизненных дѣлах нам приходится останавливаться не только перед разрѣшеніем вопроса о причинах, побудивших к тому или другому поступку окружающих нас людей, но даже перед объясненіем своих собственных побужденій; каким же образом мы можем быть настолько высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы считать себя способными разобраться в дѣлѣ, гдѣ нам неизвѣстны ни начало, ни участники, ни побудительныя причины, гдѣ все является в преувеличенном и искаженном видѣ, с комментаріями разных участвующих в нем или даже только слышавших о нем людей?

Вы, являющіеся строгими и непогрѣшимыми судьями этого человѣка, укравшаго или убившаго,—развѣ вы знаете побудившія его на это причины? Развѣ вы знаете всѣ условія среды, наслѣдственности, даже случайныя обстоятельства, повліявшія на его мозг и заставившія его совершить тот поступок, который вы ставите ему в упрек? Вы, непогрѣшимые люди, налагающіе проклятіе на того «подсудимаго», котораго полиція привела и поставила перед вами,—задавались ли вы когда нибудь вопросом о том, не поступили-ли бы и вы так же как он, если бы вы были поставлены в тѣ же условія? Даже если бы вы, в самом дѣлѣ, были такими непогрѣшимыми, нравственными людьми, какими вас считают, то и тогда, имѣя в руках право безжалостно разбить человѣческую жизнь и свободу, вы не рѣшились бы высказывать своих приговоров, если бы вы дѣйствительно подумали о непрочности всего человѣческаго. Если бы вы сознали, что вы дѣлаете, вы в ужасѣ отвернулись бы от этого дѣла! Неужели послѣ этого вы могли бы проводить ночи без кошмаров? Неужели вас не мучили бы призраки жертв вашего так называемаго правосудія? Нѣт, только безсознательность—результат глупости и привычки — дает вам силу не сломиться под тяжестью упреков совѣсти и призраков ваших жертв.

Наше время критики и положительной науки не признает законности какой нибудь высшей власти, награждающей добрых и наказывающей злых. Этот принцип был вполнѣ логичен на извѣстной ступени развитія человѣчества, но теперь он устарѣл и мы противупоставляем ему другой. Каждый из нас считает дѣйствія других людей хорошими или дурными, смотря по тому, пріятны они ему или непріятны, и сам поступает соотвѣтственно этому. Он одобряет, восторгается, или нападает смотря по тому,

соотвѣтствует ли данный поступок его выгодѣ, его чувству, или его понятію об идеалѣ. Общая потребность в солидарности, заставляющая людей, подверженных одним и тѣм же нападеніям, соединяться для общей защиты, кажется нам лучшей гарантіей будущаго общественнаго строя, болѣе спокойнаго, чѣм наш. Мы не судим: мы только дѣйствуем и боремся, и думаем, что всеобщая гармонія сама явится результатом свободной дѣятельности личностей, как только уничтоженіе частной собственности сдѣлает невозможным, чтобы какая-нибудь горсть людей держала в порабощеніи всѣх остальных.

Итак, мы не признаем, чтобы через каких нибудь шесть недѣль, или шесть лѣт послѣ совершенія извѣстнаго поступка, горсть людей, опирающихся на вооруженную силу, имѣла право собраться и, во имя отвлеченнаго понятія, наказывать или награждать совершившаго этот поступок человѣка. Все это—одна трусость и лицемѣріе: вы обвиняете этого человѣка в убійствѣ и, чтобы показать ему, что он поступил дурно, сами убиваете его через посредство палача—наемнаго убійцы на службѣ у общества. Ни у вас, ни у этого палача, не будет даже того смягчающаго обстоятельства, что вы рискуете своею жизнью: вы дѣйствуете под прикрытіем защищающей вас вооруженной силы. Мы, борющіеся с господствующим классом, говорим судьям: признайте прямо, что вы его защитники, и оставьте нас в покоѣ с вашими громкими фразами; поддерживайте тѣ привиллегіи, защита которых вам поручена, употребляйте силу, которую общее невѣжество дает вам в руки, но оставьте в покоѣ правосудіе и справедливость: они не имѣют ничего общаго с тѣм, что вы дѣлаете.

Чтобы мы могли как слѣдует оцѣнить вашу роль охотников, травящих звѣря, нам бы хотѣлось, чтобы вы как нибудь попали, будучи невинными, в руки ваших сотоварищей—судей, которые бы стали в свою очередь судить вас. Вы бы узнали тогда, сколько тревог и мученій должны были пережить тѣ подсудимые, которые проходили перед вами и которыми вы играли как кошка мышкой. Под впечатлѣніем потоков прокурорскаго краснорѣчія, шумящих над вашей головой, перед вами встали бы призраки всѣх тѣх несчастных, которых вы, втеченіи своей карьеры, принесли в жертву на алтарѣ общественнаго возмездія, и вы с ужасом спросили бы себя: не были ли и они также невинны как я?

Да, мы искренно желали бы, чтобы кому-нибудь из вас

пришлось пережить, будучи несправедливо обвиненным, мученія всѣх тѣх, кого вы видите перед собою на скамьѣ подсудимых,— потому что, если бы когда нибудь его невинность была обнаружена и он вновь вернулся на свой пост, то он по всей вѣроятности явился бы в суд только для того, чтобы разорвать свою судейскую тогу и покаяться во всей своей преступной жизни, когда он судил наугад и торговал человѣческою жизнью.

Глава IX.

Право карать преступленія и отношеніе к нему ученых.

Современная наука твердо установила, что человѣк есть ничто иное как игрушка в руках дѣйствующих на него сил и что свободы воли не существует: среда, наслѣдственность, воспитаніе, климатическія и атмосферныя вліянія оказывают на человѣка свое дѣйствіе, сталкиваясь и комбинируясь различным образом между собою; они управляют человѣком и заставляют его вертѣться, как вертится волчок, пущенный рукою ребенка. В зависимости от наслѣдственности, воспитанія и окружающей среды, человѣк будет больше или меньше подчиняться одним силам или сопротивляться другим, но во всяком случаѣ его нравственная личность будет создаваться под их вліяніем.

Однако, установив всѣ эти положенія, нѣкоторые ученые, во главѣ с Ломброзо, сдѣлали попытку показать существованіе особаго преступнаго типа. Они занялись опредѣленіем тѣх аномалій, которыя, по их мнѣнію, должны были быть свойственными этому воображаемому типу, долго обсуждали его различные признаки и, наконец, пришли к выводу о необходимости строгих наказаній, вѣчнаго тюремнаго заключенія и т. под. Казалось бы, что раз человѣк дѣйствует под вліяніем внѣшних причин, он не может быть отвѣтственным за свои поступки; ученые это признают, но это не мѣшает им говорить о необходимости карательных мѣр! Ниже мы вернемся к объясненію этого противорѣчія, а пока посмотрим, какіе именно признаки считаются учеными криминалистами характерными для преступника. В числѣ их мы находим: слѣды старых ран, аномаліи кожи, ненормальное строеніе ушей и носа, слѣды татуировки. Есть еще и многіе другіе, которые имѣют также мало отношенія к духовному складу человѣка, как и эти, но, не обладая

спеціальными познаніями в области анатоміи, мы не будем входить в их разбор. Ограничимся пока только перечисленными. Итак, прежде всего, раны: ясно, не правда-ли, что человѣк, у котораго есть слѣды старых, не может быть ничѣм иным, как только закоренѣлым преступником, особенно если он получил эти раны гдѣ нибудь на работѣ, или рискуя своей жизнью для спасенія другого! До сих пор мы всегда думали, что преступленіе состоит скорѣе в нанесеніи ран, чѣм в их полученіи, но оказывается, что наука рѣшила иначе: преступник—тот, кто позволил себя ранить. Что-ж, нам остается только преклониться! Что касается ненормальной формы носа и ушей, то напрасно мы трудились над рѣшеніем вопроса о том, какое они могут имѣть отношеніе к свойствам человѣческаго мозга. Мало того: Ломброзо сам признает, что многіе из тѣх признаков, на которые он указывает, как на аномаліи, очень часто встрѣчаются и у тѣх, кого он называет людьми порядочными. Но вѣдь в таком случаѣ эти аномаліи являются общим правилом! А мы-то думали до сих пор, что аномалія, это—свойство, выходящее из общаго правила! Оказывается, что наука по Ломброзо говорит нам противоположное—печальное противорѣчіе, наглядно показывающее, как люди, спеціализировавшіеся на одном каком-нибудь вопросѣ, на одном уголкѣ науки, теряют в концѣ концов всякое ясное представленіе о цѣлом и стремятся только к одному: свести все к своей спеціальности.

Имѣть уродливое ухо или уродливый нос — особенно нос, конечно очень непріятно, особенно если этот недостаток принимает слишком смѣшную форму. Нѣт ничего красиваго в том, чтоб имѣть на лицѣ какой-нибудь нарост или пятно; очень часто это бывает одинаково непріятно как для самого человѣка, так и для тѣх, кто на него смотрит. Однако мы всегда думали, что имѣть такого рода уродство и без того достаточно горестно, чтобы еще вдобавок на человѣка смотрѣли как на преступника. Но так как таково именно мнѣніе Ломброзо, то нам остается только довести его до крайних послѣдствій и потребовать, чтобы акушерок и врачей обязали убивать всѣх новорожденных, являющихся на свѣт с уродливым носом или ухом. Всякое пятно на кожѣ составляет вѣрный признак нравственной испорченности. Возьмите, напримѣр, меня: у меня, помнится, есть гдѣ-то на тѣлѣ такія пятна, а к тому же я—анархист, что уже само по себѣ считается нѣкоторыми признаком преступности; все это

отлично подходит одно к другому и ясно говорит за то, что я должен стать преступником. А слѣдовательно, нужно предать меня смерти: теорія очевидно предсказывает мнѣ смерть на эшафотѣ. Правда, если бы приложить эту доктрину ко всѣм, кто под нее подходит, то, может быть, в живых осталось бы очень мало людей, но зато каким бы совершенным оказалось человѣчество и в нравственном и в физическом отношеніи! Никогда не нужно отступать перед логическими послѣдствіями какой нибудь теоріи, когда она основывается на наблюденіи, как теорія Ломброзо!

Что касается татуировки, то мы, конечно, никогда не считали ее признаком особенно высокаго эстетическаго развитія: это—атавизм, под вліяніем котораго люди стремятся усовершенствовать свою «естественную красоту» разными украшеніями—совершенно так же, как это дѣлали наши предки в каменный вѣк. Тот же самый атавизм заставляет до сих пор многих женщин прокалывать себѣ уши, чтобы вставлять туда кусочки металла или блестящіе камни, совершенно так же, как бразильскіе ботокуды и нѣкоторыя австралійскія и африканскія племена прорѣзывают себѣ губы, носовой хрящ, или уши и вставляют туда круглые куски дерева или металла, что, с их точки зрѣнія, придает им необычайную красоту.

Мы всегда считали эти пріемы черезчур первобытными, но до сих пор не видѣли в них никакого проявленія жестокости; однако, раз ужь Ломброзо нас просвѣтил, то мы надѣемся, что нас избавят не только от людей, которые себя татуируют, но и от тѣх женщин, которыя прокалывают себѣ уши или красят волосы.

Тот же ученый сдѣлал попытку установить на таких же шатких основаніях и тип политическаго преступника; но разбор этого завлек бы нас слишком далеко, а потому мы ограничимся критикой его теоріи преступности в собственном смыслѣ слова.

Нашлись, впрочем, другіе, болѣе развитые, ученые, которые сами скоро подвергли критикѣ эти черезчур фантастическія соображенія и доказали, как мало значенія имѣют тѣ признаки преступности, которыми хотѣли надѣлить людей, обозначенных кличкою преступников. Проф. Мануврiе, напримѣр, в своих лекціях в Парижской Антропологической Школѣ (1890—91 г.г.) блестящим образом разбил теорію Ломброзо и его послѣдователей. Показав, прежде всего, неосновательность самих наблюденій, на которых итальянскій ученый и его послѣдователи основыва-

лись для характеристики своего преступнаго типа, для котораго они избрали людей, уже искалѣченных тюрьмою или вообще ненормальною жизнью, Манувріе говорит затѣм, что у людей могут быть извѣстныя наклонности к того или другого рода поступкам, но что они не предназначены строеніем своего мозга или скелета непремѣнно совершить эти поступки и стать таким образом тѣм, что называется преступником. Извѣстнаго рода наклонность может с одинаковою вѣроятностью привести человѣка, смотря по обстоятельствам, как к поступку, который считается похвальным, так и к поступку, считающемуся преступным.

Например, большая мускульная сила может, в момент гнѣва, сдѣлать из человѣка убійцу, но она же может сдѣлать из него и полицейскаго, задерживающаго преступника. Сильныя страсти, презрѣніе к опасности и к смерти, которую человѣк с одинаковою легкостью готов и причинить другому и встрѣтить сам— все это одновременно — и пороки, встрѣчающіеся у преступника, и добродѣтели, требующіяся от солдата. Изворотливый ум, склонный к обману, вкрадчивый и льстивый, могут сдѣлать из человѣка плута, совершающаго цѣлый ряд краж и мошенничеств; но, вмѣстѣ с тѣм, это — тѣ же самыя свойства, которыя нужны для хорошаго сыщика и слѣдователя.

Идя послѣдовательно за своею аргументаціею, Манувріе приходит к тому выводу, что иногда бывает очень трудно отличить так называемаго преступника от так называемаго честнаго человѣка и что многіе из тѣх, которые находятся на свободѣ, должны были бы быть в тюрьмѣ, и наоборот.

Но, признав вмѣстѣ со всѣми другими учеными, что человѣк есть ничто иное как игрушка в руках внѣшних сил, по равнодѣйствующей которых он движется в каждый данный момент, что свободы воли не существует, что правосудіе есть отвлеченное понятіе, в дѣйствительности сводящееся к воздѣйствію общества, мстящаго за потерпѣвшую личность, — послѣ всѣх этих выводов, так близко подходящих к тому, что говорят анархисты, он, к несчастью останавливается на пол-дорогѣ и приходит к заключенію, что существующія наказанія еще недостаточны и что их нужно усилить. Он, правда, прячется при этом за самосохраненія общества: "преступные акты, говорит он, нарушают его существованіе и оно имѣет право защищаться, принимая на себя месть за потерпѣвших личностей и налагая на тѣх, кто ему мѣшает, такія строгія наказанія, которыя отняли бы у них охоту продолжать в том же направленіи дальше.

От чего же зависит это явное противорѣчіе между такими широкими идеями с одной стороны и такими узкими взглядами с другой, между выводами, требующими сохраненія извѣстных учрежденій, и посылками, доказывающими их нелѣпость? Увы, это противорѣчіе не составляет исключительнаго свойства тѣх людей, которые в него впадают, а зависит вообще от несовершенства человѣческаго ума.

Человѣк не обладает всеобъемлющим знаніем; ученый, занимающійся со страстью каким-нибудь одним предметом, может совершать чудеса в избранной им области, может, переходя от одного умозаключенія к другому, рѣшать в этой области самыя сложныя задачи; но так как ему нѣт возможности изучить так же хорошо всѣ отрасли знанія, то он поневолѣ остается позади в вопросах, касающихся, других наук. Поэтому, когда он хочет приложить свои, может быть, очень замѣчательныя открытія к другим областям человѣческой мысли, он обыкновенно дѣлает это неудачно и из открытых им истин выводит ложныя заключенія.

В самом дѣлѣ, если бы антропологи, изучавшіе человѣка и показавшіе его истинную природу, изучали и анализировали так же тщательно и соціологическія явленія, если бы они точно так же подвергли своей критикѣ всѣ общественныя учрежденія, существующія у нас, их выводы оказались бы, несомнѣнно, совершенно иными. Раз они признают, что человѣкъ дѣйствует под вліяніем внѣшних условій, они должны заняться отысканіем причин, создающих эти условія; когда они изучают личность и дѣйствія так называемаго преступника, для них должно явиться как необходимое условіе разсмотрѣніе природы этих поступков и тѣх причин, благодаря которым они оказываются во враждѣ с общественными законами. И вот здѣсь-то вслѣдствіе вліянія окружающей среды, связанных с воспитаніем предразсудков и сравнительно малому знакомству с тѣми научными вопросами, которых они не изучают спеціально, они и приходят, незамѣтно для самих себя, к заключеніям, вполнѣ выгодным для существующаго порядка вещей; правда, они признают его недостатки и даже требуют нѣкоторых улучшеній в пользу обездоленной части общества, но никакого другого средства для этого они не находят, кромѣ дѣятельности правительственной власти. Въ них прочно утвердилась привычка двигаться не иначе, как в путах и под угрозой кнута; наиболѣе независимые умы, правда, очень хотѣли-бы избавиться от этого гнета и избавить от него неболь-

шое меньшинство избранных, но они не могут представить себѣ, чтобы все человѣчество вообще могло существовать без всевозможных оков и тюрем.

Если мы разберем, какія именно преступленія составляют главные противуобщественные поступки, обращающіе на себя вниманіе закона, и оказывающіеся наиболѣе частыми, то мы увидимъ, что, если исключить нѣкоторыя преступленія, совершаемыя подъ вліяніем страсти — очень рѣдкія и к которым и врачи и судьи относятся снисходительно,—то наибольшее количество преступленій и проступков придется на преступленія против собственности. И вот тут-то является вопрос, на который могут отвѣтить только тѣ, которые тщательно изучили наш общественный строй в его природѣ и его проявленіях: справедливо ли существованіе собственности? можно ли защищать ту общественную организацію, которая создает такое количество преступленій?

Если данный общественный строй вызывает столько поступков, являющихся неизбѣжной реакціей против него, то он очевидно неразумен и нарушает интересы очень многих людей; общественный договор здѣсь не есть уже результат добровольнаго и единодушнаго соглашенія, а результат гнета и произвола, т.-е. другими словами, мы приходим к тому самому выводу, который составляет главную мысль нашей работы. А раз мы признали этот главный недостаток нашего общественнаго устройства, то нам станет яснымъ, что для искорененія преступленій, нужно уничтожить создающій их общественный строй. Устройте так, чтобы каждому члену общества было обезпечено удовлетвореніе его потребностей, чтобы ничто не стѣсняло его свободнаго развитія, чтобы в общественной организаціи не было таких учрежденій, которыми бы он мог воспользоваться для притѣсненія других людей—и вы увидите, что преступленія исчезнут. Если же и останутся гдѣ нибудь личности, настолько испорченныя нашим теперешним общественным строем, чтобы совершать такіе поступки, которым нельзя найти другого объясненія, кромѣ сумасшествія, то эти личности станут тогда достояніем науки, а не палача—этого наемнаго убійцы на службѣ у общества, основаннаго на капитализмѣ и государственности.

Вы говорите, что боретесь с ворами и убійцами? Но что такое, в сущности, вор и убійца? Вы скажете, что это люди, стремящіеся жить ничего не дѣлая, на счет общества. Но посмотрите кругом — и вы увидите, что ваше общество кишит

ворами и что ваши законы не только не преслѣдуют их, но, наоборот, только для того и существуют, чтобы их защищать. Лѣность не только не наказывается, но наоборот: удовольствіе жить ничего не дѣлая выставляется как идеал и как награда, ожидающая тѣх, кто, какими бы то ни было средствами, с умѣл устроить себѣ легкую жизнь без труда.

Вы наказываете как вора какого-нибудь бѣдняка, который, не имѣя работы, украдет, рискуя каторгой, кусок хлѣба, чтобы утолить свой голод; но вы низко кланяетесь милліонеру, который захватит на рынкѣ, благодаря своим капиталам, какіе нибудь предметы, необходимые для потребленія всѣх, и станет потом продавать их на 50% дороже; вы смиренно и терпѣливо стоите в передней у какого нибудь финансиста, который в своей биржевой игрѣ раззорит сотни семей, чтобы обогатиться на их счет.

Вы наказываете преступника, который убьет кого-нибудь для удовлетворенія своей склонности к лѣни и разврату, но кто внушил ему эту склонность как не ваше общество? Вы наказываете его, когда он совершает свой поступок в незначительных размѣрах, но вы содержите цѣлыя арміи, которыя посылаете в отдаленныя страны, чтобы продѣлывать то же самое, только в крупных размѣрах, над беззащитными народами. А эксплуататоры, которые убивают не одного человѣка, даже не десять человѣк, а цѣлыя поколѣнія, истощая их работой, урѣзывая каждый день их заработок, доводя их до самой ужасной нищеты? О, на их сторонѣ всѣ ваши симпатіи и, в случаѣ надобности, вы отлично умѣете отдать в их распоряженіе всѣ силы вашего общества! А тот *закон*, бдительными стражами котораго вы являетесь? Стоит только эксплуатируемым, когда им, наконец, надоѣст терпѣть, поднять немного голову и потребовать немного больше хлѣба и немного меньше работы, как вы превращаете этот закон в покорное оружіе привиллегированных классов против неумѣстных требованій бѣдняков.

Вы наказываете глупца, который попался в ваши сѣти, но если найдется ловкій человѣк достаточно сильный, чтобы их прорвать, то вы оставите его в покоѣ. Вы сажаете в тюрьму бродягу, который гдѣ-нибудь по дорогѣ украдет яблоко, и предоставляете всю вашу судебную процедуру в распоряженіе собственника, чтобы помочь ему украсть у бѣдняка, который должен ему каких нибудь нѣсколько рублей, всю его мебель, которая стоила ему, может быть, нѣсколько десятков рублей и представляет собою сбереженія, сдѣланныя им втеченіе цѣлых долгих лѣт.

Ваше правосудіе в высшей степени строго к вору в лохмотьях, но очень благосклонно к тому, кто обкрадывает цѣлый класс или цѣлый народ. И в самом дѣлѣ: развѣ не для того и существуют всѣ ваши учрежденія, чтобы обезпечить имущим свободное пользованіе награбленным богатством?

Но что нас еще больше возмущает, это тѣ лицемѣрныя формы, в которыя буржуазія облекает свои судебныя комедіи; она не имѣет смѣлости продѣлывать их открыто и кромѣ того хочет этим путем заставить нас смотрѣть на них, как на нѣчто священное. Есть, впрочем, нѣчто, еще болѣе возмутительное: это—поведеніе тѣх комедіантов, которые, под видом нападенія на существующій строй, нападают, в сущности, только на лиц, прилагающих его законы, и на способ их приложенія, оставляя в неприкосновенности самую их сущность; этим они как бы показывают, что есть много способов прилагать закон и между этими способами может найтись и хорошій, что среди людей, которые придут ко власти, могут оказаться люди, достаточно честные, с достаточно широкими взглядами—одним словом, такіе люди, каких не бывает — чтобы найти этот хорошій способ и пользоваться им ко всеобщему удовольствію. И мы, право, не знаем, чему больше нужно удивляться: ловкости ли тѣх, кто разсказывает нам подобныя нелѣпости, или наивности тѣх, которые продолжают относиться с уваженіем к этим комедіям, всю тяжесть которых они несут на себѣ. Трудно понять, как среди безчисленнаго множества людей, прошедших через руки правосудія, до сих пор не нашлось человѣка, достаточно свободнаго от всѣх предразсудков, чтобы подойти к одному из осудивших его, сорвать с него судейскую тогу и показать всѣм, что под этими тряпками находится такой же человѣк, как и всѣ, подверженный тѣм же слабостям и тѣм же ошибкам, уже не говоря о преступленіях, которыя он способен совершить ради интересов своей касты.

Для нас, анархистов, борющихся против власти вообще, законность есть ничто, иное, как одна из тѣх лицемѣрных масок, которыми прикрывают всевозможныя преступленія наших правителей и которыя мы всего больше должны стараться сорвать. Уже и так слишком долго этот божок пользовался всеобщим уваженіем; слишком долго народы думали, что судебныя учрежденія обладают особой, высшей природой и витают в высших сферах, недоступных человѣческим страстям; слишком долго люди вѣрили в существованіе особых личностей, как бы иной

породы, призванных воздавать на землѣ каждому по его заслугам на основаніи идеальнаго понятія о правосудіи. Между тѣм, каждый понимает это правосудіе по своему, соотвѣтственно условіям, в которыя он поставлен; тѣ же, которые формулировали его в сводѣ законов, вдохновлялись именно наиболѣе отсталыми, наиболѣе отжившими идеями, с цѣлью защиты эксплуатаціи и порабощенія слабых болѣе сильными, сумѣвшими подчинить их себѣ. Пора уже порвать с этими нелѣпыми предразсудками и начать открыто бороться против всѣх учрежденій, унижающих человѣческую личность: свободный человѣк не может признать за кѣм бы то ни было права судить и осуждать других людей. Понятіе *о правосудіи* в том видѣ, в каком оно проявляется в существующих учрежденіях, пало вмѣстѣ с понятіем *о Божествѣ;* одно повлекло за собою другое. В тѣ времена, когда люди были еще настолько отсталыми, чтобы увѣрить в сверхъестественное существо, стоящее внѣ матеріальнаго міра, занимающееся всѣм, что совершается на нашей планетѣ и управляющее поступками всѣх живущих на ней людей, понятіе о Богѣ, внушающем судьям их приговоры, еще могло заставить повѣрить в непогрѣшимость человѣческаго правосудія.

Но раз вѣра в Бога и сверхъестественный мір исчезла и человѣческая личность осталась одна, со всѣми своими слабостями и страстями, то вмѣстѣ с тѣм должен исчезнуть и этот высшій характер непогрѣшимости, свойственный божеству, которым облекла себя судебная власть, чтобы стать выше остального общества; перед открывшимися глазами людей должно предстать то, что составляет ея истинное содержаніе: угнетеніе и эксплуатація одного класса другим, насиліе и обман, возведенные в принцип и превращенные в *общественныя учрежденія*.

Наука помогла нам снять этот таинственный покров, разоблачить этого колосса, и теперь ей уже поздно возвращаться назад и пытаться замѣнить свергнутое божество представленіем о новом высшем существѣ—Общество. Нужно, чтобы ученые окончательно отдѣлались от своего буржуазнаго воспитанія и принялись за изученіе общественных явленій с тѣм же рвеніем и с тѣм же безкорыстіем, которое они проявляют в изученіи других спеціальных отраслей знанія. И вот тогда, когда они перестанут находиться под вліяніем чуждых наукѣ соображеній

и предразсудков, они не будут приходить к заключенію о необходимости осужденія преступника, а скажут, вмѣстѣ с нами, что нужно разрушить тот общественный строй, который, в силу недостатков своей организаціи, ведет к тому, что в его средѣ существует раздѣленіе на людей, считающихся порядочными, и людей, называемых преступниками.

Глава X.

Вліяніе среды.

Высказанную только что истину, впрочем, уже начинают все больше и больше сознавать и она все больше прокладывает себѣ дорогу в научном мірѣ, так что теперь оспаривать фактъ измѣненія живых существ под вліяніем среды могут развѣ только какіе нибудь устарѣлые представители оффиціальной науки.

В настоящее время всѣ признают, что почва, климат. благопріятныя или неблагопріятныя для жизни организмов условія оказывают такое же, если не большее, вліяніе на их развитіе, как и всѣ другія причины, которым прежде приписывали исключительное вліяніе на их приспособленіе к окружающему міру и на их измѣненія.

Относительно человѣка, котораго хотѣли выдѣлить из всѣх остальных существ, признать это было не так легко, тѣм болѣе, что он, в свою очередь, и сам измѣняет ту среду, в которой живет. В концѣ концов однако, и здѣсь пришли к заключенію что он, подвержен тѣм же вліяніям и развивается в силу тѣх же самых первоначальных причин, как и всѣ другіе организмы. Еще труднѣе было дойти до объясненія, на основаніи тѣх же самых законов, его нравственной эволюціи: даже тѣ, которые отрицают свободу воли и признают, что человѣк дѣйствует исключительно под давленіем внѣшних условій, не могут до сих пор принять всѣх послѣдствій этого, т. е. признать, что причина преступности лежит в характерѣ всего существующаго строя, и что поэтому самый этот строй требует преобразованій. Не-

многіе, наиболѣе смѣлые, соглашаются в принципѣ с тѣм, что наш общественный порядок плох, что он нуждается в реформах, что нѣкоторыя из его учрежденій являются, дѣйствительно, причиной преступленій; но и в их глазах главной виновницей оказывается все таки сама природа человѣка: ей свойственны, говорят они, такія страсти, которыя нужно обуздывать, а это может сдѣлать только общество, как бы значительны не были его недостатки. Чтобы смягчить ответственность общества в цѣлом, они, кромѣ того, дѣлят общественную среду на нѣсколько частей, каждой из которых точно также дают названіе среды и приписывают всѣ дурныя вліянія этим отдѣльным частям. Что касается общества, говорят они, то, конечно, оно несовершенно; но все таки, даже в том видѣ, как оно есть, оно защищает слабых, обезпечивает личности свободу труда и оказывает ей болѣе дѣйствительную и болѣе дешевую защиту, чѣм если бы ей пришлось защищаться самой. Одним словом, общество—это договор взаимнаго страхованія, заключенный между личностями, и преступленія зависят гораздо больше от самой природы человѣка, чѣм от общественной организаціи.

Мы далеко не считаем человѣка образцом совершенства: по правдѣ сказать, это—довольно жалкое животное, которое или растантывает ногами себѣ подобных, или же пресмыкается передтѣми, кто может растоптать его самого. Однако человѣком руководят не исключительно только дурные инстинкты: всѣ тѣ прекрасныя чувства любви, милосердія, братства, самоотверженія, солидарности, которыя воспѣваются и поэзіей, и религіей, и нравственностью, показывают, что если он и дѣйствует иногда под вліяніем чувств дурных, то в нем все таки живет нѣкоторое стремленіе к идеалу, к совершенствованію. И вот это-то стремленіе общество и подавляет, мѣшая ему развиваться.

Человѣк, и в физическом, и в нравственном отношеніи, не создался сам, как и всѣ другія животныя, высшим типом которых он является, он представляет собою продукт извѣстных обстоятельств, извѣстных комбинацій и соединеній вещества. Ему пришлось бороться за свое развитіе, и если он в значительной степени преобразовал окружающую его среду, то эта послѣдняя оказала в свою очередь вліяніе на его привычки, на весь его способ жить, думать и дѣйствовать. Человѣк создал общество под вліяніем своего характера и своих влеченій и до сих пор продолжает оказывать на него извѣстное вліяніе; но не нужно забывать, что, со времени основанія первых обществ, человѣк

не переставал развиваться, тогда как общества, с самаго появленія крупных общественных груш, не переставали быть основанными на принципах власти и собственности. Революціи вносили нѣкоторыя измѣненія в отдѣльныя частности; власть и собственность переходили из рук в руки, от одного класса к другому, но в основѣ общества все также лежали антагонизм и конкурренція между личностями и оно все также давило всею своею тяжестью на их духовное развитіе.

Люди родятся в общественной средѣ, в ней же пріобрѣтают свои первыя понятія и проникаются цѣлым рядом предразсудков и ложных представленій, в ложности которых они убѣждаются только послѣ цѣлых вѣков критическаго разбора. Приходится поэтому признать, что вліяніе общественной среды на личность громадно, что оно давит на нее и всею тяжестью своих учрежденій, и всею своею коллективною силою, и всѣм тѣм могуществом, которое она черпает из самой продолжительности своего существованія, у человѣка же, для сопротивленія этому вліянію, нѣт ничего, кромѣ его единичных сил.

Как первая попытка осуществленія солидарности, общество должно было бы имѣть цѣлью улучшить людей, пріучить их к той солидарности, во имя которой они соединились, заставить их братски любить друг друга и дѣлиться друг с другом всѣм: радостью, удовольствіями, наслажденіем, горем, страданіем, трудом и продуктами труда. В дѣйствительности однако вышло наоборот: общество прежде всего раздѣлило людей на множество классов, которые сводятся к двум главным: с одной стороны— правящіе и имущіе, с другой—управляемые и неимущіе. На сторонѣ первых мы находим избыток и пользованіе всѣми благами жизни, на сторонѣ вторых—нужду, лишенія и недостаток во всем. Результатом этого являетея враждебность между этими двумя категоріями, враждебность, превращающаяся в ожесточенную борьбу, которая может кончиться только или с окончательным порабощеніем второй категоріи, или с полным уничтоженіем первой—по крайней мѣрѣ, как особаго привиллегированнаго класса.

Но это вредное и нелѣпое дѣленіе общества на два противуположные класса ведет еще и к другим послѣдствіям. Лежащая в основѣ его противуположность интересов ставит личности во враждебное отношеніе друг к другу даже внутри каждаго класса; существованіе частной собственности ведет к тому, что каждый стремится обогатиться, чтобы обезпечить себя на будущее время,

раз общество не берет на себя этого обезпеченія. В основѣ всего современнаго строя лежит конкурренція: какое бы ремесло, какую бы профессію, какой бы род торговли не избрал себѣ человѣк, ему всегда придется бороться с конкурренціей людей, занимающихся тѣм же самым дѣлом. Для того, чтобы увеличить свои доходы или шансы на успѣх, а иногда просто для того, чтобы не погибнуть, ему приходится разсчитывать на раззореніе конкуррентов. Даже тогда, когда люди соединяются между собою, это оказывается всегда в ущерб какой-нибудь долѣ их собственнаго класса, занятой в той же самой отрасли промышленности. Основываясь на борьбѣ между личностями, общество превратило каждаго человѣка во врага всѣх остальных и сдѣлалось таким образом источником всѣх тѣх войн, преступленій, краж и т. под., которыя обыкновенно приписывают недостаткам человѣческой природы, но которыя, в дѣйствительности, представляют собою исключительно результат общественной организаціи: общество только содѣйствует их сохраненію, тогда как они должны были бы понемногу исчезать под вліяніем новых пріобрѣтаемых человѣком нравственных понятій.

По той же причинѣ и члены имущих классов постоянно ведут между собою борьбу, не видя в чем состоит истинный интерес их класса и что нужно сдѣлать для того, чтобы обезпечить себѣ спокойную возможность заниматься эксплуатаціей и устранить все то, что может показать эксплуатируемым истинное положеніе вещей. А это заставляет их дѣлать множество промахов, только ускоряющих их паденіе.

Если бы буржуазія была дѣйствительно сплоченной силой, если бы ею двигал не личный интерес каждаго, а исключительно общій интерес всего класса, то, при том могуществѣ, какое дает ей богатство, власть и господство над всѣми учрежденіями современнаго общества, административными, исполнительными и принудительными, при ея умственном развитіи — неизбѣжно болѣе высоком, чѣм развитіе рабочих, которым она так же скупо удѣляет духовную пищу, как и матеріальную — она могла бы держать эксплуатируемых под гнетом нужды и зависимости, под которым они находятся теперь, еще неопредѣленно-долгое время. Но, к счастью, жажда пользоваться удовольствіями, блистать и обогащаться заставляет ея членов вести между собою не менѣе ожесточенную борьбу, чѣм они ведут с рабочими. В своей поспѣшности воспользоваться настоящим положеніем, они дѣлают ошибки за ошибками, и рабочіе, в концѣ концов, начинают по-

нимать причину своего бѣдственнаго положенія, начинают сознавать, на какомъ низкомъ уровнѣ буржуазія стремится их удержать.

Но и в средѣ рабочих идет такая же борьба, как и в средѣ буржуазіи, и если там она угрожает цѣлости буржуазнаго строя, то здѣсь она, наоборот, содѣйствует его сохраненію. Вынужденные бороться за полученіе возможности заниматься наторжным трудом в пользу буржуазіи, рабочіе смотрят друг на друга как на врагов, а того, кто их эксплуатирует, склонны, наоборот, считать благодѣтелем. В обмѣн за их труд, буржуазія дает им лишь ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду; вот почему они склонны прежде всего смотрѣть непріязненно на того человѣка, который оспаривает у них с таким трудом полученную работу. Свободных мѣст мало; это еще больше усиливает конкурренцію и заставляет рабочаго наниматься за болѣе низкую плату, чѣм другой сотоварищ. И вот эта-то ежедневная борьба за кусок насущнаго хлѣба и заставляет рабочих забывать, что худшіе их враги, это их эксплуататоры.

Буржуазія, правда, сильна своим богатством, своим умственным превосходством и находящейся в ея руках правительственной властью; но она, в концѣ концов, составляет, сравнительно со всей массой рабочих, лишь ничтожное меньшинство, и ей скоро пришлось бы сдаться перед численным превосходством, если бы она не нашла средства раздѣлить рабочих и заставить их самих содѣйствовать поддержанію ея привиллегій.

Все это нам показывает, что человѣк—далеко не ангел, а в прошлом был и вполнѣ звѣрем, в самом прямом значеніи этого слова. Когда он создал первое общество, он положил в его основу инстинкты борьбы и господства; вот почему это общество оказалось таким плохим. С теченіем времени общественная организація не перестала быть плохой: власть продолжала оставаться в руках меньшинства, которое обратило ее в свою пользу, и чѣм больше развивалось общество, тѣм больше сосредоточивалась в руках немногих эта власть и тѣм вреднѣе становились связанныя с нею учрежденія. Наоборот, в человѣкѣ, по мѣрѣ развитія его ума и облегченія добыванія средств к существованію, развивалось чувство солидарности—то самое чувство, которое уже и раньше руководило им при его соединеніи с другими и которое впослѣдствіи сдѣлалось насущной потребностью. Но религія довела его до крайности, и своею проповѣдью милосердія и самоотреченія обратила и его в новое орудіе эксплуатаціи.

Каких только планов общественных преобразованій ради счастья человѣчества не создавала потребность гармоническаго общежитія! Но каждый раз общество давило всею своею тяжестью на хорошіе инстинкты человѣка, возрождало в нем его первобытный эгоизм и заставляло смотрѣть на других как на врагов, которых нужно раздавить, чтобы не быть раздавленным самому; оно пріучало его быть равнодушным свидѣтелем гибели тѣх, кого давили колеса чудовищнаго общественнаго механизма: он не мог броситься им на помощь, потому что это значило рисковать самому быть проглоченным ненасытною пастью чудовища, пожирающаго в особенности добрых в наивных людей, руководящихся человѣколюбивыми чувствами, и щадящаго тѣх, которые умѣют втолкнуть в пасть других и этою цѣною отсрочить свою собственную гибель.

Люди возмущаются против тунеядцев, воров и убійц, против неисправимо-дурных сторон человѣческой природы, и не замѣчают того, что всѣ эти пороки давно бы исчезли, если бы их не поддерживал и не развивал существующій общественный строй. Как же вы хотите, чтобы человѣк был трудолюбивым, когда в нашем обществѣ труд считается унизительным и составляет удѣл парій, когда эксплуататоры превратили его, благодаря своей страсти к наживѣ, в пытку, в занятіе рабов? Как вы хотите, чтобы не было лѣнтяев, когда для всякаго человѣка, который хочет улучшить свое положеніе, идеал—это накопить, какими бы то ни было средствами, достаточно денег, чтобы жить ничего не дѣлая или заставлять работать на себя других? И чѣм больше число эксплуатируемых им рабов, тѣм выше его общественное положеніе, тѣм большим почетом он окружен и тѣм, слѣдовательно, больше та сумма наслажденій, которую он может взять от жизни.

Общество построено іерархическим образом и самыя высшія положенія, т. е. тѣ, на которыя смотрят как на награду за ум, добродѣтель и трудолюбіе, составляют удѣл именно тѣх, кто никогда ничего сам не дѣлал. Люди, которым удалось тѣм или иным путем добраться до этой верхушки, ѣдят, пьют и предаются наслажденіям, никогда не ударив палец о палец, а внизу лѣстницы стоят и смотрят на эту праздную жизнь эксплуатируемые, которые работают и производят богатства в потѣ лица, не получая взамѣн ничего кромѣ возможности не умереть с голоду, и не имѣя другой надежды выйти из этого положенія кромѣ какого-нибудь счастливаго случая. И послѣ этого еще

удивляются, что люди имѣют наклонность жить ничего не дѣлая! Мы скорѣе удивляемся тому, что есть еще глупцы, соглашающіеся работать!

Примѣр, который общество подает отдѣльным личностям, таков, что единственный возможный для них идеал, это—создать себѣ такое положеніе, гдѣ бы они могли заставлять работать и эксплуатировать других, чтобы не быть эксплуатируемыми самим. А когда у человѣка не хватает средств эксплуатировать людей законно, наживаясь на их трудѣ, то он ищет других путей. Торговля и финансовыя операціи представляют собою пути, дозволенные законом и дающіе огромные барыши, когда они производятся в крупных размѣрах; в мелких же операціях приходится прибѣгать к различным уловкам, при которых человѣк лавирует между различными статьями закона, а иногда и нарушает их, если только знает, что не попадется. Надувательство и обман являются тут очень цѣнными вспомогательными средствами, благодаря которым предприниматель может удесятерять свои барыши.

Для тѣх же, кто не может стать в такія условія, остается еще одно: эксплуатація человѣческой довѣрчивости—мошенничество и другія подобныя операціи. Еще ниже мы находим грубое воровство и убійство. В зависимости от находящихся под руками средств, от среды, в которой они выросли, люди прибѣгают к тому или другому из указанных средств, а иногда и соединяют их вмѣстѣ, чтобы как можно дальше уберечься от строгости закона, считающагося защитником общества.

Нужда и страданія—удѣл рабочих; тунеядство и наслажденіе жизнью—удѣл тѣх, которые, благодаря силѣ, хитрости или происхожденію, сдѣлались их паразитами.

То же самое можно сказать и о солидарности. Как вы хотите, чтобы люди не грызлись между собою, когда они не знают, чѣм будут завтра питаться сами и чѣм накормят свою семью, если та работа, на которую они надѣятся, достанется их конкурренту? Как вы хотите, чтобы в них жило чувство солидарности, когда всякій раз, когда они дают нищему кусок хлѣба, они думают, что может быть в будущем им недостанет этого куска? Как могут они поддерживать в себѣ это чувство, когда им приходится каждый день бороться за свое пропитаніе, когда на свѣтѣ есть множество наслажденій, которых они никода не узнают? Может быть именно потребность сплотиться в борьбѣ сблизила людей между собою и превратила это чувство в лю-

бовь к ближнему; но как бы то ни было, именно общество ответственно за переживаніе борьбы между личностями и вытекающую отсюда вражду. Как вы хотите, чтобы человѣк не желал другому зла, когда он знает, что исчезновеніе этого другого может помочь ему подняться одной ступенью выше на общественной лѣстницѣ, или дать ему лишній шанс на полученіе желаннаго мѣста, когда, вообще, это — устраненіе опаснаго конкуррента? Как можно требовать, чтобы человѣк сопротивлялся дурным побужденіям, когда он отлично знает, что все, что будет злом для его сосѣда, будет добром для него самого?

Вы говорите, что человѣк дурен; мы же, наоборот говорим, что в нем, должно быть, живет сильная наклонность к добру, если общество не оказывается еще худшим, чѣм оно есть, если всевозможныя преступленія и несчастья не совершаются в нем еще чаще.

Человѣку удалось развить в себѣ стремленіе к солидарности, справедливости и гармоніи, наперекор всѣм вліяніям среды, толкающей его на зло, и вот эти хорошія чувства стали опять таки предметом эксплуатаціи для людей, живущих на его счет. Его мечты о счастьѣ, его стремленіе к лучшему вызвало появленіе на свѣт цѣлаго класса поразитов, которые стали пользоваться этими стремленіями, суля ему их осуществленіе. Мало того: эти чувства даже стали наказываться, как нарушающія общественный порядок, и не смотря на все это, человѣчество продолжает стремиться воплотить их в жизнь. И послѣ этого нам еще рѣшаются говорить о дурных инстинктах человѣка!

Гуманныя чувства, стремленіе к свободѣ и справедливости преслѣдовались и наказывались потому, что люди, сумѣвшіе отдѣлаться от узкаго, жестокаго эгоизма, служащаго опорою современнаго общества, стали мечтать о том времени, когда настанет общая гармонія, и наслажденіе жизнью сдѣлается доступным для всѣх, и задались вопросом о том, почему общество, созданное для общаго счастья, служит только для обезпеченія привиллегій небольшого меньшинства. Отсюда они вывели заключеніе, что общественная организація плоха, что она должна исчезнуть и уступить мѣсто другой, болѣе разумной. Но так как люди, пользующіеся привиллегированным положеніем, не хотѣли уступить своих привиллегій, то они стали преслѣдовать эти стремленія как вредныя, а это дало начало новой борьбѣ, создало новые поводы для развитія дурных инстинктов.

Раз мы признали вредное вліяніе существующаго общества

на нравственный уровень личностей, то нам уже не трудно найти способ устранить в них дурные инстинкты и развить хорошіе. Ваше общество, основанное на враждебности интересов, ведет к борьбѣ между личностями и создает то зловредное существо, которое мы называем цивилизованным человѣком: найдите такую организацію, которая была бы, наоборот, основана на самой тѣсной солидарности. Сдѣлайте так, чтобы личные интересы не были противуположны ни друг другу, ни интересу общему. Сдѣлайте так, чтобы благосостояніе личности вытекало из общаго благосостоянія и в свою очередь являлось его источником. Сдѣлайте так, чтобы, для того, чтобы жить и пользоваться жизнью, людям не нужно было бояться конкурренціи других; сдѣлайте так, чтобы им, наоборот, было выгодно соединять вмѣстѣ свои силы и свои стремленія и чтобы их ассоціація не могла оказаться во вред другим, сосѣдним, ассоціаціям.

Вы боитесь лѣнтяев—сдѣлайте труд привлекательным. Вмѣсто того, чтобы приковывать к нему небольшое меньшинство, для котораго он обращается в пытку, уничтожте всѣ ваши безполезные должности и организуйте общество так, чтобы каждый содѣйствовал производству, и не под давленіем какой-нибудь власти, а в силу естественнаго хода вещей. Сдѣлайте труд полезным и необходимым, устройте так, чтоб он был гигіеническим упражненіем, а не пыткой.

Существующая общественная организація не может дать ничего кромѣ войн, преступленій, обмана и нужды; это—результат существованія частной собственности и власти, результат вліянія среды. И если вы стремитесь к обществу, основанному на взаимном довѣріи, солидарности и общем благосостоянія, положите в основаніе его свободу, взаимность и равенство.

Глава XI.

Патріотизм.

Понятія о семьѣ, религіи, собственности, власти выдѣлялись понемногу изъ всей совокупности человѣческихъ понятій и постепенно принимали все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ эти понятія выяснились, они проходили, каждое въ отдѣльности, свой особый циклъ развитія и воплощались въ существованіи особыхъ сословій, имѣющихъ каждое свое назначеніе и свои привиллегіи.

Однимъ изъ первыхъ выдѣлилось, развилось и получило повсюду преобладаніе сословіе военное; даже тамъ, гдѣ ему приходилось уступить первенство духовному сословію, это послѣднее пользовалось собственно лишь почетнымъ главенствомъ, въ сущности же именно военное сословіе давало возможность тѣмъ, кто стоялъ у власти, удержать ее въ своихъ рукахъ, именно оно выбирало тѣхъ номинальныхъ или дѣйствительныхъ вождей, въ которыхъ сосредоточивалась вся сила привиллегированныхъ сословій.

Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ интересовъ понятіе патріотизма играло очень незначительную роль. Различныя группы и племена, а затѣмъ, уже въ историческое время — различные города, боролись другъ съ другомъ; затѣмъ, одни народы стали стремиться поработить другихъ, и появилось различіе между національностями; тѣмъ не менѣе понятіе о патріотизмѣ было еще очень неяснымъ и неопредѣленнымъ. Только въ очень близкое къ намъ время мы видимъ, какъ оно зародилось и опредѣлилось и какъ оно скоро

стало выше и королей, и священников, и воинов, обратив их всѣх в своих слуг, в служителей новой религіи.

Во Франціи идея патріотизма, точно также как и идея законности, проявилась во всей своей силѣ в 1789 году. Это было геніальное изобрѣтеніе буржуазіи: она замѣнила авторитет божественнаго права авторитетом націи, представила его в глазах рабочих как совокупность всѣх прав и заставила их защищать новый порядок вещей, внушив им, что они борятся за защиту своих собственных прав. В самом дѣлѣ, нужно имѣть в виду, что понятіе об отечествѣ, о націи, как говорили тогда, было скорѣе понятіем о народѣ, о его правах и его учрежденіях, чѣм о самой территоріи. Только впослѣдствіи, под вліяніем различных причин, патріотизм сузился и измельчал до такой степени, что теперь он означает исключительно любовь к извѣстной территоріи, совершенно независимо от населяющих ее жителей и от существующих на ней учрежденій.

Но каково бы ни было содержаніе этой идеи, буржуазіи было в высшей степени выгодно развивать и поддерживать ее, чтобы в концѣ концов превратить ее в род религіи, под защитой которой она могла бы удержать в своих руках власть, уже сильно подвергавшуюся критикѣ. Защита территоріи была во всяком случаѣ очень удобным предлогом для сохраненія арміи, нужной для поддержанія ея привиллегій, а общее благо — неопровержимым аргументом для того, чтобы заставить содѣйствовать тому же самому и рабочих. К счастью, критическая мысль развивается и расширяется с каждым днем; человѣк уже перестает довольствоваться словами и хочет знать, что они означают. Даже если ему не удается достигнуть этого сразу, он во всяком случаѣ умѣет уже накоплять в своей памяти запас фактов, из которых он затѣм дѣлает логическіе выводы.

Что, в самом дѣлѣ, значит слово «отечество», если мы оставим в сторонѣ естественное чувство любви к семьѣ и близким и привязанность к своей странѣ, зависящую от привычки жить в ней? Для большинства из тѣх, которые рискуют жизнью в разных войнах, не зная даже их причин, и несут на себѣ всю тяжесть их, и как рабочіе и как солдаты, это слово не заключает в себѣ, кромѣ этого, ровно ничего. Будет ли война удачной, или неудачной, их положеніе от этого нисколько не измѣнится. Окажутся ли они побѣдителями или побѣжденными, они все равно не перестанут быть вѣчно эксплуатируемыми

вьючными животными, над которыми буржуазія всѣми средствами стремится удержать свое господство.

Посмотрим, в каком смыслѣ употребляют это слово тѣ, которые больше всего говорят о любви к отечеству. «Отечество», говорят они, «это — земля, территорія, принадлежащая тому государству, подданными котораго мы состоим». Но вѣдь границы государств произвольны и опредѣленіе их зависит по большей части от исхода войн; политическая группировка стран не всегда была такой, какой мы видим ее теперь, и если завтра нашим эксплуататорам захочется начать между собою войну, то какое нибудь одно сраженіе может вновь заставить часть страны перейти под власть другого государства. Да развѣ не так происходило дѣло и всегда? В рядѣ войн различныя страны присвоивали себѣ тѣ или другія провинціи, опредѣлявшія их границы, затѣм теряли их и вновь завоевывали, так что патріотизм этих провинцій переходил то на одну, то на другую сторону и состоял только в том, чтобы сегодня бороться под одним знаменем, а завтра—под другим, сегодня убивать своих вчерашних союзников и сражаться рядом с завтрашними врагами. Это—первое доказательство нелѣпости патріотизма.

Да и что, вообще, может быть произвольнѣе границ? На каком основаніи люди, живущіе по ту сторону какой-нибудь воображаемой линіи, составляют другое государство, чѣм тѣ, которые живут по эту сторону? Произвольность этого так очевидна, что для объясненія дѣленія народов на различныя націи обращаются теперь к понятію о расѣ. Но и это не имѣет никаких серьезных основаній, потому что каждая из существующих національностей представляет собою результат смѣшенія многих рас, очень различных между собою, не говоря уже о том, что постоянно развивающіяся и все болѣе и болѣе тѣсныя международныя сношенія ведут к постоянным скрещиваніям.

Если стать на эту точку врѣнія, то прежнее дѣленіе Франціи на провинціи окажется, пожалуй, болѣе логичным, потому что в нем все таки принимались в соображеніе этническія особенности населенія; но теперь и это уже не может имѣть значенія, потому что человѣчество все больше и больше объединяется, и различныя народности постепенно сливаются между собою; остаются только различія, зависящія от условій среды и климата и слишком глубокія для того, чтобы вполнѣ исчезнуть.

Но что еще нелѣпѣе, так это то, что большинство людей жертвует своею жизнью в борьбѣ с другими людьми, на кото-

рых им указывают как на враговъ, но которыхъ у нихъ нѣтъ никакихъ особыхъ причинъ ненавидѣть, ради защиты или завоеванія земли, которая имъ не принадлежитъ и не будетъ принадлежать. Она составляетъ собственность небольшого меньшинства тунеядцевъ, и эти собственники спокойно сидятъ у себя дома въ полной безопасности, въ то время, какъ рабочіе самымъ безсмысленнымъ образомъ рискуютъ своею жизнью, отнимая съ оружіемъ въ рукахъ землю, которая послужитъ только для того, чтобы дать эксплуататорамъ возможность еще больше ихъ эксплуатировать.

Мы уже говорили о томъ, что собственность не принадлежитъ по праву тѣмъ, въ чьихъ рукахъ она находится: воровство, грабежъ и убійство, прикрытыя громкими названіями завоеваній, колонизаціи, цивилизаціи, патріотизма, сыграли въ этомъ переходѣ немаловажную роль. Мы не будемъ возвращаться здѣсь къ вопросу о происхожденіи собственности, но скажемъ только одно: если бы рабочіе были разумнѣе, то вмѣсто того, чтобы идти на войну защищать территорію, принадлежащую другимъ, они прежде всего отдѣлались бы отъ своихъ собственныхъ правителей и эксплуататоровъ, затѣмъ предложили бы сдѣлать то же самое всѣмъ остальнымъ рабочимъ, къ какой бы національности они не принадлежали, и соединились бы всѣ вмѣстѣ для общаго производства и потребленія.

Земля достаточно велика, чтобы прокормить всѣхъ, и не недостатокъ мѣста, не недостатокъ пищевыхъ продуктовъ вызываетъ кровавыя войны, въ которыхъ тысячи людей убиваютъ другъ друга ради славы и выгоды небольшого меньшинства; наоборотъ, именно эти безобразныя войны, вызванныя правительственными соображеніями, тщеславіемъ или торговой конкурренціей крупныхъ капиталистовъ, раздѣлили людей на націи; въ средніе вѣка онѣ же служили причиной чумы и голода, уносившихъ тѣхъ, кто оставался въ живыхъ.

Но тутъ мы слышимъ возраженія буржуазныхъ шовинистовъ: «Но вѣдь если у насъ не будетъ арміи, нами завладѣютъ другія державы, которыя истребятъ насъ или поставятъ въ еще худшія условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы живемъ теперь», а нѣкоторые говорятъ даже, совершенно не замѣчая сами, что становятся на патріотическую точку зрѣнія: «Мы вовсе не патріоты; мы вполнѣ признаемъ, что существующее распредѣленіе собственности дурно и что обществу требуетъ преобразованій, но согласитесь, что Франція идетъ во главѣ другихъ по пути прогресса, и дать ее разбить—значитъ допустить шагъ назадъ; представьте, что ее побѣ-

дит какое-нибудь деспотическое государство: конец тогда ея свободѣ!»

Мы, конечно, не имѣем в виду давать здѣсь какую-нибудь программу дѣйствій для анархистов на случай войны: их поведеніе будет зависѣть от обстоятельств, от состоянія умов и от массы других условій, предвидѣть которых мы не можем; здѣсь мы разсматриваем вопрос только с точки зрѣнія логики, а логика говорит нам одно: раз войны предпринимаются исключительно в интересах наших эксплуататоров, нам не слѣдует в них участвовать.

Мы уже видѣли, что, каков бы ни был источник власти, тот, кто ей подчинен, всегда остается рабом; вся исторія пролетаріата служит наглядным доказательством того, что «національныя» правительства, нисколько не стѣсняясь, стрѣляют в своих «подданных», если послѣдним вздумается потребовать себѣ нѣкоторой свободы. Не больше этого могут сдѣлать и иностранные эксплуататоры: нашим врагом всегда будет тот, кто нами управляет, к какой бы національности он не принадлежал.

Каким бы предлогом ни прикрывалась война, в основаніи ея всегда лежит буржуазный интерес: ведутся ли споры из-за политическаго преобладанія, торговых договоров или присоединенія колоній, дѣло идет всегда о выгодѣ привиллегированных классов — правителей, купцов или промышленников. И когда наши современные французскіе республиканцы хвалятся тѣм, что их войны ведутся не из-за династическихъ интересов, потому что королевская власть смѣнилась республикой, то они просто морочат нам голову: как будто бы для рабочаго есть какая-нибудь разница в том, что династическіе интересы замѣнились классовыми!

Будем ли мы побѣдителями или побѣжденными, мы все равно будем платить налоги и голодать во время безработицы, а в старости—умирать на улицѣ или в больницѣ. С какой же стати буржуа хотят, чтобы мы интересовались их распрями? что могут онѣ нам дать?

Что же касается боязни ухудшенія положенія и остановки прогресса в случаѣ, если какое-нибудь государство исчезнет, то она доказывает только непониманіе современных международных отношеній и международнаго распространенія идей. Можно раздробить націю, разбить ее на части, отнять от нея ея названіе—и все-таки, если только ее окончательно не истребят, ея внутреннѣй сущности измѣнить будет нельзя, потому что

она зависит от характера, темперамента и природы всѣх вошедших в состав ея рас. Что же касается тѣх — дѣйствительных или вымышленных — вольностей, которыя якобы составляют нашу привиллегію, то в случаѣ объявленія войны, онѣ были бы немедленно ограничены, соціалистическая пропаганда была бы запрещена, правительственная власть перешла бы в руки военных и наше положеніе оказалось бы нисколько не лучшим, чѣм при каком угодно самодержавіи.

Итак, рабочему война не может дать ничего: для нас с ней не связано никаких интересов и нам нечего защищать, кромѣ собственной жизни, а для этого лучше всего не рисковать ею самым нелѣпым образом ради выгоды наших правителей и эксплуататоров. Для буржуазіи, война, конечно, выгодна: она позволяет ей держать постоянное войско для защиты существующих учрежденій против народа; она дает ей возможность сбывать свои продукты и открывать, при помощи пушечных выстрѣлов, новые рынки; и вот она подписывается под необходимыми для войны займами, а затѣм оказывается, что мы, рабочіе, должны за это платиться. Пусть дерутся сами, если хотят: нас это не касается. Да кромѣ того, если бы мы возстали, если бы буржуазным привиллегіям дѣйствительно стала грозить опасность, мы очень быстро увидали бы, как тѣ самые люди, которые взывают к нашему патріотизму, призывают себѣ на помощь войска своих собратьев-эксплуататоров из других стран — нѣмецкія, русскія, какія бы то ни было. Они похожи на Вольтера, котораго считают своим духовным отцом: он не вѣрил в Бога, но считал, что религія нужна для простого народа; они, точно также, воздвигают границы между своими рабами, но не обращают на эти границы никакого вниманія, если рѣчь идет об их собственных интересах.

Для человѣка, достойнаго этого имени, нѣт отечества, или, вѣрнѣе, оно для него там, гдѣ он борется за право, гдѣ он живет и гдѣ у него есть близкіе люди, но это отечество может распространяться на весь земной шар. Человѣчество не дѣлится на маленькія клѣтки, в каждой из которых сидит человѣк, смотрящій на всѣх других как на врагов; для развитой личности всѣ люди — братья и всѣ имѣют одинаковое право свободно жить и развиваться на нашей планетѣ — достаточно обширной и плодородной, чтобы прокормить их всѣх.

Что же касается наших условных національных единиц, то рабочіе не могут получить от них ничего и им нѣчего в них

защищать; по какую бы сторону границы случай не заставил их родиться, это не может быть для них причиной взаимной вражды. Вмѣсто того, чтобы убивать друг друга, как они дѣлают теперь, пусть они лучше протянут друг другу руки — через всевозможныя границы — и начнут соединенными усиліями борьбу против своих настоящих и единственных врагов: ***власти и капитала.***

Глава XII.

Патріотизм правящих классов.

Мы уже видѣли, что «патріотизм» есть ничто иное, как громкое, но пустое слово, предназначенное для того, чтобы заставить рабочих защищать тот самый строй, который их угнетает. Теперь мы посмотрим, дѣйствительно ли «священная любовь» к отечеству, любовь к родной землѣ, которую каждый человѣк носит в своем сердцѣ с самаго рожденія, так глубоко коренится в душѣ разных буржуа, как они говорят, зависит ли у них эта любовь от чисто внутренняго чувства, как у рабочих, или наоборот, основывается на побужденіях исключительно матеріальных, на грубом коммерческом разсчетѣ. Чтобы найти отвѣт на это, обратимся лучше всего к тому, что было написано ими самими, для читателей из их же класса; мы найдем там не мало знаменательнаго.

Если послушать их, когда они обращаются к рабочим, то можно подумать, что на землѣ нѣт ничего священнѣе понятія о родинѣ; каждый гражданин должен приносить в жертву, ради защиты своей страны, и свою жизнь, и свою свободу; отечество — это высшее олицетвореніе общаго блага и, жертвуя собою за него, человѣк, в сущности, жертвует собою ради себя самого и своих близких.

Но стоит только порыться в буржуазных политико-экономических трактах, чтобы увидать, что все это не болѣе, как лживыя, громкія фразы, не болѣе, как показныя чувства, слу-

жащія для одураченія довѣрчивых людей; это—маска, которую, приходя к себѣ домой, буржуа свободно снимают в передней.

Вот, напримѣр, что говорит один из их оффиціально-признанных авторитетов: «. . . Существованіе войны среди цивилизованных народов искусственно поддерживается *интересами господствующих классов*, а также их привиллегированным положеніем, которым они, в свою очередь, обязаны именно этой войнѣ» *).

Как видите, ничего не может быть яснѣе: наши буржуа, так громко возмущающіеся против злодѣев—анархистов, которые осмѣливаются доказывать рабочим, что их интересы противуположны интересам буржуазіи, сами отлично признают эту противуположность, когда они говорят в своей средѣ, когда они занимаются построеніем своей правительственной системы.

А вот другая фраза, еще болѣе характерная:

«....Как при старом режимѣ никогда не было недостатка в предлогах для войны, так нѣт в них недостатка и при новом; в сущности же настоящей причиной войны является *всегда интерес того класса или той партіи, которая находится у власти—интерес, который не нужно смѣшивать с интересом народа или массы потребителей*, потому что управляемой націи в такой же мѣрѣ выгоден мир, в какой правящему классу или правящей партіи выгодно, наоборот, продолженіе войны». (Там же).

Что же касается тѣх выгод, которыя приносит война господствующему классу, то мы находим объясненіе их у того же автора. „Война внѣшняя“, говорит он, „предполагает спокойствіе внутри страны; в это время *управленіе страною дѣлается легким*: оппозиція молчит, из боязни быть обвиненной в соучастіи с внѣшним врагом. А что может быть желательнѣе этого, особенно, когда оппозиція безпокойна и когда ея силы почти уравновѣшивают силы нравительства! Правда, если исход войны неудачен, то это неизбѣжно влечет за собою паденіе той партіи, которая ее предприняла. Но за то, если война удачна — а ее начинают обыкновенно только тогда, когда разсчитывают на успѣх,—то партія, которая ее предприняла и довела до благопріятнаго конца, *получает на нѣкоторое время громаднѣйшій перевѣсъ*. Всего этого совершенно достаточно, чтобы не упустить удобнаго случая для веденія войны, не говоря уже о разных *мелких выгодах*, с нею связанных“. (Там же).

*) G. de Molinari: „Évolution politique et économique du XIX-e siècle“.

Что касается этих «мелких выгод», то вот в чем онѣ заключаются:

«До сих пор простых солдат поставляли, обыкновенно, только *низшіе классы общества*, т. е. *тѣ которые пользуются наименьшимъ вліяніемъ*. Достаточные же классы отдѣлывались денежными пожертвованіями, причем и эти, обыкновенно очень скромныя, пожертвованія с избытком вознаграждались благодаря тому, что вслѣдствіе запрещенія доступа в армію иностранцам и необходимости для офицеров пройти через военныя школы, *члены этих классов получали монополію на всѣ оплачиваемыя должности* военной профессіи. С другой стороны, если для тѣх, кто, по образному народному выраженію, поставляет «пушечное мясо», война дѣйствительно страшна, то для тѣх, кому удается избѣгнуть военной службы, удаленіе лишних рук из земледѣлія и промышленности уменьшает предложеніе труда, повышает заработную плату и, таким образом, смягчает связанные с войною ужасы». (Там же).

Неправда-ли, это очень рѣшительно? Как ясно мы видим здѣсь, что пресловутая «священная любовь» к отечеству есть ничто иное, как любовь к эксплуатаціи и мелким барышам! Но этого мало: мы находим здѣсь рѣшительный отвѣт на возможныя возраженія со стороны тѣх, которые скажут, что существует общественное мнѣніе, с которым правительству приходится считаться, что иногда война может быть справедливой и пользоваться всеобщим одобреніем, что не слѣдует возставать против войны вообще, что в нѣкоторых случаях правительства бывают волею-неволею вынуждены к ней, что, наконец война есть неизбѣжное послѣдствіе нашего общественнаго строя и, сколько бы мы не протестовали против нея, сколько бы не скорбѣли о ея неизбѣжности, нам все таки придется ее терпѣть. Итак, мы продолжаем цитировать дальше:

«. . . . Тѣм не менѣе, какою бы силою не обладали люди, рѣшающіе вопрос о войнѣ или мирѣ, и какова бы не была степень вліятельности того класса, из котораго вербуются генералы—политическіе, административные и военные, им все таки приходится, как мы только что замѣтили, считаться до извѣстной степени с гораздо болѣе многочисленной массой людей, занятых в различных отраслях производства, для которых война является вредной; опыт показывает однако, что сила сопротивленія этого мирнаго элемента далеко не соотвѣтствует его численности. Огромное большинство составляющих его лю-

дей в высшей степени невѣжественно, *и нѣтъ ничего легче, какъ возбудить ихъ страсти и ввести ихъ въ заблужденіе относительно ихъ собственныхъ интересовъ.* Люди просвѣщенные составляютъ среди нихъ ничтожное меньшинство, да и могутъ ли они провести въ жизнь свои взгляды, когда противъ нихъ такая организованная сила, какъ централизованное государство?» (Тамъ же).

Итакъ, наши буржуа нисколько не скрываютъ, что война для нихъ—не больше, какъ средство продолжать безпрепятственно эксплуатировать рабочихъ; массовыя убійства служатъ имъ для устраненія избытка рабочихъ рукъ, наводняющихъ рынокъ, войско—для доставленія выгодныхъ мѣстъ и чиновъ тѣмъ, кто иначе явился бы ихъ конкуррентами, а войны, которыя они торжественно называютъ «національными», услаждая слухъ наивныхъ людей звонкими фразами объ отечествѣ, патріотизмѣ, національной чести и т. д., составляютъ лишь предлогъ для полученія разныхъ «мелкихъ выгодъ».

«Мелкія выгоды»—вотъ цѣль всѣхъ современныхъ войнъ, ведутся ли онѣ во имя патріотическихъ чувствъ, или во имя цивилизаціи! Эта послѣдняя часто служитъ теперь (когда патріотизмъ уже начинаетъ падать) средствомъ натравить рабочихъ на безобидныя племена, которыя хотятъ обратить въ предметъ эксплуатаціи, и вся вина которыхъ заключается лишь въ томъ, что они позднѣе другихъ достигли извѣстной ступени развитія того, что называютъ современной цивилизаціей.

Предлогомъ для такой войны, какъ напримѣръ французская тунисская экспедиція, служитъ наказаніе какой-нибудь разбойничьей шайки и поддержаніе господства своей національности; настоящая же цѣль ея—открыть новое поле для сомнительныхъ финансовыхъ операцій; именно на-то, чтобы предоставить большій просторъ крупнымъ аферистамъ, идутъ всѣ тѣ суммы, которыя взимаются съ рабочихъ въ видѣ налоговъ и тратятся на всевозможныя вооруженія. Ради доставленія этихъ «мелкихъ выгодъ» на счетъ новыхъ странъ открываются, съ помощью пушекъ, новые рынки, куда буржуазія можетъ сбывать свои никуда негодные товары; ради этого губятъ цѣлыя поколѣнія здоровой молодежи, посылая ее умирать отъ ужаснаго климата, или жертвовать своею жизнью въ борьбѣ съ людьми, которые въ сущности говоря, только защищаютъ свой домъ и свое имущество.

Всѣ эти экспедиціи въ Сенегалъ, въ Тонкинъ, въ Конго, на Мадагаскаръ, предпринимаемыя всегда во имя цивилизаціи, которая въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ этого рода раз-

боем, все это—войны ради «мелких выгод». У себя дома, патріотизм—высшая добродѣтель, а там людей, виноватых только в том, что они защищают свою страну и возстают против пришельцев, которые стремятся поработить их и сдѣлать предметом эксплуатаціи, разстрѣливают или обезглавливают, как разбойников.

Мы еще вернемся к этому, когда будем говорить о колонизаціи; теперь же ограничимся вопросом о патріотизмѣ правящих классов. Недавнія событія показали его во всем его безобразіи. Выдача военных тайн, касающихся вооруженія и національной защиты, с соучастіем служащих в военном министерствѣ, самыя наглыя мошенничества, пропажа цѣлых милліардов в ущерб карманам граждан и внѣшней безопасности страны—все это не только не преслѣдовалось, но, наоборот, всячески прикрывалось правительством с цѣлью затушить дѣло *). Крупные заводчики—по большей части депутаты, у которых во главѣ предпріятій стоят отставные офицеры,—оказываются поставщиками оружія, пушек, военных кораблей, пороха и других взрывчатых веществ для иностранных правительств и продают им всевозможныя новыя изобрѣтенія, нисколько не заботясь о том, не послужат ли они против их собственной страны и не будут ли они содѣйствовать убійству тѣх из их соотечественников, которых они, как правители страны, пошлют сражаться. Наши желѣзныя дороги, наши арсеналы, продовольствіе нашей арміи — все это находится в руках международной шайки банкиров, как еврейских, так и христіанских. О буржуа! не говорите нам лучше о своем патріотизмѣ: если бы вы могли превратить вашу страну в акціи и продать их в розницу, вы тотчас бы сдѣлали это!

Как вы поступили в 71 году, во время франко-прусской войны, закончившейся для нас, как извѣстно, контрибуціей в пять милліардов? Кому как не одной буржуазіи выгодно было уплатить эту контрибуцію, чтобы продолжать безраздѣльно заниматься эксплуатаціей страны? А между тѣм, кто поплатился за это? Рабочіе, потому что для покрытія контрибуціи был сдѣлан заем, гарантированный новыми налогами, а эти налоги платят в сущности одни рабочіе, так как только они работают и

*) Это было написано въ началѣ 90-хъ годовъ и авторъ имѣетъ здѣсь въ виду дѣло о мелинитѣ, но съ тѣхъ поръ дѣло Дрейфуса еще гораздо ярче показало нравственный уровень оффиціальныхъ защитниковъ страны.

Прим. пер.

только их трудом создается богатство. Ловкость, с которою этот фокус был продѣлан, положительно достойна удивленія: буржуазіи нужно заплатить контрибуцію, чтобы устранить от господства пруссаков и получать всѣ налоги самой; для этого она вынуждена сдѣлать заем, но так как у обнищавших рабочих денег нѣт, то подписаться на заем может только буржуазія, которая таким образом сама дает себѣ взаймы нужную сумму. Но для уплаты этого займа—капитала и процентов — должны будут втеченіе цѣлых девяносто-девяти лѣт изнуряться на работѣ именно рабочіе, которые не получили из него ни одного гроша. Вот он буржуазный патріотизм во всем его великолѣпіи! И кто послѣ этого еще осмѣлится утверждать, что добродѣтель не всегда торжествует!

Глава XIII.

Милитаризм.

Говоря о патріотизмѣ, нам нельзя не затронуть и страшной язвы современной военщины. Военное сословіе образовалось, как мы уже видѣли, очень рано, и очень рано утвердило свое господство над остальными членами класса или племени, в средѣ котораго установилось таким образом первое раздѣленіе на военных и не-военных: раньше всѣ без различія шли воевать, когда в этом представлялась надобность. Нѣсколько позже внутри самого военнаго сословія произошло второе раздѣленіе—на командующих войском и простых солдат.

Мы не знаем, насколько правильно проходило человѣчество различныя стадіи своей эволюціи, т. е. переходило ли оно постепенно от охотничьяго быта к пастушескому, а затѣм к земледѣльческому. Оно несомнѣнно начало с охоты, рыбной ловли и сбора диких растеній и плодов, но проходило ли оно затѣм двѣ послѣдующія стадіи с такою же послѣдовательностью, с какою ученик переходит из класса в класс,—это далеко недостовѣрно. Мы склонны скорѣе думать, что эти три способа добывать себѣ пропитаніе соединялись так или иначе, смотря по условіям данной мѣстности, и что какое-нибудь охотничье племя, напримѣр, вполнѣ могло продолжать жить главным образом охотой, не смотря на то, что ему был уже извѣстен способ воздѣлыванія какого-нибудь полезнаго растенія, и лишь впослѣдствіи перейти к скотоводству.

Как бы то ни было, но достовѣрно одно: военное сословіе при

всѣх условіях сумѣло сохранить за собою преобладаніе. Даже тогда, когда ему приходилось дѣлить власть с другими, оно всегда оставляло за собою главную роль и при всѣх, сильнѣйших друг друга правительствах, становилось их существеннѣйшей опорой.

Пока это сословіе оставалось замкнутой кастой, вербовавшей своих членов из своей собственной среды и ведшей войны на свой страх и риск, населеніе, хотя и страдало от его хищничества (так как военные не стѣснялись отбирать у крестьянина все, что вздумается), но раз эта дань была уплочена и раз только по сосѣдству не было никакого войска и никакого укрѣпленнаго замка, крестьянин мог быть сравнительно спокоенъ; во всяком случаѣ, он не должен был отдавать лучшіе годы своей жизни на усиленіе армій своих же собственных эксплуататоров.

Впослѣдствіи владѣльцы земель начали вооружать, в случаѣ крайности, живущих на их землях крестьян; еще позднѣе вошла в обычай вербовка солдат для королевскаго войска с помощью различных уловок и заманчивых обѣщаній; наконец, буржуазія окончательно взвалила заботу о своей защитѣ на плечи своих рабов: она заставила рабочих отдавать на охрану государствующаго класса извѣстную часть своей молодости и таким образом вполнѣ усовершенствовала военную систему. Но так как дать рабочим в руки оружіе и сказать им просто «защищайте меня, а я в это время буду наслаждаться жизнью» было слишком опасно, то буржуазія создала в подспорье себѣ культ патріотизма.

И вот, благодаря этой лжи, ей удалось заставить рабочих втеченіи долгаго времени безропотно платить «налог крови»; благодаря этому софизму она могла систематически отнимать у цѣлаго ряда поколѣній самую здоровую, самую цвѣтущую молодежь и посылать ее на физическую и нравственную гибель в тюрьмы, носящія названіе казарм; и никто не думал сопротивляться: никто не спросил, по какому же праву требуют от людей, чтобы они на цѣлые семь, пять или три года своей жизни превращались в автоматов, в безсознательныя орудія убійства, в пушечное мясо.

Впрочем, нѣт: отдѣльные протесты были всегда, дезертирство и уклоненіе от воинской повинности — явленія, вѣроятно такія же старыя, как и сами постоянныя арміи. Но они не основывались ни на каком разумном убѣжденіи; совершавшіе их люди не руководились сознаніем права своей личности, а дѣйствовали скорѣе под вліяніем чувства отвращенія к воен-

ной службѣ — чувства, которое они вовсе не трудились разбирать. Мало того: даже тѣ голоса, которые раздавались против войны и милитаризма в литературѣ, обусловливались исключительно непосредственным чувством, а не основывались, или основывались лишь в очень незначительной мѣрѣ на логических выводах, на соображеніях о человѣческой природѣ и правах личности.

Буржуазія и ея литературные панегиристы пѣли такія громкія хвалы во славу патріотизма и войска, употребляли на восхваленіе их столько лжи и софизмов, что в концѣ концов люди окончательно перестали сомнѣваться в дѣйствительности существованія прославляемых добродѣтелей: войско стало безусловно считаться олицетвореніем всевозможных прекрасных качеств, вмѣстилищем всѣх гражданских доблестей. Не было такого романа, гдѣ не фигурировал бы старый служака—образец неподкупной честности, беззавѣтно преданный своему генералу, у котораго он служил когда-то деньщиком, сопровождая его во всѣх перипетіях его жизни; он охраняет его от козней невидимых врагов и наконец жертвует жизнью ради спасенія своего господина; иногда, для разнообразія, он спасает ребенка-сироту, втайнѣ воспитывает из него героя и, наконец, указывает ему средства возвратить себѣ былое состояніе, отнятое врагами его семьи.

Чего только не говорили поэты для восхваленія доблестей, свойственных военному сословію: военная честь, вѣрность, самоотверженіе, честность—являлись еще самыми малыми из их добродѣтелей. И только когда буржуазія сдѣлала такой промах, что заставила всѣх граждан проводить болѣе или менѣе долгое время на военной службѣ — только тогда стали замѣчать, что под блестящей мишурой, которой облекали своего идола писатели и поэты, не скрывается ничего, кромѣ нравственной порчи. Допущеніе одногодней службы для добровольцев и періодическое отбываніе воинской повинности втеченіи двадцати восьми дней, сильнѣе подорвали милитаризм, чѣм все, что говорилось против него до того времени.

Пока только один рабочій народ отдавал свою молодость наотупляющую жизнь в казармѣ, пока в публикѣ знали только внѣшнюю, декоративную сторону военнаго дѣла — блеск, бой барабанов, красивые мундиры, развѣвающіяся знамена, бряцаніе оружія — одним словом, все то внѣшнее великолѣпіе, которым оно облекается, когда показывается народу,—до тѣх пор лите-

ратура содѣйствовала его возвеличенію, вносила и свою лепту лжи в прославленіе этого безобразнаго явленія.

Но когда писатели познакомились с ним ближе, когда им пришлось испытать на себѣ дѣйствіе отупляющей дисциплины и грубое обращеніе начальства, преклоненіе перед арміей исчезло: они начали срывать с нея ея покровы, начали оспаривать тѣ добродѣтели, которыми украсили ее их предшественники, и солдат (все равно—простой солдат, или офицер) явился перед публикой в его настоящем видѣ—в видѣ грубаго, пьянаго животнаго, безсознательнаго орудія в чужих руках.

И дѣйствительно, нужно самому побывать в этом аду, чтобы понять, сколько должен выстрадать в нем чувствующій человѣк; нужно самому поносить мундир, чтобы увидать, сколько низости и глупости под ним кроется.

Раз только вы сдѣлались солдатом, вы уже не человѣк, а автомат, обязанный безпрекословно повиноваться тому, кто над вами командует. У вас в руках ружье — и, несмотря на это, вы должны терпѣливо сносить всѣ грубости офицера, который вымещает на вас свое дурное расположеніе духа или свой винный угар. За какое нибудь слово, за какой нибудь жест вы можете поплатиться всею жизнью или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькими годами своей свободы. Каждую субботу вам предусмотрительно читают военное уложеніе о наказаніях, гдѣ слова «смертная казнь» повторяются на каждом шагу; эти слова будут всплывать в вашем умѣ всякій раз, когда у вас в душѣ закипит негодованіе.

Но что больше всего способно вывести человѣка из терпѣнія, это всевозможныя мелочи и придирки. Если кто-нибудь из вашего начальства имѣет что нибудь против вас, или если он просто грубый и тупой человѣк, то он двадцать раз в день найдет случай придраться к вам, ради одного удовольствія сдѣлать вам непріятность: при перекличкѣ, за какой-нибудь плохо вычищенный ремень, за какую нибудь пуговицу, которая меньше блестит, чѣм остальныя, за какія нибудь подтяжки, которыя вы забыли надѣть, вас будут осыпать бранью, посадят под арест, начнут подвергать безконечным осмотрам, изслѣдовать весь ваш костюм, до нижняго бѣлья. То же самое и в казармѣ: постель не совсѣм хорошо постелена — ругань: «чтобы кровати были как билліарды!» кричат вам постоянно—и эту ужасную фразу хорошо помнят всѣ, кому пришлось пройти через казарму; одежда плохо уложена на полкѣ—опять ругань; самое же глав-

ное искусство заключается в том, чтобы солдат умѣл вычистить подошвы запасной пары сапог, висящей у него под кроватью так, чтобы не запачкать ваксой шляпки вбитых в подошву гвоздей.

А безконечные осмотры! По субботам—осмотр оружія, причем вы опять слышите тѣ же замѣчанія и ту же ругань—«подлец», «свинья», и другія столь же любезныя выраженія. Затѣм, в видѣ разнообразія, капитан приходит осматривать у вас руки и ноги, чтобы убѣдиться в их чистотѣ. Наконец, раз в мѣсяц вы должны терпѣть нѣчто еще худшее—так называемый санитарный осмотр, гдѣ полковой живодер осматривает самые сокровенныя части вашего тѣла. До вашей чувствительности, до вашей щепетильности никому нѣт дѣла: все это тотчас же растаптывается грубым сапогом тѣх, кто поставлен командовать над вами.

«Армія—школа равенства», говорят нам подкупные слуги буржуазіи; но это — равенство в порабощеніи, и не к такому равенству мы стремимся. Но вернемся к безконечным смотрам: каждые три мѣсяца—или каждые полгода, не помню в точности—вам производит смотр какой-нибудь высшій офицер, а раз в год—дивизіонный генерал. За двѣ недѣли до этого послѣдняго событія в казармѣ все перевертывается вверх дном—чистят всѣ помѣщенія, моют кухни. В видѣ развлеченія, вы имѣете опять таки смотры: сегодня является унтер-офицер, завтра—офицер, командующій полувзводом, послѣ-завтра—капитан, затѣм полковой командир, и так до безконечности. И каждый раз вы должны раскладывать на кровати весь свой багаж: прежде всего осторожно разстилается носовой платок, который тщательно прибереган для этого случая; на него кладутся щетки, смѣна обуви, кальсоны (которые тоже являются на сцену только в этот день) рубашка, свернутая извѣстным образом и опредѣленной длины, ночной колпак, коробка с салом, пузырек с жидкостью для чистки мѣди, игольник, нитки и ножницы. Для того, чтобы солдаты раскладывали все это в надлежащем порядкѣ, на стѣнѣ висят указанія, с которыми приходится постоянно справляться, чтобы знать, куда положить пузырек с жидкостью для чистки, или еще какой-нибудь, столь же важный, предмет. Каждая вещь должна быть на своем мѣстѣ; иначе, если офицер замѣтит какую-нибудь неправильность, на вас посыпится град ругательств. Вѣдь за подобную небрежность мало смертной казни! Представьте себѣ только, какой ужас был бы, если бы пузырек оказался

на мѣстѣ коробки с салом! Вѣдь узнай это генерал — Франція окончательно погибла бы! Мы уже говорили, в чем заключается главное искусство; но здѣсь оно достигает своей высшей точки: вас заставляют чистить ваксой ножки кровати*).

В этих смотрах, производимых генералом, обнаруживается все раболѣпство не только низших, но и высших офицеров. Как только доходит вѣсть о приближеніи генерала, вы видите, как всѣ эти офицеры, такіе высокомѣрные, когда им приходится говорить с солдатом, вытягиваются в струнку и смиренно слѣдуют за генералом, а генерал—если только он не совсѣм дряхл—выступает впереди, гордо выпрямившись. И с какой яростью устремляются всѣ глаза на несчастнаго солдата, который как-нибудь даст повод к замѣчанію со стороны высшаго начальства! Какой ужас! всѣ офицеры внѣ себя: солдату не хватает иголки или же он забыл, что вчера кончились тѣ двѣ недѣли, втеченіи которых мундир нужно застегивать слѣва направо и что теперь он должен быть застегнут справа налѣво! Полковой командир от ярости не может произнести ни слова, подполковник готов лопнуть от злости, капитан зеленѣет от страха; один только унтер ничего не говорит, потому что знает, что ему достанется от всѣх. Его положеніе—ясно; правда, он может утѣшаться тѣм, что выместит все на виновном.

Когда не предвидится никаких смотров, вы имѣете другого рода развлеченіе: в четыре часа, обыкновенно по субботам, солдат сзывают на работу, которая состоит в том, чтобы ходить по казарменному двору и собирать в кучу разбросанные там камни. Послѣ часа этого пріятнаго времяпрепровожденія, вы вновь возвращаетесь в казарму, а сложенныя вами кучки камней втеченіи всей недѣли разбрасываются проходящими по двору, так что в слѣдующую субботу вы начинаете работу сызнова. Военная жизнь изобилует такими остроумными развлеченіями.

Иногда вечером, послѣ столь полезно проведеннаго дня, вам захочется, может быть, побесѣдовать со своими товарищами по заключенію; но вы скоро увидите, что их разговоры далеко не способны поддержать бодрость человѣка или внушить ему высо-

---

*) Вообще, вакса играет в полковой жизни большую роль. Мнѣ вспоминается один ротный командир морской пѣхоты, который однажды объявил солдатам, что у не о остались свободныя суммы, и что, поэтому, количество провизіи, отпускаемой на каждаго солдата будет увеличено, так что они на другой же день могут получать сверхштатное количество.... ваксы и воска!

кія мысли. Вот вы замѣчаете нѣсколько человѣк, которые смѣются до упаду; вы подходите, ожидая услышать что-нибудь остроумное, и что же? Какой-то болван разсказывает неприличную исторію, глупую и банальную. Вы с отвращеніем отворачиваетесь, и попадаете в другую группу, гдѣ, захлебываясь от удовольствія, вспоминают прошлыя попойки или мечтают о будущих, которыя они себѣ устроят, если удастся обманом вытянуть денег у родственников. Вы не найдете ничего, кромѣ пьянства и грязнаго разврата; напрасно-бы вы стали говорить о чем нибудь другом! вас никто не поймет. Других удовольствій для них не существует. Не удивительно послѣ этого, что среди людей, проведших три года в этой обстановкѣ, оказывается столько кандидатов на должность полицейских и жандармов. Войско есть ничто иное, как школа деморализаціи, из которой могут выходить только сыщики, тунеядцы и пьяницы. Лишь очень немногим удается устоять против отупляющаго вліянія этих трех лѣт, да и у тѣх еще долго остаются слѣды этого вліянія.

Как страшно разбивает человѣка эта грубая, отвратительная дисциплина! Как она притупляет мозг, портит характер, убивает энергію! Вы отдаете этой ужасной машинѣ молодого человѣка с душею, открытою для всего справедливаго и прекраснаго, с энергіей, которая бы еще выработалась в ежедневной жизненной борьбѣ, с умом, который расширился бы в будущем, и под вліяніем уже пріобрѣтенных знаній, и под вліяніем потребности учиться дальше; но дисциплина точно одѣвает на него чугунную шапку, которая с каждым днем все сильнѣе и сильнѣе сдавливает его мозг; даже біеніе его сердца замедляется. И когда, послѣ трех лѣт, эта іерархическая машина отдаст вам его—если только отдаст—то перед вами будет лишь безформенное подобіе человѣческаго существа.

Безчувственные буржуа! Мы уже видѣли, что защита страны, к которой вы нас готовите, есть ничто иное, как организація ваших привиллегій; военная служба, которую вы возводите во всеобщую обязанность, точно также существует только ради вашей защиты, а между тѣм вы возлагаете всю тяжесть ея на тѣх, против кого эта сила направлена и кто, таким образом, кромѣ всего остального, дает возможность тѣм из ваших, которые не способны ни на какое другое, болѣе осмысленное, занятіе, получать в изобиліи чины, почести и крупныя жалованія. Эти же чины и деньги служат приманкой для честолюбія тѣх

людей, которые измѣняют своему собственному классу, чтобы сдѣлаться тюремщиками на службѣ у буржуазіи.

Что нам за дѣло до вашего патріотизма, до ваших границ, до вашего искусственнаго раздѣленія народов! Ваше отечество нас эксплуатирует, ваши границы нас давят, ваши національности нам чужды. Мы—люди, граждане всего міра; всѣ люди для нас—братья, и наши единственные враги, это тѣ, кто нас эксплуатирует, кто мѣшает нам свободно развиваться и прилагать наши силы. Мы не хотим больше быть игрушкой в ваших руках, не хотим больше служить защитниками ваших привиллегій, не хотим носить постыдную лакейскую ливрею на вашей военной службѣ, не хотим подчиняться отупляющему гнету вашей дисциплины. Довольно ужь мы гнули перед вами шею, мы хотим, наконец, быть свободными!

А вы—бѣдняки, которым еще предстоит отбываніе воинской повинности, неужели, читая в газетах о несправедливостях, совершаемых во имя дисциплины, слушая разсказы о притѣсненіях, жертвою которых становятся тѣ, кто имѣл глупость позволить взять себя в солдаты,—неужели вы не задумаетесь над тѣм, что ждет вас в казармѣ? Если вы до сих пор видѣли жизнь солдата лишь сквозь дым фиміама, который курят военщинѣ буржуазные поэты и писатели, неужели вы не поймете, наконец, всю ложь, которая заключается в этом воспѣваніи на всѣ лады военных добродѣтелей, солдатской чести, военнаго достоинства!.. Идите, несчастные бѣдняки, губить ради магическаго слова «патріотизм» или же из страха военнаго суда, лучшіе годы своей молодости в той школѣ испорченности, которую называют казармой,—идите, но знайте, какая участь вас ждет.

Если вы хотите благополучно окончить срок вашей военной службы, оставьте дома, вмѣстѣ с штатским платьем, всякое чувство собственнаго достоинства; скройте в самой глубинѣ вашего сердца всякое стремленіе к независимости: *военныя добродѣтели, военная честь* требуют, чтобы вы были не больше, как машиной для убійства, как безсознательным автоматом, а если вы все таки нечаянно сохраните гдѣ-нибудь в глубинѣ души, под лакейской ливреей, в которую вас одѣнут, хоть малѣйшій признак гордости, это легко может оказаться для вас гибельным.

Если какому-нибудь грубому пьяницѣ вздумается вас оскорбить и если при этом на его мундирѣ нашиты погоны—постарайтесь тщательно скрыть движеніе мускулов вашего лица,

когда они, помимо вашей воли передергиваются от чувства обиды; если вы подняли руку, чтобы опустить ее на лицо вашего оскорбителя, приложите ее скорѣе военным жестом к козырьку вашей фуражки. Если вы открыли рот, чтобы отвѣтить на угрозу или оскорбленіе, скажите, вмѣсто этого, только: «Слушаю, ваше благородіе». Или, нѣт, лучше не говорите ничего: малѣйшій жест, малѣйшее слово, малѣйшій признак волненія могут быть истолкованы как выраженіе иронiи и навлечь на вас кару за недостаток почтенія к начальству. Каково бы ни было оскорбленіе,—вы должны совладать с своим гнѣвом, должны оставаться нечувствительным, спокойным, невозмутимым. Руки по швам, каблук к каблуку! Отлично! Вы терпѣливо, глазом не моргнув, сносите оскорбленія? Прекрасно, вы — хорошій солдат! Это именно то, что требуется от защитников отечества.

«Но», скажете вы, «если я не могу оставаться невозмутимым, если, помимо моей воли, кровь приливает мнѣ к мозгу и все начинает во мнѣ кипѣть?» Тогда есть только одно средство: не идти в эту каторгу, из которой вы выйдете испорченным, забитым, уничтоженным. Если вы хотите остаться человѣком, не идите в солдаты, если вы не умѣете сносить оскорбленія, не надѣвайте мундира. Если же вы уже сдѣлали эту оплошность и если когда-нибудь вы окажетесь в таком положеніи, что не сможете сдержать своего негодованія.... то не оскорбляйте и не бейте своего начальника: лучше убейте его прямо! Вы одинаково поплатитесь за это!

Глава XIV.

Колонизація.

Колонизація — этот ублюдок патріотизма и торгашескаго духа, этот вооруженный разбой правящих классов, — получила в наше время такое развитіе, что нам неизбѣжно приходится посвятить ей отдѣльную главу.

Если какой-нибудь частный человѣк заберется в квартиру сосѣда, разобьет все, что попадется ему под руку и возьмет все, что захочется взять, его назовут преступником и «общество» его осудит. Но если какое-нибудь правительство станет в такое положеніе, что для его внутренней политики необходимо найти внѣшнее отвлеченіе, если у него в странѣ слишком много незанятых рабочих рук, от которых оно не знает как избавиться, и товаров, которые оно не знает куда сбыть, то оно может безнаказанно начать войну с какими-нибудь далекими племенами, слишком слабыми, чтобы ему сопротивляться; оно может завладѣть их страной, эксплуатировать их, навязывать им свои товары, а в случаѣ, если они попытаются стряхнуть с себя гнет этой эксплуатаціи — может безжалостно истребить их. Все это будет считаться вполнѣ нравственным. Раз только эта операція производится в крупных размѣрах, всѣ честные люди должны вполнѣ ее одобрять; это уже не будет ни грабежем, ни убійством, потому что для прикрытія безчестных поступков, когда их совершает все общество в цѣлом, существует вполнѣ приличное названіе: это называется «цивилизовать» отсталыя человѣческія племена!

Мы нисколько не преувеличиваем. Какой-нибудь народ считается способным к колонизаціи тогда, когда ему удалось выжать из данной страны все то количество продуктов, которое

она может дать; так Англія — страна колонизаторская, потому что она умѣет выжать из колоній все, что нужно для обезпеченія благосостоянія отправляющихся туда англичан и, кромѣ того, умѣет обогащать казну собираемыми с этих колоній налогами. В Индіи, напримѣр, англичане наживают громадныя состоянія; правда, страна опустошается от времени до времени страшным голодом, уносящим сотни тысяч людей. но какое англичанину дѣло до этих подробностей, раз он может сбывать свои товары и получать такіе доходы, которых Великобританія ему дать не в состояніи? Это называется благами цивилизаціи.

Иначе обстоит дѣло во Франціи: французы—плохіе колонизаторы. Не думайте, однако, что они меньше грабят и эксплуатируют мѣстное населеніе, нисколько: они просто не так *практичны*. Вмѣсто того, чтобы изучать жизнь завоеванных народов, они отдают их в распоряженіе военной власти и сразу заставляют подчиниться строю, господствующему в метрополіи. Если же населеніе не может приспособиться к этому, тѣм хуже для него: что за бѣда, если даже оно и будет понемногу вымирать под давленіем непривычных для него учрежденій? А если оно будет сопротивляться, на него устроят охоту, как на диких звѣрей; грабежи станут тогда не только дозволенным, но и выгодным дѣлом, и получат названіе *набѣговъ*.

На беззащитное населеніе натравляют солдат, в которых тщательно развивают звѣрскіе инстинкты и которые поэтому позволяют себѣ продѣлывать все, на что только способен разъяренный звѣрь: насилуют женщин, убивают дѣтей, жгут цѣлыя деревни, разгоняют жителей, которые, чтобы спастись, убѣгают куда-нибудь в пустыню и там неизбѣжно мрут от голода. И все это считается вполнѣ естественным и дозволительным: это цивилизованный народ насаждает таким образом культуру у дикарей!

Но если мы внимательно присмотримся к тому, что происходит вокруг нас, то это нисколько не покажется нам ни удивительным, ни ненормальным: при существующем общественном строѣ, подобные «подвиги» непремѣнно должны пользоваться полным одобреніем и поощреніем буржуазнаго міра. Для буржуазіи это разбойничество очень выгодно: оно служит ей предлогом для содержанія постоянных армій и вмѣстѣ с тѣм дает офицерам возможность упражняться в убійствѣ и набивать себѣ руку для будущей болѣе серьезной «работы»; сама же эта армія является пристанищем для цѣлой массы глупых и никуда

негодных людей, которых бы иначе буржуазія не знала куда дѣвать и которые теперь становятся, за нѣсколько аршин погонов, самыми ярыми ея защитниками. Вмѣстѣ с тѣм, завоеванія создают очень благопріятныя условія для всевозможных сомнительных финансовых операцій, имѣющих цѣлью воспользоваться сбереженіями разных довѣрчивых людей, только и ищущих что подобнаго рода предпріятій; они дают возможность захватить земли побѣжденных, а кстати, благодаря тѣм массовым убійствам, которыя с ними сопряжены, избавляют буржуазію от мѣшающаго ей дома излишка рабочих. Мало того: завоеванной странѣ «нужна» администрація, а это дает мѣста цѣлой арміи карьеристов и паразитов бюджета, которая иначе могла бы оказаться стѣснительной. И при всем том, буржуазія получает в свое распоряженіе цѣлыя племена, которыя она может эксплуатировать, принуждать работать на себя, заставлять пріобрѣтать свои продукты, даже истреблять, не отдавая в этом никому отчета. Понятно, что, в виду таких выгод, колебаться не приходится; французская буржуазія отлично поняла это и с увлеченіем кинулась в колоніальныя предпріятія.

Но что, в самом дѣлѣ, удивительно и возмутительно, так это то, что находятся еще рабочіе, которые одобряют подобныя преступленія и без всяких угрызеній совѣсти содѣйствуют им, совершенно не понимая, какая явная несправедливость заключается в том, чтобы истреблять цѣлое населеніе в его собственной странѣ ради подчиненія его чуждому ему строю жизни. Мы заранѣе знаем все то, что нам отвѣтят, что отвѣчают обыкновенно, если кто-нибудь начнет возмущаться каким-нибудь особенно бьющим в глаза фактом: «Они возмутились, стали убивать наших—не можем же мы этого стерпѣть. . . . Это — дикари, их нужно цивилизовать. . . . Этого требуют интересы торговли. . . Может быть, мы и дѣйствительно напрасно затѣяли это дѣло, но колоніи теперь уже стоили нам так много и людей и денег, что мы не можем отказаться от них, и т. д., и т. д.»

«Они возмутились, стали убивать наших»—ну так что же? Зачѣм было идти к ним? Почему не оставили их в покоѣ? Развѣ они нас просили о чем нибудь? Им хотят навязать законы, которые им не нравятся—они возмущаются и отлично дѣлают, а если при этом в борьбѣ погибают люди, то что же дѣлать? им не слѣдовало содѣйствовать подобным предпріятіям.

«Это — дикари, их нужно цивилизовать»; но просмотрите исторію всѣх завоеваній и скажите, кто оказывался всегда

большим дикарем: тот ли, кого так называют, или «цивилизованный» человѣк? Кого слѣдовало бы больше цивилизовать: завоевателей, или безобидных туземцев, которые, по большей части, встрѣчали новых пришельцев с распростертыми объятіями и которых, в награду за это, мучили и истребляли? Просмотрите исторію завоеванія Америки испанцами, Индіи — англичанами, Африки, Кохинхины и Тонкина—французами, и вы увидите, стоит ли прославлять такую цивилизацію. А в исторіи разсказываются только крупные факты, оставившіе в ней слѣды по своей важности; что-же было бы, если бы перед вами нарисовали картину всѣх мелочей, проходящих незамѣтными, всѣх гнусных подробностей, которыя, вообще, тонут в массѣ болѣе важных событій? Вы тогда, навѣрное, отвернулись бы с отвращеніем.

Мнѣ пришлось нѣкоторое время прослужить в морской пѣхотѣ и я много раз слышал различные разсказы, из которых ясно видно, что, являясь в завоеванную страну, солдат считает себя полным хозяином ея. Мѣстное населеніе для него не болѣе, как вьючный скот, которым он может управлять, как хочет, у котораго может отнимать все, что ему вздумается; горе тому туземцу, который попробует сопротивляться: он быстро узнает, что здѣсь нѣт другого закона, кромѣ грубой силы; учрежденія, которыя служат для защиты собственности в Европѣ, не дѣйствуют под иным градусом широты. Солдата поощряют в этом и офицеры, сами подающіе ему примѣр, и администрація, дѣлающая из него надсмотрщика за туземцами, которых она заставляет работать. Вам разсказывают о самых возмутительных поступках, как о совершенно естественных, и если вы скажете— по поводу, напримѣр, того, что туземцы возстали и начали убивать своих притѣснителей—что они вполнѣ правы, то вас встрѣтят возгласами удивленія: «Как! вѣдь мы—хозяева в странѣ, должны же они нам повиноваться! Вѣдь если их оставить так, они всѣ взбунтуются и прогонят нас, и послѣ всѣх принесенных жертв — и людей, и денег — Франція потеряет страну и останется без колоній!»

Вот до чего доводит умы рабочих дѣйствіе отупляющей военной дисциплины: они сами терпят от той же несправедливости, от того же гнета, который с их помощью ложится на других, и тѣм не менѣе не понимают всей возмутительности своей роли; они становятся безсознательными орудіями угнетенія, и не только

не отдают себѣ отчета в низости и глупости своего положенія, но даже гордятся им.

Что же касается интересов торговли, то здѣсь именно корень всего остального: господа капиталисты не знают, куда сбыть свои товары, и не могут придумать, ничего лучшаго, как только объявить войну каким-нибудь несчастным народам, не могущим защищаться, и навязать им затѣм свои продукты. Правда, легко было бы сговориться с ними и устроить мѣновую торговлю; для этого даже не требуется особенно хорошо знать цѣнность предметов: эти народы цѣнят, главным образом, то, что кажется им красивым, так что их не трудно обмануть и получить большіе барыши. Развѣ не так именно и поступали европейцы, прежде чѣм им удалось проникнуть вглубь африканскаго материка, в то время, когда они устанавливали сношенія с племенами, жившими дальше вглубь страны, через посредство прибережных племен? Уже тогда из Африки получались всѣ тѣ продукты, которые она дает теперь.

Все это, конечно, возможно и все это так и было, но дѣло в том, что для этого нужно время, нужно терпѣніе, а кромѣ того при такой системѣ нельзя вести торговлю в особенно крупных размѣрах и приходится считаться с конкурренціей. «Торговля требует поддержки!» говорят нам, и мы знаем, что это значит: тотчас же посылают два или три броненосца, дюжину канонерских лодок, корпус солдат, и—преклоняйтесь господа!—цивилизація начинает дѣлать свое дѣло. Мы находим крѣпкое и здоровое населеніе, а через сорок-пятьдесят лѣт оно является в видѣ истощеннаго, забитаго, несчастнаго, наполовину истребленнаго, развращеннаго человѣческаго стада, которому остается лишь очень недолго просуществовать на землѣ; цивилизаторская миссія может тогда считаться исполненной.

Если кто-нибудь усумнится в справедливости сказаннаго, пусть возьмет любое описаніе стран, покоренных европейцами: он увидит, что повсюду мѣстное населеніе убывает и исчезает, повсюду алкоголизм, сифилис и другія европейскія изобрѣтенія быстро косят туземцев, а остающихся в живых ослабляют и истощают. Да и может ли быть иначе? При тѣх средствах, к которым прибѣгают европейцы, конечно, нѣт. Эти племена жили совершенно иной жизнью, чѣм мы, с иными наклонностями, с иными потребностями; вмѣсто того, чтобы изучить эти наклонности и потребности, вмѣсто того, чтобы пріобщать их к нашей цивилизаціи незамѣтно и постепенно, предоставляя им брать из

нея только то, что они могут усвоить, их хотѣли подчинить вдруг, сломить сразу,—и они не только оказались неспособными к этому, но самый опыт оказался для них гибельным. А как прекрасна могла бы быть роль так называемаго цивилизованнаго человѣка, если бы только он сумѣл ее понять и если бы его собственную жизнь не разъѣдали язвы правительственной власти и торгашества—язвы, от которых он должен избавиться сам, прежде чѣм начать цивилизовать других.

Отсталыя племена могли бы воспринимать цивилизацію мирным путем, могли бы даже внести в нее новые оживляющіе элементы. Нам может быть возразят, что дикари лживы и жестоки, но стоит только прочитать разсказы тѣх дѣйствительно смѣлых людей, которые отправились, ради одной только любви к наукѣ и жажды знанія, в среду совершенно неизвѣстных им племен — и мы увидим, правда ли это. Эти люди сумѣли пріобрѣсти в них друзей, могли путешествовать среди них совершенно безопасно; лживость и жестокость явились уже под вліяніем тѣх якобы-путешественников, которые в дѣйствительности ищут только выгодных торговых или политических операцій; именно они вызвали вражду к бѣлым со стороны туземцев, потому что постоянно обманывали их в торговлѣ, не исполняли своих обѣщаній, а иногда и просто истребляли их, если только это можно было сдѣлать безнаказанно.

Пусть ужь лучше торгаши-филантропы и солдаты-цивилизаторы оставят при себѣ свои тирады о благах цивилизаціи. То, что они прикрывают названіем колонизаціи, очень точно опредѣляется в их же сводѣ законов, если только этого рода поступок совершает кучка неизвѣстных личностей, как «вооруженный разбой». Цивилизація же не имѣет ничего общаго с разбоем на большой дорогѣ.

Правящему классу нужны новые народы, новые рынки, которые можно было бы эксплуатировать, и вот для этого-то он и посылает разных Солелье, Брацца, Крэмпелей, Тривье и др. на поиски за новыми землями, для устройства там торговых агентств и для безграничнаго хищничества. Прежде всего начинается эксплуатація торговая, которая, по мѣрѣ расширенія поля европейскаго протектората, распространяется и на всѣ другія области; буржуазіи нужны главным образом огромныя пространства, которыя она могла бы постепенно захватывать, истребив так или иначе их населеніе, и в которых нашлось бы достаточно мѣста для стѣсняющаго ее избытка европейскаго населенія.

И вы считаете себя цивилизаторами! Что вы сдѣлали с тѣми племенами, которыя населяли Америку и которыя теперь с каждым днем исчезают, потому что вы измѣнническим образом нарушаете данное слово и мало-по-малу отнимаете у них тѣ охотничьи территоріи, которыя вам раньше пришлось признать их собственностью? Что вы сдѣлали с населеніем Полинезіи, которое, по словам всѣх путешественников, было прежде крѣпким и здоровым, а теперь под вашим владычеством, постепенно вымирает?

Вы считаете себя цивилизаторами! Но ваша цивилизація такова, что если бы борющіеся с вами рабочіе оказались побѣжденными, вы скоро выродились бы от лѣни и бездѣятельности, подобно тому как выродились греческая и римская цивилизаціи, когда достигли высшей точки развитія роскоши и эксплуатаціи; онѣ потеряли тогда всякую способность к борьбѣ и вообще к чему бы то ни было, кромѣ наслажденій, и исчезли гораздо больше благодаря своей собственной внутренней слабости, чѣм благодаря побѣдѣ варваров. Варвары находились тогда сами в полном разцвѣтѣ сил и им уже нетрудно было разрушить эти гнилыя цивилизаціи.

Вы рѣшили истребить тѣ расы, которыя вы считаете низшими, но которыя, как мы покажем дальше, представляют собою просто расы отсталыя; вы стремитесь уничтожить и рабочій класс, который тоже считаете низшим. С каждым днем вы все больше и больше стараетесь устранить рабочаго и замѣнить его машиной. Если бы вы восторжествовали, развитію человѣчества пришел бы конец, потому что вы мало-по-малу потеряли бы всѣ способности, выработанныя в вас борьбою, и спустились бы на ступень самых отдаленных наших предков; у человѣчества тогда скоро не стало бы другого общественнаго идеала, кромѣ ряда желудков, командующих арміей машин, да управляющих этими машинами автоматов, только по названію могущих считаться людьми.

Глава XV.

Теорія „низших“ рас.

Вопрос о колонизаціи тѣсно связан с вопросом о так называемых низших расах. Именно эта болѣе низкая природа диких племен служила и служит всегда главным аргументом для оправданія истребленія завоеванных народов.

Но вѣдь тѣм же самым аргументом пользуются и против рабочих, им же стремятся оправдать и эксплуатацію «низших классов». Развѣ в глазах капиталистов—и даже в глазах нѣкоторых ученых—рабочій не является просто вьючным животным, назначеніе котораго—обезпечивать благосостояніе «избранных» и производить на свѣт потомство, которое, в свою очередь, будет давать возможность наслаждаться жизнью потомкам этих «избранных» и т. д.?

А между тѣм, мы, рабочіе, нисколько не считаем себя стоящими ниже кого-бы то ни было и думаем, что наш мозг совершенно также способен к развитію, как и мозг наших эксплуататоров, но только у нас нѣт ни времени, ни возможности развиваться. Может быть то же происходит и с так называемыми низшими расами?

Если бы о «низших» расах говорили только политическіе аферисты, то им не стоило бы и возражать: им, в сущности, рѣшительно все равно, вѣрно это или нѣт, им нужен только предлог и, если им докажут, что данный предлог не годится, они найдут другой. Но нѣкоторые ученые точно также поддерживают эту теорію и придают ей силу своими научными знаніями, доказывая, что бѣлая раса—единственная, высоко стоящая по своей природѣ.

Когда-то человѣкъ считалъ себя центромъ вселенной и не только думалъ, что солнце и звѣзды вертятся вокругъ земли, но былъ убѣжденъ, что все это совершается ради него. Это было антропоцентрическое міросозерцаніе. Много вѣковъ должно было пройти, прежде тѣмъ человѣкъ освободился отъ этого гордаго самообмана и понялъ, какое ничтожное мѣсто онъ занимаетъ въ природѣ. Но мысль о первенствѣ такъ крѣпко засѣла въ немъ, избавиться отъ нея было такъ трудно, что, потеряв свое воображаемое господство надъ свѣтилами, онъ утѣшился тѣмъ, что сталъ смотрѣть на весь земной шаръ, со всѣми его продуктами, какъ на предназначенный исключительно для того, чтобы быть колыбелью вѣнца творенія—человѣка.

Но этого воображаемаго царства лишила его наука, показавшая, что онъ — не больше, какъ продуктъ эволюціи, продуктъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ, что въ его появленіи нѣтъ ничего преднамѣреннаго, что его, поэтому, никто не ждалъ и никто ничего для него не приготовлялъ; человѣкъ, въ своемъ стремленіи къ господству, не могъ, однако, помириться съ фактами и признать себя случайнымъ пришельцемъ, и вотъ онъ ухватился за представленіе о низшихъ расахъ, причемъ каждая раса поочередно считала себя самой умной, самой красивой, самой совершенной. Бѣлая раса стала поглощать на этомъ основаніи всѣ остальныя, а ученые приняли это за отправной пунктъ для своихъ обобщеній. Они опираются, кромѣ того, на слѣдующіе аргументы:

1) Всѣмъ ученымъ міромъ признано, что низшія расы существуютъ столько же времени, какъ и бѣлая; поэтому, раз послѣдняя развилась, в то время какъ первыя остались на первоначальномъ уровнѣ, это ясно показываетъ, что онѣ стоятъ ниже по самой своей природѣ.

2) Отсталыя племена живутъ обыкновенно в очѣнь благопріятномъ климатѣ, что должно было способствовать ихъ развитію.

3) Дѣти дикарей, которыхъ пробовали воспитывать на европейскій ладъ, совершенно не оправдали надежд своихъ воспитателей.

Кромѣ того, приводятъ в примѣръ различныя поселенія дикарей, оставшіяся на томъ же уровнѣ, на какомъ они находились и двѣсти лѣтъ тому назадъ, а также негрскую республику Гаити с ея безцѣльными революціями.

Не нужно заходить особенно далеко вглубь исторіи, чтобы убѣдиться, что всеобщее согласіе не всегда можетъ служить доказательствомъ справедливости даннаго мнѣнія. Вѣдь пока Га-

лилей не доказал, что земля вертится вокруг солнца, почти всѣ без исключенія были убѣждены, что солнце вертится вокруг земли! Всеобщее согласіе ровно ничего еще не доказывает, если оно не опирается на факты, да и то иногда бывает—как в приведенном примѣрѣ—что видимые факты говорят в пользу ошибочнаго мнѣнія. Поэтому, еще вопрос, дѣйствительно ли одновременность появленія различных рас доказывается фактами.

На нѣкоторых египетских памятниках находят изображенія африканских типов, существующих и в наше время, и это дѣйствительно, говорит в пользу относительной древности их происхожденія. Извѣстно также, что эти племена, когда-то подчиненныя египтянам, повидимому, с тѣх пор не пошли вперед. С перваго взгляда это может показаться аргументом в пользу теоріи низших рас, но болѣе внимательное изученіе покажет поспѣшность такого заключенія.

В самом дѣлѣ, древность египетских памятников опредѣляется в восемь, скажем — в десять тысяч лѣт; итак, втеченіи десяти тысяч лѣт эти племена, повидимому, нисколько не развились, тогда как бѣлая раса сдѣлала, как извѣстно, громадный шаг вперед. Но дѣло в том, что в ту эпоху, к которой относится постройка этих памятников, Египет имѣл уже довольно развитую цивилизацію, и между строителями фильских, карнакских и мемфисских храмов и этими отсталыми племенами уже тогда существовала огромная разница. Египтяне уже пережили тогда свой доисторическій період, продолжительность которого оцѣнивают в сотни тысяч лѣт.

Первые шаги человѣка четвертичнаго періода на нути развитія должны были быть очень медленными, а если мы допустим существованіе человѣка еще в третичный період, то эта медленность окажется еще значительнѣе. Поэтому 10.000 лѣт застоя тѣх племен, о которых мы только что говорили,—очень незначительный срок в общей исторіи человѣчества; весьма возможно, что и первобытный египтянин не обнаружил бы через 10.000 лѣт послѣ того, как он выучился обтесывать первый камень, никакого замѣтнаго прогресса и оказался бы, в глазах наблюдателя, человѣком низшей расы.

С другой стороны, вѣдь эти-самые египтяне, у которых мы находим такую высокую культуру, такіе памятники и такое развитіе научных знаній, в сущности вовсе не принадлежат к бѣлой расѣ, и этот народ, который считают одной из «высших» рас древности, оказывается в наше время в числѣ рас «низших»,

что очень ясно показывают им их англійскіе покорители. Удивительное противорѣчіе! Ученые дѣлают из египтян то «высшую» расу, то «низшую», смотря по надобностям своей аргументаціи.

Черепа и челюсти, найденные в Кро-Маньонѣ, Неандералѣ и Нолеттѣ и относящіеся к очень отдаленным эпохам, настолько обезьянообразны, что изучавшіе их антропологи даже не могли вначалѣ рѣшить, принадлежали ли они предкам человѣка, или же большим человѣкоподобным обезьянам. Можем ли мы, послѣ такого скромнаго начала нашего существованія, считать себя чудом человѣчества? И по какому праву можем мы говорить о «низших» расах, когда их современное состояніе зависит от наших-же варварских преслѣдованій? Низкій уровень современных краснокожих, напримѣр, ровно ничего не доказывает, потому что, как извѣстно, существовавшія у них туземныя цивилизаціи были разрушены европейскими завоевателями, а слѣдующія поколѣнія преслѣдовались, раззорялись и истреблялись; они мало по малу отступали перед побѣдителями и понемногу начинали вымирать. Цѣлыя цвѣтущія цивилизаціи погибли таким образом, и мы не знаем, что онѣ способны были дать: судить об этом по выродившимся туземцам, исчезающим под давленіем Соединенных Штатов, совершенно невозможно.

Я не буду приводить в примѣр ни Мексиканской Имперіи, ни Инков, потому что во время пришествія испанцев эти цивилизаціи находились уже в полном упадкѣ и именно потому не могли сопротивляться; гуроны и ирокезы защищали свою независимость с гораздо большей энергіей, чѣм ацтеки и перувіанцы.

Казалось бы, что есть еще один способ провѣрить одинаковость возраста различных рас: это—произвести раскопки в еще неизслѣдованных мѣстностях и сравнить возраст скелетов, которые несомнѣнно будут там найдены; но это средство оказывается недѣйствительным, потому что нѣт никакой возможности установить одновременность отложенія тѣх или других слоев земной коры в различных мѣстностях земного шара. Каким же образом узнать в таком случаѣ относительный возраст скелетов, найденных в различных мѣстностях?

Вопрос о времени происхожденія различных рас оказывается, поэтому, вопросом неразрѣшимым; он не может дать нам никаких доказательств в пользу возможности или невозможности равенства между ними. Да и имѣет ли он какое-нибудь значеніе для тѣх, кто ставит весь прогресс в зависимост от постоянно мѣняющихся условій среды?

«Отсталые народы живут обыкновенно в наиболѣе благопріятном климатѣ», говорит в своих лекціях по зоологической антропологіи профессор парижской Антропологической Школы Эрве, сторонник теоріи низших рас. Но это положеніе требует еще доказательств. Вѣрно ли оно, напримѣр, по отношенію к эскимосам, к обитателям Огненной Земли, или к краснокожим, лишенным всѣх тѣх животных, которых они могли бы приручить, или к неграм, живущим в болотистой нильской области или в безконечных лѣсах Конго? Можно ли сказать это о сибирских тунгусах, или о бушменах безводных пустынь Калахари? Нѣт, очевидно, это совершенно не вѣрно. Да кромѣ того, еще вопрос, какой климат нужно считать болѣе благопріятным: тот ли, который толкает человѣка на труд, или тот, который имѣет обратное вліяніе?

Этот аргумент может очень легко обратиться против тѣх, кто им пользуется. Не послужила ли легкость добыванія средств к существованію скорѣе причиной застоя многих племен? Если люди могут удовлетворять свои первоначальныя потребности без труда, то очень может случиться, что в них вовсе и не проснутся иныя потребности; наоборот, народы, принужденные отвоевывать в борьбѣ с природой и с климатом свое ежедневное пропитаніе, разовьют в себѣ новые инстинкты и способности, которые, в свою очередь, дадут начало новым стремленіям и, таким образом, заставят данный народ вступить на путь прогресса. Другіе же, поставленные в болѣе благопріятныя условія, будут просто брать от жизни то, что она сама им дает.

Затѣм мы находим доказательства, почерпнутыя из опыта искусственнаго насажденія культуры в нѣкоторых африканских племенах и в тѣх колоніях дикарей, которым была якобы предоставлена полная свобода развиваться в особых отведенных для них деревнях.

Очень возможно, что были дѣйствительно неудачныя попытки цивилизовать дикарей, но это еще не рѣшает вопроса вообще, потому что для этого нужно было бы знать, при каких условіях были сдѣланы эти попытки, в каких условіях находились данныя племена и не было ли одновременно с этим и каких-нибудь вліяній, способствовавших вырожденію. Этого рода примѣры тѣм менѣе убѣдительны, что существуют примѣры и обратнаго. Так, канадскіе ирокезы стоят нисколько не ниже окружающих их бѣлых; первый географ Мексики—ацтек; наконец, мы были

свидѣтелями того, как прекрасно потомки «низших» рас сумѣли выжить из Мексики «первых в мірѣ» солдат.

Для того, чтобы какое нибудь умственное пріобрѣтеніе упрочилось, нужно нѣсколько поколѣній, ум отдѣльнаго человѣка, как бы он не был способен к развитію, не может продѣлать втеченіи одной своей жизни всю ту эволюцію, которую раса проходит в рядѣ поколѣній. Поэтому отрицательные результаты опытов над отдѣльными личностями ровно ничего не доказывают, даже если опыт был обставлен надлежащим образом; им можно всегда противупоставить примѣры положительных результатов, точно также как против общаго прогресса бѣлых можно выставить и многочисленные случаи прегресса.

Этнографическія сочиненія указывают нам затѣм на примѣр тѣх же самых краснокожих, негров и других «дикарей», которых начинали учить и которые достигали даже довольно высокой ступени развитія; но затѣм в них вдруг являлось презрѣніе ко всему тому, чему их учили, тоска по своей прежней свободѣ и, сбросив с себя оболочку культурнаго человѣка, они возвращались к кочевому образу жизни. Никто не отрицает того, что атавизм может иногда оказаться сильнѣе способности к совершенствованію, но эти примѣры нисколько не доказывают отсутствія этой способности в данной расѣ вообще, раз уже личности, получившія европейское воспитаніе, могли, во всяком случаѣ, втеченіи извѣстнаго періода своей жизни идти по пути, намѣченному им их воспитателями.

Тот же профессор Эрве (мы опять ссылаемся на него, потому что из всѣх слышанных нами сторонников теоріи «низших» рас, он защищал эту теорію наиболѣе убѣдительно) указывает на тот факт, что дикарь болѣе понятлив в дѣтствѣ, чѣм в зрѣлом возрастѣ. Но что же из этого слѣдуст? Чѣм менѣе развита данная раса, тѣм раньше приходится дѣтям самим заботиться о себѣ и тѣм быстрѣе приходится им развивать свою сообразительность. Что касается взрослых, то ранняя остановка развитія зависит у них, правда, от физической организаціи — от заростанія черепных швов. В противуположность тому, что происходит у бѣлой расы, сращеніе начинается именно с передней части черепа, так что развитіе мозга прежде всего задерживается в тѣх частях, которыя всего важнѣе для умственной дѣятельности. И это могло бы, дѣйствительно, послужить доказательством низшей природы, если бы было доказано, что бѣлая раса не проходила через такую же стадію развитія; между тѣм

на доисторических черепах видно, что сращеніе происходило в них точно также начиная с передних частей и точно также очень рано — как у современных нам так-называемых низших рас. Случаи подобнаго атавизма встрѣчаются и в наше время. Что же, в таком случаѣ, остается от этого аргумента?

Затѣм, нам часто указывают на республику Гаити, часто смѣются над ея военными переворотами; но давно ли и в нашей исторіи встрѣчались подобные же факты, еще менѣе простительные, потому что мы считаем себя людьми высшей породы. Как бы то ни было, жители Гаити сумѣли во всяком случаѣ, отвоевать свою независимость от французов. Кто же оказался «выше»: тѣ ли, которые отвоевали свою свободу, или тѣ, которые хотѣли удержать цѣлый народ в рабствѣ? Кромѣ того, нужно совершенно не знать исторіи, чтобы отрицать существованіе у жителей Гаити нѣкотораго прогресса, несмотря на разных тамошних сулуков—подражателей наших Наполеонов.

Когда подумаешь, что большинство так называемых цивилизованных людей работает и умирает с голоду ради обогащенія кучки тунеядцев и паразитов, когда вспомнишь, что сами эксплуатируемые доставляют ту силу, которая служит для защиты их эксплуататоров, то поневолѣ явится вопрос: имѣем ли мы право так гордиться своей высокой культурой? И дали ли мы, с другой стороны, возможность свободнаго развитія тѣм диким племенам, которыя еще продолжают существовать?

Мы нисколько не хотим этим сказать, что всѣ расы совершенно тождественны между собою: мы только думаем, что всѣ они обладают извѣстными способностями, извѣстными нравственными, умственными и физическими качествами, которыя, если бы им предоставить свободно развиваться, могли бы дать возможность каждому племени внести свою лепту в общее дѣло человѣческой цивилизаціи. Возьмем хотя бы австралійцев—жалких дикарей, стоящих на очень низкой ступени развитія: они оказались однако способными изобрѣсти бумеранг—метательное оружіе с удивительным обратным дѣйствіем, котораго европейцы, несмотря на все свое искусство, на всѣ свои баллистическія знанія, не могли до сих пор ни сдѣлать, ни объяснить. Положим, изобрѣтеніе бумеранга—не большой вклад в исторію человѣчества, но раз изобрѣтательность этих племен могла повести к открытію этого свойственнаго им одним оружія, тогда как пики, палицы и стрѣлы были извѣстны и всѣм другим расам,

то почему не предположить, что при иных условіях, эта изобрѣтательность развилась бы в направленіи болѣе полезном?

Но бѣлая раса (вмѣстѣ с евреями, которые по этому случаю также вошли в состав бѣлой расы), хотѣла непремѣнно все завоевать, все вовлечь в круг своей эксплуатаціи. Повсюду, гдѣ она оказалась побѣдительницей, отсталыя расы должны были исчезнуть. И когда мы подумаем обо всем этом разрушеніи, обо всѣх этих убійствах, связанных с европейской эксплуатаціей, то нам приходит в голову вопрос: не принесла ли бѣлая раса человѣчеству столько же вреда, как и пользы?

Для того, чтобы выйти из животнаго состоянія, нам понадобилось, может быть, около 150.000 лѣт, затѣм, еще 10.000 лѣт заняло развитіе и паденіе цивилизацій египетской, халдейской, греческой, римской, индійской и мавританской; вмѣстѣ с тѣм, параллельно развивалась и желтая раса. В настоящее время мы присутствуем при началѣ паденія латинских рас—паденія, которое не замедлит превратиться в агонію, если только соціальный переворот не остановит во время физическаго и нравственнаго вырожденія—результата существованія капиталистическаго строя.

Возможно, что если границы между народами еще будут продолжать существовать, то нашим наслѣдником явится раса славянская, как болѣе молодая и позднѣе вступившая на путь европейской цивилизаціи. Но сколько времени продолжится этот період и что будет послѣ? Откуда придет тот обновляющій дух, который оживит нашу ослабѣвшую бѣлую расу, истощенную плохо понятой и плохо усвоенной цивилизаціей?

При упадкѣ каждой из существовавших цивилизацій всегда являлась новая раса, которая усваивала себѣ всѣ умственныя изобрѣтенія той, которой она пришла на смѣну, и, в свою очередь, вносила в них свой свѣжій ум, свои нетронутыя способности, свою сильную и молодую кровь. Эта послѣдовательная смѣна цивилизацій указывает, повидимому, на то, что каждая раса имѣет лишь ограниченный запас энергіи и способностей и что, раз этот запас изсякнет, она или исчезает или переходит к состоянію застоя.

Нѣкоторые из наших единомышленников возразят нам может быть, что в настоящее время рас больше не существует, что цивилизованный мір дѣлится на государства, которыя, хотя и представляют собою остаток прошлаго, не опирающійся ни на какое реальное дѣленіе, тѣм не менѣе являются каждое в отдѣльности прочным цѣлым. Во Франціи и в Россіи, в Америкѣ и в

Австраліи цивилизація одна и та же. Теперь существует уже не дѣленіе на расы, а дѣленіе на классы.

Мы вполнѣ согласны с тѣм, что по мѣрѣ широкаго развитія международных сношеній и облегченія передвиженія из одной страны в другую, дѣленіе на расы, вслѣдствіе постоянных смѣшеній и скрещиваній, все больше и больше исчезает. Но тѣм сильнѣе наше негодованіе при видѣ того, как цѣлыя племена гибнут, не успѣв внести в нашу цивилизацію тѣх своеобразных черт, которыя они, может быть, были способны внести. Вспоминая об избіеніи стольких беззащитных племен, о стольких исчезнувших или исчезающих расах, мы с грустью спрашиваем себя, не обладали ли эти «низшіе» наши братья нѣкоторыми из тѣх многочисленных хороших качеств, которых не хватает нам?

Бѣлая раса не сумѣла понять раз отсталых, и потому уничтожила их. Если бы она задалась цѣлью поднять их на болѣе высокій уровень развитія, ей удалось бы достигнуть этого только путем долгой эволюціи; но она никогда не хотѣла брать на себя роли воспитательницы: она хотѣла только эксплуатировать, а эта эксплуатація в концѣ концов должна была свестись к истребленію.

Мы с такою яростью завоевываем дикія страны, а между тѣм можем ли мы навѣрное сказать, что цивилизація хотя бы ирокезов была ниже нашей? можем ли мы гордиться своим превосходством перед инками, которые, по крайней мѣрѣ, умѣли обезпечить жилище и пропитаніе каждому из членов общества, тогда как в наших обществах царит нищета?

Теорія «низших» рас не оправдывается ничѣм; она только служит оправданіем для преступленій рас «высших».

Глава XVI.

Почему мы — революціонеры?

Выше мы показали (по крайней мѣрѣ, надѣемся, что показали), что всѣ люди без исключенія имѣют право на свободное развитіе и на полное удовлетвореніе своих потребностей, и что государственная власть, собственность и другія учрежденія, созданныя эксплуатирующим классом для защиты своих привилегій, основанных на ограбленіи массы, не имѣют никакого права на существованіе. Нам остается теперь разсмотрѣть пути к уничтоженію того порядка вещей, на который мы нападаем, и к осуществленію желательнаго нам общественнаго строя; вмѣстѣ с тѣм мы должны показать и наше право употреблять тѣ или иныя средства, потому что очень многіе, вполнѣ соглашаясь с нашей критикой современнаго строя, вполнѣ сочувствуя нашему идеалу гармоническаго общества, не могут, однако, примириться с мыслью об употребленіи силы и думают, что лучше было бы дѣйствовать постепенно, стараться повліять на людей исключительно силой убѣжденія, что слѣдовало бы исправлять современное общество мало-по-малу.

В природѣ, говорят нам, все видоизмѣняется путем эволюціи, почему же вы не признаете того же самаго в общественной жизни, а хотите достигнуть всего сразу? Стремясь преобразовать общество силой, вы рискуете только все перевернуть, ничего прочнаго не создав, а главное — рискуете погибнуть сами, вызвать реакцію тѣм болѣе сильную, чѣм сильнѣе было революціонное движеніе, и таким образом задержать на нѣсколько столѣтій общественный прогресс.

Эти возраженія, исходящія от добросовѣстных людей, руководимых искренним желаніем выяснить вопрос, опираются на

соображенія, с перваго взгляда кажущіяся справедливыми, а потому заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Дѣйствительно, все в природѣ происходит путем медленной эволюціи, путем цѣлаго ряда мелких измѣненій, незамѣтных, если слѣдить за ними постепенно, и бросающихся в глаза только при рѣзком переходѣ от одного періода к другому. Так именно развилась жизнь на нашей планетѣ, так выдѣлился человѣк из животнаго міра, так стал человѣк нашего времени совершенно непохожим на человѣка каменнаго вѣка.

Но тут упускается из виду одно: а именно, что для того, чтобы эта эволюція происходила совершенно ровно, нужно, чтобы она не встрѣчала на своем пути никаких препятствій; в противном случаѣ, если она обладает достаточным для этого запасом сил, она разрушает эти препятствія, если же нѣт—то останавливается сама. Всякій раз, когда между чѣм-нибудь, уже существующим, и стремленіем вперед происходит столкновеніе, мы имѣем перед собою революцію, каковы бы ни были размѣры даннаго явленія — будет ли это исчезновеніе цѣлаго материка или исчезновеніе одной частицы в организмѣ.

В настоящее время выяснено, что крупные геологическіе перевороты вызваны были вовсе не страшными потрясеніями и не внезапными перемѣнами, якобы происходившими под напором сил, скрытых под земной корой, а представляют собою результат медленных процессов и незамѣтных измѣненій, дѣйствовавших втеченіи цѣлых тысяч вѣков. Мы знаем также, что тѣ же причины, которыя придали землѣ ея современный вид, продолжают дѣйствовать и теперь, постоянно подготовляя новыя преобразованія.

Повсюду дождевая вода размывает горы, просачивается в камни, разрушает самый крѣпкій гранит. Ничто не дѣлает этой медленной разрушительной работы замѣтной для взора путешественника; цѣлыя поколѣнія сойдут со сцены прежде, чѣм появится хотя бы сколько-нибудь ощутительное измѣненіе, и тѣм не менѣе в один прекрасный день произойдет обвал, который унесет с собою лѣса и деревни, засыпит русла рѣк, измѣнит их теченіе и распространит повсюду горе и опустошеніе. Но затѣм первое впечатлѣніе пройдет, жизнь снова возьмет свое, и еще сильнѣе, еще энергичнѣе возродится из развалин.

Вся эта эволюція происходит, конечно, очень медленно, но приходит такой момент, когда она не может продолжаться иначе, как при условіи нарушить существующій порядок вещей; она

продолжает свой путь—и гора, подмытая в самом основаніи, рушится, унося с собою все, что находится на ея поверхности.

Возьмем другой примѣр. Мы знаем, что море удаляется от одних берегов и, наоборот, все больше и больше затопляет другіе. Волны набѣгают на плоскій берег, отрывают куски от почвы, завоевывая себѣ, таким образом, все большее пространство, а затѣм эти же самые куски почвы уносятся к другим берегам и там, наоборот, увеличивают область суши на счет моря. Работа эта происходит так медленно, что ее почти невозможно замѣтить: втеченіи столѣтія таким образом уносится всего нѣсколько сантиметров земли. И однако придет момент—может быть через десять, может быть через сто тысяч лѣт, не все ли равно?—когда стѣна суши не сможет больше сдерживать напор волн; она поддастся тогда под каким нибудь одним ударом, и море наводнит прибрежную равнину, черпая новыя силы во встрѣчающихся препятствіях, пока не остановится у подножія какой нибудь новой преграды, которая снова задержит его на болѣе или менѣе долгій промежуток времени, смотря по степени своей устойчивости.

То же самое происходит и в наших обществах. Общественная организація и созданныя для ея поддержки учрежденія являются преградами для прогресса; в обществѣ же, напротив, все стремится к разрушенію этих преград: идеи измѣняются, нравы преобразуются, понемногу подрывается уваженіе к старинным учрежденіям, которыя тѣм не менѣе существуют и хотят продолжать управлять попрежнему жизнью общества и личности. Эта медленная разрушительная работа может быть незамѣтной для поколѣнія современников. От времени до времени исчезают нѣкоторые прежніе обычаи или ослабѣвает какой-нибудь предразсудок, но это подготовляется так постепенно, что никто этого не замѣчает; только старики, сравнивая привычки своей юности с привычками смѣняющаго их молодого поколѣнія, видят происшедшее в нравах измѣненіе.

Но измѣнились только нравы, а общественныя учрежденія и общественная организація остались тѣ-же: они попрежнему задерживают напирающія на них волны, которыя в безсиліи разбиваются у их подножья, лишь то там, то сям отнимая по камню. Этих камней волны в своем бѣшенствѣ могут оторвать цѣлыя тысячи. Что такое отдѣльный камень в сравненіи с могущественной каменной глыбой? Ничто; но волны уносят этот камень с собою и, вновь напирая на каменную преграду, бросают им в нее, бьют им в стѣну, как тараном, и отрывают еще нѣсколько

камней, которые, в свою очередь, превратятся в новыя орудія нападенія. Борьба может продолжаться тысячи лѣт и скала будет казаться все такою же неприступною вплоть до того дня, когда, подрытая у самаго своего основанія, она рухнет под новым напором и даст широкій доступ торжествующим волнам.

Мы, несомнѣнно, были бы очень рады, если бы общественная эволюція совершалась медленно, непрерывно и без потрясеній; но это от нас не зависит. Мы, как пропагандисты, исполняем свою задачу, проповѣдуем идеи общественнаго обновленія, а эти идеи составляют ту каплю, которая просачивается в камень, долбит его и прокладывает себѣ дорогу к самому подножью скалы. Можем ли мы помѣшать этой скалѣ рухнуть и унести с собою всѣ тѣ подпорки, которыя вы построили для ея укрѣпленія?

Никто, кромѣ буржуазіи не заинтересован в том, чтобы общественное преобразованіе совершилось без потрясеній. Почему же, в таком случаѣ, вмѣсто того, чтобы пытаться сохранить скалу в том видѣ, как она есть, и постоянно подпирать ее, она, наоборот, не поможет нам срыть ее и устроить так, чтобы воды могли спокойно течь к плоским равнинам, унося с собою негодныя или вредныя части, которыя затѣм образуют отложенія на этих равнинах и послужат к возвышенію их уровня? Безумцы! они не хотят уступить ни малѣйшей доли своих привиллегій; как скала, они считают себя неуязвимыми для напирающих на них волн. Что значат для них тѣ немногія уступки, которыя рабочим удалось вырвать втеченіи всего цѣлаго столѣтія? Их привиллегіи так громадны, что опустошеніе почти незамѣтно. Но волны уже пробили брешь, уже борятся со скалою с помощью от нея-же оторванных камней и скоро окончательно разрушат ее. Мы только содѣйствовали этой эволюціи; если же, благодаря безумному сопротивленію буржуазіи, она превратится в революцію, пусть пеняют на себя.

И, в самом дѣлѣ, стоит нам только посмотрѣть безпристрастным взглядом на окружающія нас общественныя явленія, чтобы увидать, что анархисты становятся революціонерами только в силу естественнаго хода вещей. Они убѣдились в том, что причина всѣх зол, от которых страдает общество, лежит в самой его организаціи, и что всѣ паліативы, предлагаемые политиками и соціалистами, совершенно неспособны внести какое бы то ни было улучшеніе, потому что они уничтожают только внѣшнія проявленія, а не самый корень зла.

Когда человѣк сыт, когда его потребности болѣе или менѣе удовлетворены, то ему легко ждать; но тот, кто испытывает и физическій и умственный голод, не может, раз только он понял причину существующаго зла, довольствоваться надеждой на лучшее будущее, а будет всегда стремиться перейти от теоретическихъ соображеній к практическому дѣлу.

Развѣ твердо убѣжденный в чем-нибудь человѣк не стремится всегда проповѣдовать свое убѣжденіе, проводить его в жизнь? Развѣ может человѣк, вполнѣ убѣжденный в истинности какой-нибудь идеи, не стараться убѣдить в том же и других, а в особенности—не стараться осуществить ее, согласуя с ней свою личную жизнь? А что такое, в современном обществѣ, проведеніе в жизнь новых идей, как не революціонное дѣло? Как же вы хотите, чтобы тѣ самые люди, которые сдѣлали все, от них зависящее, для распространенія новых идей, которые старались показать и причины общественнаго зла и средства к его устраненію, старались нарисовать идеал лучшаго будущаго,—чтобы эти самые люди стали поперек дороги тѣм, кто стремится осуществить эти идеи на практикѣ, чтобы они сказали им: «Продолжайте наслаждаться перспективой будущаго счастья, продолжайте страдать, вооружитесь терпѣніем: когда-нибудь ваши эксплуататоры согласятся, может быть, сдѣлать вам нѣкоторыя уступки». Это было бы ничѣм иным, как жестокой насмѣшкой.

Конечно, мы были бы очень рады, если бы буржуа сами поняли всю нравственную низость своего положенія, сами отказались от эксплуатаціи рабочих и передали свои фабрики, дома, земли и копи в руки общества, которое стало бы пользоваться ими для себя и замѣнило бы царство конкурренціи царством солидарности. Но можно ли серьезно надѣяться на то, что капиталисты дойдут когда бы то ни было до такой степени безкорыстія, когда мы видим, что они направляют всю силу своего войска, своей полиціи и своих судов на подавленіе самых ничтожных требованій рабочих?

Теоріи, мечты о лучшем будущем—прекрасная вещь; но если бы оппозиція существующему строю сводилась к салонной философіи или к послѣобѣденным разговорам сытых людей, если бы все ограничивалось безплодными жалобами на современное положеніе вещей и мечтаніями о будущем благѣ, то мы были бы очень похожи на того сытаго филантропа, с туго набитым кошельком, который говорит умирающему с голода бѣдняку: „Мнѣ от души жалко вас, ваша судьба озабочивает меня в высшей

степени, и я душевно желаю, чтобы ваше положеніе улучшилось; а пока—будьте бережливы и постарайтесь скопить себѣ на черный день", а затѣм проходит мимо, вполнѣ довольный собою. Если бы это дѣйствительно было так, то буржуазія могла бы разсчитывать еще очень долго эксплуатировать рабочих, а рабочіе еще не скоро увидали бы конец своей нуждѣ и страданіям.

К счастью, от идейных стремленій до попытки их осуществленія, как мы видѣли,—один шаг, и многія человѣческія натуры очень склонны этот шаг сдѣлать; а так как теорія анархизма есть теорія дѣятельная, то эти революціонныя натуры встрѣчаются чаще в средѣ анархистов, чѣм в какой бы то ни было другой. Отсюда тѣ многочисленные революціонные акты, которые так пугают робкіе умы, но которые для нас служат лишь доказательством развитія наших идей.

Проповѣдовать жертвам эксплуатаціи покорность судьбѣ значило бы быть в руку эксплуататорам; мы предоставляем эту роль христіанству. Ни примиреніе с дѣйствительностью, ни платоническія надежды не могут измѣнить положенія: для этого нужно дѣло, а самое лучшее дѣло, это—устраненіе стоящих на пути препятствій.

Довольно уже люди преклонялись перед власть имущими, довольно они ждали спасенія от свыше посланных личностей, довольно разсчитывали на чисто политическіе перевороты, на дѣйствіе законов. Осуществленіе наших идей на практикѣ требует людей сознательных, понимающих свою силу, умѣющих заставить уважать свою свободу, не становясь в то же время тиранами других,—людей, которые не разсчитывают ни на кого, кромѣ себя самих, своей собственной иниціативы, своей собственной энергіи. А эти люди явятся только тогда, когда мы будем проповѣдовать не примиреніе с существующим, а, наоборот, протест против него.

Это не значит, однако, что анархисты отказываются от содѣйствія тѣх, которые не склонны к активной борьбѣ, а хотят ограничиться исключительно распространеніем идей, подготовленіем дальнѣйшей эволюціи; они даже не требуют, чтобы всѣ их идеи были непремѣнно восприняты цѣликом. В их область входит все, что уничтожает какой нибудь предразсудок, устраняет какой-нибудь ложный взгляд, устанавливает какую-нибудь новую истину. Анархисты не пренебрегают ничьей помощью, не отталкивают никого; они всегда рады протянуть руку каждому, кто может дать им что-нибудь новое; они довольствуются тѣм,

что соединяют в одно отдѣльныя усилія и обобщают отдѣльныя стремленія, чтобы дать людям возможность разобраться в их собственных желаніях.

Наконец, если бы даже они этого захотѣли, анархистам невозможно оставаться мирными дѣятелями: силою вещей они приходят к болѣе рѣшительным дѣйствіям. Может ли выносить хотя бы придирки полицейскаго тот, кто раз понял, какую низкую роль он играет? Можно ли переносить дерзость какого-нибудь судьи, когда критика уже лишила его священнаго ореола, окружавшаго его раньше? Можно ли относиться с уваженіем к богачу, когда знаешь, что роскошь, среди которой он живет, соткана из нищеты сотен семей?

Может ли согласиться идти в казармы, чтобы там служить игрушкой в руках слуг своих эксплуататоров, тот человѣк, который уже знает, что патріотизм есть не болѣе, как предлог, а настоящая роль солдата это—убійство его собратьев-бѣдняков?

Тот, кто понял, что бѣдность есть результат плохого общественнаго устройства, что одни умирают с голоду только потому, что другіе слишком сыты, или хотят накопить богатства для своих наслѣдников, тот не легко согласится умереть гдѣ-нибудь на улицѣ. Приходит минута, когда, как бы человѣк не был миролюбиво настроен, он отвѣчает на силу—силой, на эксплуатацію—революціонным актом.

Тѣм, кому хотѣлось бы, чтобы общество преобразовалось без всяких потрясеній, лучше разстаться с этой мечтой: она не осуществима. Идеи развиваются и неизбѣжно ведут нас к революціи; об этом можно сожалѣть, но это—факт, с которым приходится помириться. Никакія сѣтованія тут не помогут, а раз уже революція неизбѣжна, то единственное средство помѣшать ей пойти против прогресса, это—принять в ней участіе и постараться направить ее к осуществленію нашего идеала.

Мы не принадлежим к числу проповѣдников насилія; мы не занимаемся и тѣм, чтобы постоянно ругать фабрикантов и капиталистов, как либеральные буржуа когда-то постоянно ругали попов; мы не хотим толкать людей на то или другое дѣло, на тот или другой поступок. Мы убѣждены, что люди дѣлают только то, на что твердо рѣшились сами, и что проповѣдовать какой-нибудь поступок можно только примѣром, а не словами и не совѣтами; вот почему мы ограничиваемся тѣм, что выводим извѣстныя логическія послѣдствія, предоставляя каждому выбирать тот способ дѣйствія, который кажется ему наилучшим.

Но мы увѣрены, вмѣстѣ с тѣм, что чѣм лучше будут поняты и чѣм больше будут развиваться наши идеи, тѣм многочисленнѣе будут и акты революціоннаго протеста.

Чѣм глубже проникнут наши взгляды в массу, тѣм сознательнѣе она будет становиться, тѣм живѣе будет в ней чувство собственнаго достоинства, и тѣм менѣе она, слѣдовательно, будет склонна переносить притѣсненія со стороны властей и эксплуатацію со стороны капиталистов; тѣм чаще и многочисленнѣе станут в ней проявленія духа независимости. И это не только не огорчает нас, но совершенно наоборот: каждый акт индивидуальнаго протеста—лишній удар топора в давящее нас старое общественное зданіе. А раз уже прогресс не может обойтись без потрясеній и жертв, то мы можем только привѣтствовать тѣх, кто погибает в бурѣ, и надѣятся, что их примѣр вызовет новых подражателей, болѣе многочисленных и лучше вооруженных, и что их удары будут еще сильнѣе.

Но каково бы ни было число гибнущих в борьбѣ, это число все-таки очень мало в сравненіи с тѣми безчисленными жертвами, которых постоянно поглощает чудовищная пасть нашего общества. И чѣм напряженнѣе будет борьба, тѣм меньше будет ея продолжительность, а, слѣдовательно, тѣм больше окажется спасенных человѣческих жизней—жизней, которыя иначе были бы осуждены на нужду, болѣзни, истощеніе и вырожденіе.

Глава XVII.

Принципы и средства борьбы.

Нам часто приходится слышать со стороны людей, воодушевленных, быть может, самыми лучшими намѣреніями, выраженія удивленія по поводу того, что анархисты отрицают нѣкоторые пріемы борьбы, как противные их убѣжденіям. «Почему бы вам не попробовать, говорят одни, захватить в свои руки власть, чтобы принудить общество к осуществленію ваших идей на практикѣ?» «Почему, восклицают другіе, вы не хотите послать своих представителей в палату депутатов, или в муниципальные совѣты? Они могли бы там быть вам полезными, а, вмѣстѣ с тѣм, пользовались бы большим авторитетом для распространенія ваших идей в массѣ».

С другой стороны, нѣкоторые анархисты воображают, что поступают очень послѣдовательно, доводя свои разсужденія до абсурда и вырабатывая в себѣ цѣлый ряд понятій, рѣшительно не имѣющих ничего общаго с анархическими идеями. Нѣкоторые, напримѣр, начинают, под предлогом разрушенія собственности, защищать воровство; другіе доходят в своей проповѣди свободной любви до таких нелѣпостей, которыя они, не колеблясь, назвали бы развратом, если бы дѣло шло о каком-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это—тѣ, которые отрицают всякіе принципы, считая их предразсудками; «что мнѣ за дѣло до принципов!» кричат они, «раз дѣло идет о революціи—всѣ средства хороши и нам нечего останавливаться совершенно некстати из-за каких-то принципов».

Но это—большая ошибка, и если эти люди хорошенько подумают, то они сами быстро увидят, что не всѣ средства хороши для достиженія анархическаго идеала: есть и такія, которыя идут ему наперекор. Какой нибудь пріем борьбы может иногда с перваго взгляда казаться успѣшным, в дѣйствительности же—только задерживать развитіе идеи, служа исключительно личным интересам того или другого дѣятеля. Поэтому — все равно признаем мы это или не признаем,—но из каждаго порядка идей вытекает извѣстный руководящій принцип, на котором нам приходится основываться при выборѣ средств для практическаго осуществленія данной идеи или для ея болѣе успѣшнаго распространенія. Этот принцип дѣйствует с неизбѣжностью естественнаго закона и сам карает всякое нарушеніе: отступая от него, вы отдаляетесь от намѣченной цѣли и достигаете результатов, совершенно обратных тѣм, к которым стремитесь.

Возьмем хотя бы пользованіе всеобщим избирательным правом, о котором мы упомянули в началѣ этой главы. Легко, конечно, говорить: «Отчего вы не попробуете послать ваших товарищей в палату: они могли бы там провести тѣ реформы, к которым вы стремитесь, или, по крайней мѣрѣ, лучше сорганизовали бы силы для будущей революціи?» Нѣт сомнѣнія, что при умно и систематически веденной оппозиціи голосованіе, как и всякое другое средство, может повести к революціи; но так как оно само есть ничто иное, как очень совершенное орудіе власти, то и вызванная им революція может быт только революціей сверху вниз, революціей чисто политической. Вот почему анархисты отрицают это средство, как отрицают и самую власть.

Если бы наш идеал заключался в том, чтобы произвести общественный переворот при помощи сильной власти, которая подчинила бы массу одной какой нибудь данной формулѣ, мы могли бы конечно попробовать воспользоваться всеобщим избирательным правом и постараться повліять на массу так, чтобы она поручила кому-нибудь из наших заботиться о своей судьбѣ и проводить наши теоріи в жизнь. Да и то, как мы уже видѣли выше, в главѣ о государственной власти, пользованіе избирательным правом могло бы выдвинуть только посредственности, потому что оно связано со столькими униженіями, с таким опошленіем для тѣх, кто добивается избранія, что ни один искренній и сколько нибудь умный человѣк не захочет стать в такое положеніе.

Причина неуспѣха коллективистов в избирательной борьбѣ всегда именно в том и заключалась, что они—люди сравнительно умные, и потому их побѣждали поссибилисты *), среди которых были только пустые болтуны, не имѣющіе ничего за душою; коллективисты же хотѣли (хотя и не вездѣ) и сохранить в неприкосновенности свои революціонныя убѣжденія и вмѣстѣ с тѣм выставить программу реформ. Понятно, что избиратель, как он ни глуп, начинал думать: «Если мнѣ все равно придется прибѣгнуть к революціи, то зачѣм же требовать реформ? Если эти реформы—не могут предотвратить необходимости взяться за оружіе, то зачѣм посылать в Палату своих депутатов, чтобы они их там предлагали?» Если даже он и не разсуждал в такой именно конкретной формѣ, в какой мы передаем (это было бы выше средняго уровня избирателей), то таков был, во всяком случаѣ, общій смысл дебатов на избирательных собраніях, такова была смутно бродившая в головах публики мысль; и вот избиратель рѣшал подавать голос или за радикалов, которые восхваляли пользу предлагаемых реформ, или за поссибилистов, которые тоже занимались восхваленіем парламентских панацей, но при этом—чтобы польстить рабочим—приправляли свои рѣчи нѣсколькими нападками на буржуазію; что касается революціи, то они совершенно не упоминали о ней, предпочитая вести интриги с чисто политическими партіями и, цѣною взаимнаго обмѣна услуг, обезпечивать избраніе своих кандидатов.

Другой недостаток избирательной системы состоит в том, что она всегда подавляет личную иниціативу, которую мы наоборот, должны всѣми силами стараться развить. Она представляет из себя орудіе власти, а мы стремимся к полному освобожденію человѣческой личности; она—орудіе угнетенія, а мы хотим, наоборот, вдохнуть в людей дух протеста. Избирательная агитація не может быть нам полезна, а может быть только вредна; поэтому мы должны выступать против пользованія ей. Раз мы говорим людям, что нужно дѣйствовать всегда только по своему внутреннему убѣжденію, что не нужно подчиняться силѣ, которая хочет заставить вас дѣлать то, что вам кажется дурным,—мы не можем, не впадая в противорѣчіе сами с собою, проповѣдовать им подчиненіе закулисным интригам какого-нибудь избирательнаго комитета, не можем совѣтовать им выбирать

*) „Поссибилисты“—„возможники“, партія, добивающаяся только „возможных“ реформ.

людей для установленія законов, которые они заранѣе обязуются исполнить, не можем приглашать их принести в жертву этимъ людямъ всякую собственную волю, всякую личную инициативу.

Это очевидное противорѣчіе должно бы было бросаться в глаза даже наименѣе проницательным людям: если бы мы в него впали, мы сами сломали бы находящееся в наших руках оружіе, потому что, унизившись до таких средств, мы оказались бы не больше не меньше, как простыми шарлатанами.

Кромѣ того, человѣк, как извѣстно не совершенен, и мы рисковали бы попасть, в своем выборѣ, на честолюбцев и интриганов, которые, раз очутившись в буржуазной средѣ, воспользовались бы этим, чтобы создать себѣ положеніе и оставить в сторонѣ всякія идеи. Что же касается людей искренних, то в этой испорченной атмосферѣ им оставалось бы одно из двух: или добросовѣстно признать свое безсиліе и удалиться, или же приспособиться к парламентским правам и самим обуржуазиться. И мы, которые стараемся предостеречь массу от увлеченія отдѣльными личностями, стараемся объяснить ей, что от них нечего ждать,—мы оказались бы в положеніи людей, потративших всѣ свои усилія на созданіе карьеры для нѣскольких человѣк. В случаѣ же, если бы они оказались измѣнниками, это бросило бы тѣнь на наши идеи. Большинство людей сказало бы: „Анархисты нисколько не лучше других“, и лишь очень немногіе сумѣли бы отдѣлить идеи от личностей, понять, что нельзя ставить в упрек первым то, что зависит исключительно от слабости или испорченности послѣдних.

И вот, потратив массу драгоцѣннаго времени и массу сил на доставленіе торжества нѣскольким личностям, мы должны были бы потерять еще столько же не менѣе драгоцѣннаго времени и потратить понапрасну еще столько же сил, ради доказательства того, что эти люди—измѣнники, но что их измѣна нисколько не касается проповѣдуемых нами идей. И неужели же послѣ этого мы опять выставили бы новых кандидатов? Конечно, нѣт! Пословица „паршивая овца все стадо портит“ очень стара, но вмѣстѣ съ тѣм и вполнѣ вѣрна; въ особенности же она вѣрна тогда, когда рѣчь идет, наоборот, об одной здоровой овцѣ, пущенной в стадо паршивых.

Мы видим, таким образом, что нам нѣт цѣли пользоваться избирательным правом: оно не только не может дать никаких результатов, но, что еще важнѣе, идет наперекор нашей цѣли, наперекор нашим принципам.

Другіе противники — а с ними вмѣстѣ и нѣкоторые анархисты — говорят, что во время революціи непремѣнно придется признать, если и не власть какого-нибудь вожака — так далеко они не идут,—то, во всяком случаѣ, превосходство какого-нибудь одного лица, и подчиниться тому авторитету, который мы за ним признаем. Это — удивительное противорѣчіе, удивительное переживаніе крѣпко укоренившихся в нас вмѣстѣ с воспитаніем предразсудков. Мы громко требуем свободы, а между тѣм в страхѣ отступаем перед ея послѣдствіями; мы не довѣряем ея силѣ и хотим, для достиженія ея, прибѣгнуть к помощи... власти! Вот она, непослѣдовательность человѣческаго ума!

Чтобы стать свободным, самое лучшее средство это—начать пользоваться этой свободой, не подчиняясь ничьей опекѣ; чтобы научить ребенка ходить, во всяком случаѣ, никогда не начинают с того, чтобы связать ему ноги!

«Однако», говорят нам, «есть вещи, которыя одни люди знают лучше, чѣм другіе; поэтому, прежде чѣм начать дѣйствовать, нужно посовѣтоваться с этими знающими людьми и послѣдовать их совѣту». Мы всегда были того мнѣнія, что инціатива отдѣльной личности нисколько не исключает взаимнаго соглашенія в виду общаго дѣла, и что из этого соглашенія вытекает всегда извѣстная организація, извѣстное раздѣленіе труда, в силу котораго каждый становится солидарным со всѣми остальными и приспособляется в своей дѣятельности к дѣятельности своих товарищей по борьбѣ или по работѣ; но от этого еще очень далеко до обязательства для каждой отдѣльной личности подчинять свою волю тому, кто будет признан болѣе компетентным в той или иной опредѣленной области.

Когда мы, напримѣр, отправляемся компаніей на прогулку и поручаем тому из нас, кто лучше других знает мѣстность, привести нас к намѣченной цѣли, то развѣ это значит, что мы избрали его своим вождем и обязались слѣпо идти за ним, куда бы ему не вздумалось нас повести? Развѣ мы даем ему в руки силу, которой бы он мог принудить нас подчиниться в случаѣ, если мы бы отказались за ним слѣдовать? Конечно, нѣт. Если среди нас есть человѣк, который знает дорогу, мы идем за ним, потому что предполагаем, что он сможет привести нас к цѣли, и знаем, что он сам идет туда же, но этим мы нисколько не отрекаемся от своей собственной воли. Если во время пути кто-нибудь из нас замѣтит, что наш провожатый ошибается, или хочет завести нас не туда, мы постараемся гдѣ-

нибудь получить вѣрныя свѣдѣнія о дорогѣ и пойти по тому пути, который покажется нам наиболѣе коротким или пріятным.

Не иначе должно быть и в борьбѣ. Прежде всего, анархистам нужно отказаться от борьбы цѣлыми арміями против армій, от правильных сраженій в открытом полѣ, от военной стратегіи и тактики, управляющей полками, как шахматный игрок управляет фигурами на доскѣ. В борьбѣ нужно, главным образом, направить свои удары на учрежденія—сжечь документы, устанавливающіе права на собственность, податные реестры, нотаріальные акты, разрушить межевые знаки, уничтожить всевозможныя оффиціальныя записи и т. д. Экспропріація капиталистов, захват собственности в общую пользу, предоставленіе массѣ пользоваться предметами потребленія—все это дѣло скорѣе небольших и разсѣянных групп, дѣло мелких стычек, чѣм правильных сраженій. Эту борьбу анархисты должны будут постараться начать в возможно большем числѣ пунктов, чтобы таким образом напасть на правительство со всѣх сторон и, принудив его раздѣлить свои силы, разбить его по частям.

Но для этого рода борьбы не нужно никаких вождей. Если кто-нибудь задумает то или другое дѣло, он примется за него сам и постарается привлечь товарищей, которые, если предпріятіе им понравится, послѣдуют за ним, нисколько не отказываясь этим от своей собственной иниціативы; они просто пойдут за тѣм, кто им покажется способным руководить данным дѣлом, но если во время борьбы явится другой и предложит иной путь, то этот другой не подумает спрашивать у перваго разрѣшенія поступить по своему, а прямо предложит свой план, на который другіе согласятся, или не согласятся, смотря по тому, покажется он им цѣлесообразным или нѣт.

Идея анархизма требует, чтобы тот, кто что-нибудь знает, дѣлился своими знаніями с другими, чтобы тот, кому первому пришел в голову какой-нибудь проэкт, принимался за его осуществленіе, объяснив его тѣм, кого он хочет за собою увлечь; но никто не должен отрекаться, хотя бы временно, от своей воли: власти не существует, а существуют только равныя между собою личности, взаимно помогающія друг другу, сообразно своим способностям, не отказываясь ни от своих прав, ни от своей независимости. А чтобы доставить торжество анархическим идеям, самое лучшее средство, это—прилагать их на практикѣ.

То же самое можно сказать и о всѣх тѣх средствах борьбы, на которыя нам указывают. Есть, напримѣр, анархисты, кото-

рые из ненависти к собственности доходят до оправданія воровства, и даже—доводя эту теорію до абсурда—до снисходительнаго отношенія к воровству между товарищами.

Мы не намѣрены, конечно, заниматься обличеніем воров: мы предоставляем эту задачу буржуазному обществу, которое само виновато в их существованіи. Но дѣло в том, что когда мы стремимся к разрушенію частной собственности, мы боремся главным образом против присвоенія нѣсколькими лицами, в ущерб всѣм остальным, нужных для жизни предметов; поэтому всякій, кто стремится создать себѣ какими бы то ни было средствами такое положеніе, гдѣ он может жить паразитом на счет общества, для нас — буржуа и эксплуататор, даже в том случаѣ, если он не живет непосредственно чужим трудом, а вор есть ничто иное, как буржуа без капитала, который, не имѣя возможности заниматься эксплуатаціей законным путем, старается сдѣлать это помимо закона—что нисколько не мѣшает ему, в случаѣ, если ему удастся самому сдѣлаться собственником, быть ревностным защитником суда и полиціи.

Какое для нас, революціонеров, лучшее средство достигнуть революціи? Развитіе человѣческаго достоинства, подъем нравственнаго уровня, развитіе в человѣкѣ независимости и гордости, которыя заставляют его не подчиняться чужому произволу, сопротивляться всякому угнетенію, возставать против всего, что ему кажется ошибочным или нелѣпым. Всѣ окольные пути, всѣ мелочныя и унизительныя уловки, всѣ старанія обойти тот или другой пункт закона могут с нашей точки зрѣнія, только повредить пропагандѣ, только отдалить нас от цѣли. Они принуждают к таким низменным поступкам, которые мы, вообще, отвергаем, и вмѣсто того, чтобы возвышать характер человѣка, наоборот, портят и принижают его, пріучая употреблять всю свою энергію на мелочи. Мы одобряем, напримѣр, (и хотѣли бы, чтобы подобные факты повторялись чаще) человѣка, который, будучи поставлен нашей общественной организаціей в невозможность жить, открыто и силой захватывает то, что ему нужно, громко провозглашая свое право на существованіе; но мы относимся совершенно холодно и равнодушно к поступкам, входящим в категорію обыденнаго воровства, потому что в них нѣт того характера общественнаго протеста, который, по нашему мнѣнію, должен быть ясно виден во всем, что дѣлается с цѣлью пропаганды.

То же самое можно сказать и о «пропагандѣ дѣлом». Чего только не говорилось по этому поводу, каких только нелѣпых взглядов не высказывалось, как со стороны защитников, так и со стороны противников этого пріема борьбы?

„Пропаганда дѣлом“ есть ничто иное, как мысль, перешедшая в дѣйствіе, а в предыдущей главѣ мы видѣли, что сильно чувствовать что-нибудь значит вмѣстѣ с тѣм стремиться примѣнить свое чувство в практической жизни. Это—достаточный отвѣт противникам. Но, с другой стороны, мы встрѣчали и таких сильно увлекающихся, но мало думающих анархистов, которые хотѣли свести все к одной только пропагандѣ дѣйствіем; убивать буржуа, истреблять фабрикантов, поджигать фабрики, разрушать зданія—внѣ этого для них не существовало ничего. Всякій, кто не говорил об убійствах или поджогах, не был, в их глазах, достоин названія анархиста.

Мы вполнѣ сочувствуем практическому дѣлу вообще: дѣло, это, как мы уже говорили — цвѣт мысли. Но нужно всетаки, чтобы оно имѣло какую нибудь цѣль, чтобы человѣк сознавал, что он дѣлает: иначе его дѣйствіе обратится против него самого.

Представим себѣ, напримѣр, что сгорит какой-нибудь, находящійся в полном ходу, завод, на котором работают, скажем 50, 100, 200 или 300—все равно, сколько — рабочих. Хозяин этого завода ничѣм не отличается от всѣх остальных: он не хорош, не дурен, ничего особеннаго сказать о нем нельзя. Ясно, что если кто-нибудь ни с того ни с сего подожжет этот завод, то из этого выйдет только то, что рабочіе окажутся выброшенными на улицу и, раздраженные бѣдственным положеніем, в котором они временно очутятся, несомнѣнно не станут доискиваться мотивов, которые толкали поджигателя, а обратятся против него и против вдохновляющих его идей. Вот—послѣдствія необдуманнаго поступка.

Но допустим, что борьба между хозяевами и рабочими обострилась, что происходит стачка. В числѣ хозяев есть такіе, которые выдаются среди остальных своей жестокостью—которые вызвали своей особенно сильной эксплуатаціей эту стачку, или своим упорством затягивают ее, мѣшая другим хозяевам уступить; они, несомнѣнно, навлекут на себя непріязнь рабочих. Представим себѣ теперь, что такого хозяина найдут гдѣ-нибудь убитым, причем тут же будет записка, объясняющая, что его убили именно как эксплуататора, или допустим, что по тѣм же причинам подожгут его завод. Тут же уже сомнѣнія в мотивах

дѣйствія быть не может, и мы увѣрены, что рабочій мір встрѣтит такой акт сочувственно. Это—поступок обдуманный. В каждом данном случаѣ, слѣдовательно, нужно подчинять свои дѣйствія общему руководящему принцицу.

«Цѣль оправдывает средства»—лозунг іезуитов. Правда, нѣкоторые из наших товарищей хотят примѣнить его к анархическому движенію, но в сущности он годится только для людей, которые ищут эгоистическаго удовлетворенія своих личных потребностей, не заботясь о тѣх, кого они могут оскорбить, или кому могут повредить по пути. Но когда человѣк ищет себѣ удовлетворенія в проведеніи в жизнь принципов солидарности и справедливости, употребляемыя им средства должны быть всегда подчинены цѣли; в противном случаѣ они приведут к результатам, обратным тѣм, которых от них ожидают.

Глава XVIII.

Революція и анархизм.

Это различіе во взглядах на пріемы борьбы зависит от того, что нѣкоторые увлекающіеся товарищи, мало задумываются над идеями и в сущности, имѣют в виду исключительно только революцію, даже тогда, когда им кажется, что они борятся за анархическій идеал. Они думают, что этот идеал цѣликом заключается в революціи, совершенно также, как республиканцы думали когда то, что стоит только провозгласить республику, чтобы открылась эра всеобщаго счастья и благоденствія. Нам нечего напомнить читателю о тѣх разочарованіях, которыя пришлось испытать рабочей массѣ послѣ установленія республиканскаго правленія; постараемся же предотвратить тѣ, не менѣе ужасныя, разочарованія, которых нам не миновать, если мы не отвыкнем ждать всего от революціи и дѣлать из нея цѣль, когда она есть не болѣе как средство.

Наши товарищи исходят из той—может быть и очень рекомендующей их—мысли, что можно сгруппировать людей заранѣе в виду революціи, и как только их соберется болѣе или менѣе значительное число, попытаться вызвать какое-нибудь возстаніе; они думают, что можно искусственно создать такое положеніе дѣл, при котором революція вспыхнет, а затѣм уже организованныя революціонныя группы постараются придать ей должное направленіе. Отсюда их сочувственное отношеніе к нѣкоторым пріемам борьбы, которые, как им кажется, могут приблизить этот момент; отсюда их старанія сгруппировать всѣ

революціонныя силы вокруг одной смѣшанной революціонной программы, оставляя в сторонѣ такія подробности и оттѣнки мнѣній, которые могут внести разногласія и отдалить нѣкоторых лиц, которых они считают обладающими революціонным темпераментом.

Мы же, наоборот, увѣрены в том, что революція придет сама и прежде, чѣм мы будем достаточно многочисленны чтобы ее вызвать; мы думаем, что современная общественная организація неизбѣжно ведет к этому и что если существующій экономическій кризис усложнится каким-нибудь политическим событіем, то это может явиться искрой, которая подожжет порох; то движеніе, которое наши товарищи хотят вызвать искусственно, вспыхнет, таким образом, само.

Всякому, кто не хочет закрывать глаз на дѣйствительность и прятать, как страус, голову под крыло, ясно, что настоящее положеніе не может продолжаться долго. Недовольство царит повсюду; именно ему буланжизм был обязан той силой, с которой он охватил Францію, и если это движеніе окончилось неудачей, то это зависѣло исключительно от глупости и трусости стоявших во главѣ его людей. Но то, что не удалось одним, может удастся другим.

Если в настоящее время это недовольство и не выражается так рѣзко, как во время буланжизма, оно однако существует; оно не менѣе распространено, не менѣе глубоко. Промышленный кризис не только не смягчается, но все усиливается; найти работу становится все труднѣе и труднѣе; безработица затягивается и армія безработных дѣлается все многочисленнѣе и многочисленнѣе. И всякій раз, как приходит зима, мы всякій раз вновь и вновь видим длинныя вереницы нищих, дрожащих от холода и голода, с тревогой ожидающих у ворот казарм, больниц, ресторанов и нѣкоторых благотворительных учрежденій, той минуты, когда можно будет получить тарелку супа или кусок хлѣба. А так как такое положеніе не может продолжаться долго, то людям, наконец, надоѣст умирать с голоду и они сдѣлают революцію.

И вот, когда эта революція произойдет, вліяніе анархическихъ идей будет, по нашему мнѣнію, тѣм сильнѣе, чѣм больше онѣ за это время успѣют распространиться, чѣм лучше онѣ будут поняты, чѣм полнѣе будут онѣ выяснены и очищены от всѣх тѣх предразсудков, которые еще живут в нас благодаря привычкѣ, наслѣдственности и воспитанію. Наша цѣль, поэтому—

прежде всего выяснять и распространять наши идеи и образовывать группы товарищей сознательных, избѣгающих всяких уступок, которыя могли бы стушевать часть нашего идеала, всяких союзов ради увеличенія нашей численности, союзов, которые могут рано или поздно явиться нам помѣхою и вызвать сомнѣніе относительно наших настоящих цѣлей.

Итак, революція для нас не цѣль, а средство—средство, несомнѣнно неизбѣжное й к которому, навѣрное, придется прибѣгнуть, но имѣющее цѣнность постольку, поскольку оно ведет к цѣли. Предоставим самому обществу создавать своей несправедливостью недовольных, протестующих, революціонеров; наше же дѣло — создавать людей сознательных, знающих, чего они хотят, одним словом—настоящих анархистов. Они несомнѣнно, должны быть революціонерами, но пусть они останавливаются не только на идеѣ насильственнаго переворота, но и на той цѣли, которой он должен послужить.

Мы заранѣе предвидим возможныя возраженія: „Что сдѣлали до сих пор всѣ ваши прекрасныя теоріи относительно личной иниціативы и самодѣятельности?“ скажут нам. „Что дѣлают ваши разсѣянныя повсюду и не связанныя между собою группы? Развѣ вам самим не приходится бороться против различных поступков и взглядов, прикрывающихся названіем анархических, но которых вы не хотите признать таковыми?“

Анархическая пропаганда дѣйствительно не дала до сих пор всѣх тѣх результатов, которые она может дать; ее дѣйствительно поняли далеко не всѣ тѣ, кто заявляет себя ея сторонниками; но это только доказывает, что наши идеи нужно продолжать разрабатывать, не боясь повтореній, чтобы сосредоточить вниманіе именно на тѣх пунктах, которые наиболѣе нужно выяснить.

Кромѣ того, если в дѣятельности анархистов и не хватает иногда, сознательной осязательной стройности, практической организаціи, то она тѣм не менѣе ведется довольно энергично и у них, во всяком случаѣ, есть та послѣдовательность и стройность, которая вытекает из общности ясно замѣченной цѣли. Во Франціи, в Испаніи, в Италіи, в Англіи, в Америкѣ, в Австраліи—повсюду анархисты стремятся к уничтоженію частной собственности и государственной власти, к полной и безусловной независимости личности. В этом общая основа всѣх их взглядов.

В вопросѣ о способах достиженія общей цѣли могут, конечно, быть разногласія: идеальное единство пока еще не устано-

вилось. Но мало-по-малу мы к этому приближаемся и, как только исчезнет боязнь нѣкоторых слов, под которыми люди понимают самыя различныя вещи, мы увидим настоящее взаимное соглашеніе между группами разных стран, настоящую серьезную организацію, основанную на совершенно свободных началах и тѣм болѣе прочную, что она будет вытекать из самой практики, а не из искусственнаго и основаннаго на уступках договора.

Что же касается существованій таких теорій и поступков, от которых слѣдует сторониться, то, дѣйствительно, существует в движеніи извѣстное направленіе—направленіе, несомнѣнно имѣющее полицейскій источник, но распространяющееся благодаря искреннему увлеченію нѣкоторых из наших товарищей—против котораго мы всѣми силами должны бороться.

Но отрицать принципы и все только призывать к революціи—плохое средство уберечься от предателей, от ложных идей, от ложных принципов. Есть только один путь для разграниченія между идеями дѣйствительно анархическими и мнѣніями, высказываемыми с цѣлью свести движеніе с его настоящей дороги: это—стараться еще лучше выяснить наши взгляды, еще полнѣе очистить их от всѣх переживаній стремленія к господству над другими. Мы должны стремиться к тому, чтобы люди, к которым мы обращаемся, нас понимали и умѣли сами отличить, имѣет ли данный поступок анархическій характер, или нѣт; это будет гораздо дѣйствительнѣе чѣм заранѣе высказанное осужденіе той или другой категоріи дѣйствій.

Правда, то, что происходит в настоящую минуту в наших рядах, может иногда внушить людям, с нетерпѣніем ожидающим осуществленія нашего идеала счастья и гармоніи, сомнѣніе в возможности его, в возможности водворенія согласія среди того хаоса идей, которыя, под именем анархизма, борятся в наше время так или иначе с буржуазным строем. Но развѣ всякая новая идея, стремящаяся к разрушенію существующаго, не создает временно хаоса и безпорядка? Повторяем: предоставим нашим нетерпѣливым товарищам немного успокоиться, и займемся болѣе точной разработкой идей; по мѣрѣ того, как онѣ будут серьезнѣе обдумываться и сознательнѣе восприниматься, онѣ сами уложатся в систему, и эта система будет тѣм стройнѣе, чѣм меньше препятствій мы будем ставить свободному развитію мысли. Развитіе анархической идеи само создаст сознательных людей и увеличит таким образом вѣроятность успѣха для будущей революціи.

Зарожденіе этого, ошибочнаго взгляда на принципы, как на лишнее стѣсненіе в революціонной борьбѣ, в значительной степени зависѣло от того, что при видѣ хаоса в идеях и поступках, царящаго вокруг них, многіе из наших товарищей начинали с одной стороны отчаиваться в возможности сгруппировать силы в виду революціи, а с другой—относиться как к метафизикѣ к обсужденію всяких идейных вопросов. Не находя в нашем собственном запасѣ идей этой силы, они вообразили, что ее можно получить из другого источника, и вернулись к средствам борьбы, прямо заимствованным из понятій государственных. При этом они самым наивным образом думают, что, перемѣнив названія, они измѣнили и самыя понятія. Нетерпѣніе мѣшает им видѣть, что, несмотря на свою кажущуюся разрозненность, усилія борцов тѣм не менѣе всѣ ведут к одной цѣли, и этому объединенію остается только сдѣлаться сознательным, чтобы пріобрѣсти всю ту силу, которую они хотѣли бы ему придать и которая в дѣйствительности может явиться только слѣдствіем полнаго развитія идей.

Мы хотим, говорят они нам, чтобы когда кто-нибудь из товарищей обѣщает нам свое содѣйствіе в каком-нибудь дѣлѣ, мы могли на него разсчитывать, и чтобы он не нарушил своего обѣщанія, укрываясь за свободу, за независимость личности и т. д. Мы совершенно с этим согласны, но мы думаем вмѣстѣ с тѣм, что дѣло пропагандиста показать людям, что они должны брать на себя обязательство только тогда, когда увѣрены, что выполнят его, и что, раз уже они дали обѣщаніе, простая честность заставляет исполнить его. Конечно, при этом приходится бороться с тѣм самым деморализующим направленіем, о котором мы говорили выше, но опять таки доказать преимущества солидарности и полнаго довѣрія между товарищами может только пропаганда. Какая польза от того, что от человѣка заранѣе потребуют взять на себя то или иное обязательство? Допустим даже, что мы напишем огромными буквами в заранѣе выработанных программах, что люди должны исполнять то, что они обѣщали; что же нам из этого, у нас нѣт в руках никакой силы, чтобы принудить тѣх, кто захочет нарушить свое обѣщаніе, к исполненію его?

Будем меньше руководствоваться нашим нетерпѣніем и больше—голосом разсудка, и мы увидим, что метафизика не всегда бывает на той сторонѣ, гдѣ ее ищут.

Глава XIX.

Безполезность реформ.

Разбирая вопрос о том, что заставляет нас быть революціонерами, мы уже видѣли, что сам современный строй порождает и нищету и недовольство и, таким образом, неизбѣжно ведет к революціонному протесту; а раз уже мы, самой силой вещей, принуждены участвовать в этой революціи, то самое лучшее, что мы можем сдѣлать, это—начать к ней приготовляться. Есть и еще одно соображеніе, о котором мы упоминали лишь вскользь, но которое также очень важно; оно объясняет почему анархисты не борятся за осуществленіе нѣкоторых реформ, которыя многіе представляют рабочим как лѣкарство от всѣх зол, или как средство достигнуть освобожденія мало-по-малу и мирным путем.

Мы убѣждены в том, что при существующем капиталистическом строѣ, при дѣленіи общества на два класса, из которых один живет на счет другого, всякое улучшеніе в положеніи класса эксплуатируемаго будет, вмѣстѣ с тѣм, ослабленіем привиллегій класса эксплуататоров. Поэтому одно из двух: или данная реформа есть ничто иное как мираж, как приманка, выдуманная для того, чтобы усыпить рабочих и, заставить их потратить всѣ свои силы на пріобрѣтеніе мыльных пузырей, которые тотчас же лопнут, как только их захотят взять в руки, или же эта реформа дѣйствительно может измѣнить положеніе дѣл. В послѣднем случаѣ привиллегированный класс, стоящій

у власти, сдѣлает все возможное, чтобы помѣшать ея осуществленію, или обратить ее в свою пользу, и тогда рабочим придется опять-таки прибѣгнуть к рѣшительному средству, к силѣ.

Мы не думаем заниматься разбором всѣх планов реформ, всѣх избирательных фантазій, изобрѣтаемых ищущими новинок политиками или жаждущими избранія кандидатами: для этого нам потребовались бы цѣлые томы. Но мы надѣемся, что читатель уже убѣдился в том, что источник существующей бѣдности лежит в плохом экономическом строѣ, и что он легко поймет, почему мы оставляем в сторонѣ всѣ реформы, относящіяся к чисто-политическим перемѣнам. Что касается реформ экономических, то таких, которыя стоило бы разбирать, очень немного и их легко перечислить: это—подоходный налог, сокращеніе рабочаго дня и установленіе минимума заработной платы, увеличеніе налогов на наслѣдства и уничтоженіе права наслѣдства для наслѣдников не по прямой линіи. Прибавим к этому еще и устройство рабочих синдикатов и превращеніе их в потребительныя товарищества, и мы получим весь реформаторскій багаж тѣх, кто хочет преобразовать общество путем постепенной эволюціи. По количеству это немного; посмотрим, каково качество.

Во-первых, подоходный налог. Его уже давно проповѣдуют как лѣкарство от всѣх зол, но понемногу он начинает терять свое прежніе обаяніе. Это—одна из тѣх реформ, которыми различнаго рода политиканы успѣшнѣе всего прельщали рабочих и которыя пользовались наибольшей популярностью: в самом дѣлѣ эта реформа, казалось, должна была возложить заботу о государственных издержках на богатых и возстановить нѣкоторое равновѣсіе в обществѣ, заставив каждаго члена его участвовать в расходах сообразно количеству тѣх услуг, которыя общество ему оказывает.

Но стоит только внимательнѣе присмотрѣться к общественному механизму и поискать, в чем состоят дѣйствительные источники богатства, чтобы увидать, что эта реформа не может измѣнить ничего, что она — ничто иное, как грубая ловушка для рабочих, с цѣлью подать им ложную надежду на неосуществимыя улучшенія и помѣшать искать болѣе дѣйствительных средств к освобожденію.

Есть, правда, среди буржуазіи люди, которые, при одном намекѣ на подоходный налог, пугаются и уже представляют себя «ограбленными» в пользу «черни»; людей, которые дро-

жат и прячутся при малѣйшей тревогѣ, что не мѣшает им кричать точно их рѣжут, как только кто-нибудь сдѣлает вид, что хочет тронуть их привиллегіи, не мало среди буржуазіи. Возможно также, что в числѣ тѣх, кто защищает эту реформу, есть и люди искренніе, дѣйствительно вѣрящіе в ея полезность. Во всяком случаѣ, как крики ужаса одних, так и наивная вѣра других, ведут к тому, что обманутые рабочіе принимают эту игру за серьезное дѣло и перестают слушать тѣх, кто доказывает, что им нечего ждать от эксплуататоров и что дѣйствительно освобожденіе наступит для них только тогда, когда эти эксплуататоры исчезнут.

В старыя времена, когда существовала десятина, рабочій народ знал, сколько именно он платит своим господам и угнетателям: столько-то шло помѣщику, столько-то попу, столько-то тому, столько-то другому. В концѣ-концов, он замѣтил, что для него самого остается при такой системѣ слишком мало, и устроил революцію. Власть перешла в руки буржуазіи, а так как народ боролся за уничтоженіе десятины, то возстановить ее было бы слишком неосторожно. И вот, буржуазія изобрѣла прямые и косвенные налоги. Та же десятина продолжала взиматься попрежнему, но только деньги государству платили прежде всего капиталисты, торговцы и различнаго рода посредники, которые уже затѣм с избытком вознаграждали себя на счет карманов производителей и потребителей. А так как послѣдніе не имѣют дѣла непосредственно с казной, то они и не могут дать себѣ точнаго отчета в том, сколько именно они платят; все идет таким образом, к лучшему в лучшем из буржуазных міров.

Во Франціи, говорят нам, на каждаго человѣка приходится от 130 до 140 франков податей в год; вѣдь это — сумма настолько незначительна, что не стоит отказывать себѣ в удовольствіи имѣть за такую дешевую плату, почти даром, правительство, которое берет на себя заботу о вашем благополучіи! Это, конечно, даром, но дѣло в том, что, рабочій не замѣчает, что, так как только он производит, то только он и платит: он вносит не только ту сумму, которая приходится на его долю, но и то, что приходится на долю разных паразитов, живущих продуктами его труда.

Сколько бы софизмов не пускали в ход буржуазные экономисты ради оправданія существованія капиталистов, во всяком случаѣ несомнѣнно одно: капитал сам умножаться не может, а может быть только продуктом труда; но так как капиталисты

сами не работают, то их капитал должен быть результатом труда других. Вся торговля между отдѣльными личностями и между народами, весь обмѣн, всѣ международныя сношенія — все это существует благодаря труду, а барыш, получаемый различными посредниками, есть ничто иное, как та же десятина, взимаемая владѣтелями капитала с труда производителей.

Если мы получаем от земли различные продукты: хлѣб, овощи, плоды, служащіе нам в пищу, лен и коноплю, которые мы употребляем на одежду, то развѣ мы обязаны этим вложенному в землю капиталу? Развѣ благодаря ему существуют пастбища для нашего скота? Развѣ одной силы капитала было бы достаточно для полученія из копей металлов, нужных нам в разных отраслях нашей промышленности, для машин и для всевозможных инструментов? Развѣ капитал обрабатывает сырой матеріал и превращает его в предметы потребленія? Никто не рѣшится этого утверждать, и даже сама буржуазная политическая экономія, все сводящая к капиталу, не идет так далеко: она старается только доказать, что раз капитал необходим для всякаго промышленнаго предпріятія, он имѣет право на долю — и притом самую большую — в получаемой прибыли, в вознагражденіе за тот риск, которому он якобы подвергается.

Чтобы показать безполезность капитала, прибѣгнем к извѣстной и много раз уже служившей гипотезѣ: представим себѣ, что всѣ виды денег — золотыя и серебряныя монеты, банковые билеты, векселя, чеки и другія цѣнныя бумаги — исчезли; что же, неужели производство от этого пріостановится? Неужели крестьянин перестанет обрабатывать землю, углекоп — работать в копях, фабричный рабочій — производить различные предметы потребленія? Неужели рабочіе не найдут средства устроить обмѣн продуктов и продолжать жить и производить, несмотря на устраненіе денег? Отвѣт на эти вопросы может быть только один, и он ясно показывает нам, что капитал служит лишь маской, скрывающей безполезность общественных паразитов и позволяющей им взимать за свое посредничество дань с рабочаго класса. Поэтому, к каким бы средствам государство не прибѣгло для обложенія налогами доходов с капитала, эти налоги в концѣ концов все равно падут на производителей, потому что и сами доходы зависят исключительно от труда этих послѣдних.

Чѣм больше будет этот налог, тѣм большею тяжестью он ляжет на рабочих, а разнаго рода посредники еще увеличат ее. И, в концѣ концов, благодаря недостаткам, присущим нашему

общественному строю, хваленая реформа обратится в новое орудіе эксплуатаціи и грабежа.

Послѣ подоходнаго налога, уже пережившаго время наибольшей своей популярности, самой излюбленной реформой является в настоящее время сокращеніе рабочаго дня с установленіем минимальной заработной платы.

Установить — в пользу рабочих — извѣстныя опредѣленныя отношенія между трудом и капиталом, добиться того, чтобы работать не двѣнадцать часов в день, а восемь — кажется, с перваго взгляда громадным шагом вперед; нѣт поэтому ничего удивительнаго, если многіе увлекаются этим паліативом и употребляют на достиженіе его всѣ свои силы, в полной увѣренности, что работают для освобожденія рабочаго класса. Но мы уже видѣли, когда нам пришлось говорить о государственной власти, что у этой власти есть только одна задача: это — поддержаніе существующаго порядка вещей. Поэтому, требовать, чтобы государство вмѣшивалось в отношенія между трудом и капиталом, значит идти наперекор всякой логикѣ: это вмѣшательство может оказаться выгодным только для тѣх, чьи интересы государство призвано защищать. Мы уже видѣли на примѣрѣ подоходнаго налога, что роль капиталиста — существовать на счет настоящаго производителя; поэтому, совѣтовать рабочим просить у буржуазіи ограничить свои доходы, когда она только и старается о том, чтобы их как-нибудь увеличить,—значит не больше не меньше, как жестоко смѣяться над ними. Даже для политическихъ измѣненій, гораздо менѣе важных, чѣм это, и то потребовались цѣлыя революціи.

Если рабочій день будет уменьшен до восьми часов, говорят нам защитники реформы, это уменьшит безработицу, происходящую от перепроизводства, и даст возможность рабочим поднять впослѣдствіи заработную плату. С перваго взгляда, это разсужденіе кажется вполнѣ правильным, но для всякаго, кто попытается дать себѣ отчет в явленіях, связанных с современным строем нашего так называемаго общества, скоро станет ясна ошибочность его.

Мы уже видѣли выше, что излишек товаров в торговых складах происходит не от слишком больших размѣров производства, а от того, что большинство производителей живет в нуждѣ и не может потреблять столько, сколько ему нужно. Самый правильный путь для рабочаго, чтобы обезпечить себѣ работу, это— захватить в свои руки всѣ тѣ продукты, которых его лишают

и употребить их на удовлетвореніе своих потребностей. На этой сторонѣ вопроса мы поэтому останавливаться не будем; мы хотим только показать, что эта реформа не может принести рабочим и никакой денежной выгоды.

Когда капиталист вкладывает свои капиталы в какое-нибудь промышленное предпріятіе, он имѣет в виду, что это предпріятіе будет приносить ему доход. При настоящих условіях, напримѣр, он считает, что для полученія извѣстнаго барыша ему нужно десять, одиннадцать или двѣнадцать часов труда его рабочих. Если вы уменьшите продолжительность рабочаго дня, эти разсчеты нарушатся, и барыш предпринимателя падет, а так как капитал непремѣнно должен приносить ему извѣстный опредѣленный процент и весь труд капиталиста именно в том и состоит, чтобы найти путь к этому, покупая как можно дешевле и продавая как можно дороже (т. е. обкрадывая как можно лучше всѣх тѣх, с кѣм он входит в сношенія), то он примется искать новаго способа наживы, с цѣлью вознаградить себя за понесенный убыток.

Ему представятся для этого три пути: или повысить цѣну продуктов, или уменьшить плату рабочим, или, наконец, заставить этих послѣдних производить в восемь часов то, что они раньше производили в двѣнадцать.

Против второго из этих способов сторонники реформы оберегаются тѣм, что требуют одновременнаго установленія минимальной заработной платы. Что касается перваго, то вряд ли предприниматели будут разсчитывать на повышеніе цѣн продуктов, потому что им помѣшает в этом конкурренція; но во всяком случаѣ, если бы дороговизна жизни возросла по мѣрѣ увеличенія заработной платы, то это послужило бы доказательством того, что всю тяжесть реформы опять-таки придется нести рабочему. Если он будет получать за восемь часов работы то же, что получает теперь, то его положеніе окажется худшим, потому что повышеніе цѣн сдѣлает для него этот заработок сравнительно меньшим.

На примѣрѣ сѣверной и южной Америки мы видим, что повсюду, гдѣ рабочему удалось добиться высокой заработной платы, одновременно с этим увеличилась дороговизна жизни: если рабочему случается получать в день двадцать франков, то это значит, что для того, чтобы жить так, как может жить человѣк, имѣющій хорошій заработок, ему нужно было бы двадцать пять;

этот заработок всегда, таким образом, остается ниже средняго необходимаго уровня.

Но в наш вѣк пара и электричества, конкурренція требует от производства быстроты и дешевизны; поэтому для вознагражденія своих убытков эксплуататоры не будут особенно разсчитывать на вздорожаніе продуктов. Самым удобным средством охранить свои барыши явится для них третье, т. е. они постараются заставить рабочих производить въ восемь часов то, что они производили въ двѣнадцать.

Рабочему придется работать быстрѣе, а благодаря этому то загроможденіе рынка товарами и та безработица, которых хотѣли избѣгнуть, останутся прежними: размѣры производства не измѣнятся, а возможности потреблять будет у рабочаго не больше, чѣм теперь.

Но этой безуспѣшностью реформы дѣло не ограничится: уменьшеніе рабочаго дня поведет за собою, прежде всего, введеніе болѣе совершенных машин и замѣну живого рабочаго рабочим желѣзным. В благоустроенном обществѣ это было бы шагом вперед, но в нашем—оказывается только лишней причиной бѣдности. Кромѣ того, при болѣе скорой работѣ, рабочему придется усилить быстроту своих движеній, больше сосредоточиваться на своей работѣ, а это напряженіе сил всего организма будет для него еще болѣе вредным, чѣм продолжительность труда. Правда, он будет работать меньшее число часов, но он будет тратить в это гораздо болѣе короткое время больше сил, а потому будет утомляться сильнѣе и скорѣе.

Если мы обратимся к примѣру Англіи, на которую нам указывают сторонники реформы и гдѣ рабочій день сведен к 9-ти часам, то мы увидим, что это «улучшеніе» является, в дѣйствительности скорѣе «ухудшеніем» для рабочих. В подтвержденіе сошлемся на того самаго Маркса, котораго иниціаторы реформы считают своим оракулом.

В первом томѣ «Капитала» мы находим слѣдующую выдержку из доклада одного фабричнаго инспектора (стр. 418 перваго русскаго изданія): «Так, напримѣр, относительно гончарнаго производства фирма Cochrane под названіем «Britain Pottery, Flasgow» говорит: «чтобы поддержать количество продуктов, мы усиленно вводим в употребленіе машины с неискусными рабочими, мы ежедневно болѣе и болѣе убѣждаемся, что можем этим путем производить больше, нежели старым способом»....

«Вліяніе фабричнаго закона выражается в том, что он понуждает к дальнѣйшему введенію машин».

А на стр. 370 мы находим слѣдующее:

«Поэтому, хотя инспекторы фабрик без устали, имѣя на это полное право, восхваляли благопріятные результаты фабричных законов 1848—1850 гг., однако они сознаются, что сокращеніе рабочаго дня вызвало усиленіе напряженія труда, разрушающее здоровье, а слѣдовательно и самую рабочую силу. «Кажется, в большей части хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых фабрик изнуреніе, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія,—необходимаго для работ при машинах, движеніе которых в послѣдніе годы так необыкновенно ускорилось,—составляет одну из причин сильно-увеличивающейся смертности от болѣзней легких», как показал D-r. Greenhow в своем превосходном послѣднем отчетѣ. Коль скоро капиталу прегражден законом путь **удлиненія рабочаго дня**, то ***не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію*** *), что он будет стремиться наверстать ато систематическим повышеніем **степени интенсивности труда**, и обратить каждое усовершенствованіе машины в средство сильнѣйшаго высасыванія рабочей силы. Но это стремленіе, дойдя до извѣстной степени, необходимо ведет за собою новое сокращеніе рабочих часов".

Итак, замѣна рабочаго машиной и большая опасность заболѣть для того, кто работает, вообще—уничтоженіе всякаго вліянія реформы и возвращеніе к исходной точкѣ (даже оставляя в сторонѣ происшедшія ухудшія)—таковы выгоды этой благодѣтельной реформы. Результаты, кажется, достаточно ясные.

„Все это—правда", возразят нам, „но вѣдь развитіе машинизма все равно произойдет, даже если мы будем работать двѣнадцать часов. Уменьшеніе рабочаго дня все-таки вносит хотя бы временное улучшеніе, потому что дает нам возможность оставаться на фабрикѣ не двѣнадцать часов, а всего восемь, а это—нравственная побѣда, которой мы пока и довольствуемся". Такое возраженіе показывает только, что наши противники обладают добрым сердцем и довольствуются малым; но мы, анархисты,—болѣе требовательны и находим, что нечего попусту терять время, гоняясь за преобразованіями, которыя ровно ничего не преобразуют. Стоит ли пропагандировать мѣру, которая хороша только пока не примѣнена на практикѣ, а как только переходит в жизнь, так обращается против преслѣдуемой цѣли?

*) Курсивъ нашъ.

Машинизм, конечно, постепенно развивается, но в настоящее время это развитіе, благодаря господствующей рутинѣ, совершается довольно медленно. Извѣстно, сколько сил приходится употребить на то, чтобы заставить принять какое нибудь новое изобрѣтеніе: эксплуататоры порывают с рутиной только тогда, когда им приходится сдѣлать это под угрозою разоренія. Все это ускоряет ход событій и приближает ту соціальную революцію, которую мы предвидим. А так как она все равно неизбѣжна, то мы не хотим быть застигнутыми врасплох и стараемся приготовиться заранѣе, чтобы в момент, когда она произойдет, воспользоваться ею соотвѣтственно нашим убѣжденіям. Мы стремимся внушить рабочим, что им нечего ждать от подобнаго рода дѣтских забав и что единственный путь к преобразованію общества, это—разрушеніе управляющих им учрежденій.

В самом дѣлѣ, давящее нас эксплуататорское общество слишком хорошо организовано для того, чтобы вся его дѣятельность измѣнилась от маленькаго преобразованія в его механизмѣ, от маленькаго улучшенія в его пріемах. Мы уже видѣли, что всякое улучшеніе, всякое новое усовершенствованіе тотчас же обращается во вред трудящемуся классу и становится новым орудіем эксплуатаціи в руках тѣх, кто захватил в свои руки все общественное богатство. Если вы хотите, чтобы прогресс был полезным для всѣх, если вы хотите дѣйствительнаго освобожденія рабочаго, вы должны начать с уничтоженія причины того зла, с которым вы боретесь.

Бѣдствія рабочих происходят от того, что они вынуждены производить на цѣлую армію паразитов, сумѣвших захватить в свою пользу львиную долю продуктов. Если вы относитесь к дѣлу искренно, не теряйте же времени на согласованіе непримиримых интересов, не старайтесь об улучшеніи положенія, которое ничего хорошаго дать не может; уничтожьте лучше общественный паразитизм. А так как этого нельзя ожидать от людей, которые сами—ничто иное, как паразиты, и, вмѣстѣ с тѣм, это не может быть дѣлом никакого закона, то мы и говорим, что систему эксплуатаціи нельзя улучшить, а можно только уничтожить.

Кромѣ этих двух реформ, существует еще одна, которой нѣкоторые, даже просвѣщенные умы, придают извѣстное значеніе: это—увеличеніе налога на наслѣдство по косвенной линіи.

Послѣдствія этого были бы совершенно тѣ же, как при введеніи подоходнаго налога. Кромѣ того, мѣра эта могла бы

быть примѣнена только к поземельной собственности, во всем же остальном ее совершенно парализовало бы развитіе анонимных и акціонерных обществ — развитіе, которое тогда, несомнѣнно, пошло бы еще быстрѣе. Вмѣсто того, чтобы быть собственниками своих имѣній, усадеб, домов и лѣсов для охоты, богачи стали бы их нанимать, а отдача в наем организовывалась бы новыми анонимными обществами, на зло всѣм государственным мѣропріятіям.

Государство смогло бы контролировать таким образом лишь незначительное число наслѣдств, и закон сдѣлался бы совершенно безполезным. Кромѣ того, благодаря массѣ всевозможных предварительных соглашеній между тѣми, кто оставляет наслѣдство, и тѣми, в чью пользу он хочет им распорядиться, послѣдніе всегда будут имѣть возможность получить наслѣдство и помимо прямого права наслѣдованія.

Чтобы помѣшать этому, пришлось бы создать сотни законов, которые стали бы вмѣшиваться во всѣ человѣческіе поступки и отношенія и мѣшать людям распоряжаться своим имуществом; но даже и при такой инквизиторской системѣ нельзя было бы быть увѣренным в том, что цѣль будет достигнута. Чтобы заставить общество примириться с такого рода мѣрами, пришлось бы прибѣгнуть к революціи или к государственному перевороту. А раз уже будет революція, то не лучше ли сдѣлать ее ради дѣйствительнаго шага вперед, чѣм ради введенія стѣснительных мѣр?

Но даже если мы допустим, что эти мѣры окажут извѣстное вліяніе на распредѣленіе собственности, то в чем же измѣнится положеніе рабочаго? Собственность еще раз перейдет из однѣх рук в другія, но она опять таки не попадет в распоряженіе рабочих. Собственником сдѣлается государство и оно же будет заниматься эксплуатаціей, а мы уже видѣли выше (когда говорили о государственной власти), что ничего полезнаго для себя рабочій от него ожидать не может. Пока деньги будут лежать в основѣ всего общественнаго устройства, до тѣх пор им будут управлять люди, их имѣющіе. Будет ли государство само непосредственно эксплуатировать тѣ имущества, которыя окажутся у него в руках, или оно отдаст их в аренду частным лицам,—операція эта все равно будет происходить в пользу тѣх, кто уже владѣет собственностью. Допустим даже, что ею воспользуется какой-нибудь вновь образовавшійся класс: это опять таки будет в ущерб всѣм остальным.

Но чтобы допустить возможность осуществленія этой реформы, мы должны были прежде всего сдѣлать другое предложеніе, а именно, что буржуазія, возведшая в догмат неприкосновенность частной собственности и построившая на ея законности и на необходимости ея защиты все свое законодательство, — что эта самая буржуазія позволит нарушить порядок, который она сама считает незыблемым. Может ли кто нибудь сказать, сколько времени понадобится на то, чтобы убѣдить буржуазію согласиться на мѣры, которыя она будет считать посягательством на ея „права“? А сколько еще времени уйдет, уже послѣ осуществленія этой реформы, на то, чтобы увидать, что она не внесла ровно никаких измѣненій? И не будет ли при этом потеряно столько же времени, сколько, говорят, нужно для осуществленія наших „утопій“?

Мы считаем безполезным заниматься здѣсь критикой производительных и потребительных товариществ: мы хотим освобожденія полнаго и всеобщаго и знаем, что освобожденіе отдѣльной личности невозможно без освобожденія всѣх; различныя мелкія попытки частичнаго освобожденія не имѣют, поэтому, для нас интереса. Кромѣ того, концентрація капиталов и постоянное развитіе техники, требующее все болѣе и болѣе крупных затрат, дѣлают безсильным и это орудіе улучшенія положенія отдѣльных мелких групп.

Есть и такіе реформаторы, которые думают внести свою лепту в дѣло освобожденія человѣчества, разрабатывая какую-нибудь одну область знанія; но под вліяніем борьбы с различнаго рода препятствіями они, в концѣ концов, доходят до того, что возводят свою мысль в какое то магическое средство, обладающее всевозможными драгоцѣнными качествами и долженствующее излѣчить наш страждущій общественный организм от всѣх болѣзней. И сколько среди этих фанатиков искренних людей! Сколько среди этого хаоса идей встрѣчается идей цѣнных, которыя принесли бы человѣчеству огромную пользу, если бы их приложить в разумном обществѣ; но теперь, осуществляясь по одиночкѣ и в обществѣ с уродливой организаціей, онѣ могут только или привести к обратным результатам, или быть задушены в самом зародышѣ, не дождавшись даже своего примѣненія.

Среди этих убѣжденных сторонников одной какой-нибудь мысли мы укажем на одного, очень типичнаго и вполнѣ подхо-

дящаго для тѣх выводов, которые мы хотим сдѣлать: это—Жорж Виллъ, проповѣдник системы химическаго удобренія.

Мы не намѣрены входить здѣсь в подробныя объясненія этой системы. Достаточно будет сказать, что химическое изслѣдованіе растеній показало Виллю, что в них входит четырнадцать химических веществ и что эти вещества всегда одни и тѣ же во всѣх растеніях и только мѣняются количественно, смотря по семействам. Изслѣдовав затѣм землю и воздух, он увидал, что растеніе может найти там десять из этих веществ и что, слѣдовательно, остается только доставить ему, в видѣ удобренія, четыре остальных, т. е. известь, ѣдкій кали, фосфор. и азот. На этом он строит цѣлый проэкт химическаго удобренія, примѣнительно к характеру обрабатываемой почвы и воздѣлываемаго растенія, и доказывает, на основаніи цифр, что при настоящем положеніи наших знаній мы могли бы получать, с меньшей, сравнительно с навозом, затратой удобренія, урожай вчетверо и впятеро большій с той же площади земли; вмѣстѣ с тѣм мы могли бы разводить гораздо больше скота при меньшем количествѣ пастбищ и таким образом понизить цѣну на мясо. Но при этом он спѣшит заключить, что ключ к рѣшенію соціальнаго вопроса лежит именно в улучшеніи земледѣлія. «Изобиліе земледѣльческих продуктов будет выгодно для всѣх», говорит он, «собственники земли получат обильный урожай и смогут продавать свои продукты по низким цѣнам; рабочіе же будут покупать их за дешевую плату и смогут жить в довольствѣ; они будут дѣлать сбереженія, а затѣм, в свою очередь станут капиталистами». Все, одним словом, пойдет к лучшему в лучшем из возможных обществ.

Мы вполнѣ увѣрены в искренности г. Вилля и, насколько наши слабыя познанія в этой области позволяют нам судить о его системѣ, она кажется нам вполнѣ раціональной. Мы нисколько поэтому не отрицаем той пользы, которую принесло бы повсемѣстное приложеніе его системы в смыслѣ улучшенія положенія рабочих, если бы только рабочим, вообще, что-нибудь могло пойти на пользу в современном обществѣ. Его цифры только подтверждают мысль анархистов, что при тѣх средствах, которыми располагает современная наука, можно было бы получать такое большое количество продуктов, что их даже не пришлось бы дѣлить, а каждый смог бы брать из общаго достоянія сколько ему будет нужно, соотвѣтственно его потребностям или желаніям; при этом обществу не грозило бы никакой опасности

голода,—вопреки предсказаніям нѣкоторых мрачно-настроенных пессимистов, которые думают, что только им одним свойственна добродѣтель умѣренности. Они готовы сдѣлать нам уступку и признаются, что сами, конечно, обошлись бы без всякой власти, но считают эту власть все-таки необходимой для подавленія тѣх дурных инстинктов, которыми проникнуто все остальное человѣчество.

В маленькой брошюркѣ, озаглавленной «Продукты земледѣлія» один из наших товарищей показал, на основаніи оффиціальных цифровых данных, что даже при настоящем, еще дѣтском, состояніи земледѣлія, общая сумма продуктов всего міра на много превышает цифру их потребленія. С другой стороны, Вилль доказывает, что при разумном пользованіи химическими веществами можно, не затрачивая лишняго труда, получать с земли в четыре или пять раз больше того, что она дает теперь. Развѣ это не блестящее подтвержденіе той мысли, которую мы всегда защищаем?

Но когда Вилль видит в своей системѣ разрѣшеніе соціальнаго вопроса, когда он думает, что, благодаря изобилію продуктов, они станут настолько дешевыми, что рабочій сможет жить так, чтобы мало тратить и дѣлать сбереженія,—он вполнѣ ошибается. Если бы Вилль читал буржуазных экономистов, хотя бы того же Молинари, то он узнал бы, что «избыток продуктов на рынкѣ» приводит к такому паденію цѣн на них, что их производство перестает быть выгодным для капиталистов и капиталы отливают от этой отрасли производства, пока не возстановится равновѣсіе и не вернется прежнее положеніе».

Если бы Вилль не был так поглощен своими учеными разсчетами, а сколько-нибудь отдавал себѣ отчет в функціонированіи общественнаго механизма, он увидал бы, что, несмотря на огромный избыток производства над потребленіем, в нашем современном обществѣ люди буквально умирают с голоду, что самые лучшіе теоретическіе разсчеты на практикѣ приводят к результатам совершенно иным, чѣм от них ожидали. Природа, несомнѣнно, может, при помощи человѣческаго ума и человѣческаго труда, доставить дешевые продукты в количествѣ, достаточном для прокормленія всего человѣчества; но, благодаря торговлѣ и ажіотажу, собственники и капиталисты найдут всегда средство получить желательную сумму барыша: они уменьшат количество продуктов на рынкѣ, чтобы имѣть возможность продавать их дороже, а в случаѣ надобности—помѣшают их даль-

нѣйшему производству, чтобы создать фиктивно-высокія цѣны и удержать их на том уровнѣ, который кажется им желательным по их жадности и по их привычкѣ к роскошной и праздной жизни.

Возьмем, напримѣр' уголь—продукт совершенно готовый, который остается только извлечь из земли; залежей его так много, что онѣ встрѣчаются на всем земном шарѣ и могут удовлетворить неограниченное число потребителей. А между тѣм цѣна его стоит довольно высоко, так что далеко не всѣ могут пользоваться топливом в том количествѣ, какого требует температура; изобиліе продукта не дѣлает его, слѣдовательно, болѣе доступным для рабочих.

А зависит это от того, что копи захвачены сильными предпринимательскими компаніями, которыя ограничивают производство и, кромѣ того, скупают, ради уничтоженія конкурренціи, мелкія копи, принадлежащія другим владѣльцам, предпочитая совершенно не эксплуатировать их, чѣм завалить рынок товарами, потому что это понизило бы цѣны и уменьшило таким образом доходы.

То же самое происходит и с землею. Каждый день мы видим, как земля мелкаго собственника, раззоряемаго ростовщиками, переходит в руки капиталиста: с каждым днем крупная собственность все разростается. Распространеніе земледѣльческих машин должно, кромѣ того, привести к образованію земледѣльческих синдактов, т. е., к образованію таких же анонимных обществ, какія господствуют в эксплуатаціи фабрик и копей.

Если можно будет получать от земли вчетверо или впятеро больше продуктов, чѣм теперь, то от этого произойдет только то, что площадь обрабатываемой земли сократится, а все остальное будет обращено в мѣста для охоты или в парки, служащіе только как предмет роскоши для наших эксплуататоров. Это начинается теперь во Франціи и давно уже сдѣлано англійскими лордами в Шотландіи и Ирландіи, гдѣ населеніе вытѣсняется и уступает мѣсто оленям и лисицам, агонія которых должна служить развлеченіем для шикарной публики—такой же публики, как та, которая апплодировала лекціям Вилля и его филантропическим соображеніям.

Общество наше устроено так, что тот, кто владѣет капиталом, является господином всего міра. Движеніе продуктов в обществѣ происходит при помощи капитала, а потому от этого послѣдняго зависит все. Всякое усовершенствованіе, всякій шаг

вперед, сдѣланный человѣческим трудом, промышленностью или наукою—все это обращается в пользу тѣх, кто и так уже владѣет всѣм; все это становится лишь новым орудіем эксплуатаціи, еще ухудшающим ужасное положеніе тѣх, кто ничѣм не владѣет.

Усовершенствованія в пройзводствѣ только дѣлают рабочих все менѣе и менѣе нужными для капиталиста, усиливают конкурренцію между ними и заставляют их продавать свой труд за болѣе низкую плату. Вы мечтаете быть полезным для рабочих, а существующая общественная организація дѣлает так, что вы только содѣйствуете их большей эксплуатаціи и еще больше скрѣпляете сковывающую их цѣпь.

Да, г. Вилль, ваша мечта прекрасна: содѣйствовать увеличенію числа продуктов, так, чтобы каждый мог быть сытым, сдѣлать так, чтобы рабочій мог скопить хоть нѣсколько грошей, чтобы оградить себя от всевозможных случайностей будущаго—это, конечно, еще не идеал, но нельзя и требовать большаго от человѣка, который по самому своему положенію огражден от всѣх физических и нравственных бѣдствій, грозящих обездоленной массѣ. Это, во всяком случаѣ, очень хорошо, но увы! это останется мечтой до тѣх пор, пока вы не разрушите существующую систему эксплуатаціи, благодаря которой всѣ заманчивыя обѣщанія превращаются в лживыя и обманчивыя иллюзіи. У капитализма в распоряженіи есть много сил, и если мы даже допустим, что изобиліе продуктов дѣйствительно понизит их цѣны до такой степени, что рабочій сможет сберегать часть своего заработка, то тогда явится другой фактор, о котором вы сами упомянули—рост населенія.

В настоящее время промышленный рынок завален товарами; вмѣстѣ с тѣм, вслѣдствіе развитія машин, с каждым днем увеличивается число рабочих без работы. Чтобы найти работу, им остается только одно средство: взаимная конкурренція и пониженіе заработной платы. А так как механическій прогресс идет все быстрѣе и быстрѣе, и уже теперь один человѣк может производить все, что нужно для потребленія десятерых, то при удвоеніи населенія количество произведенных продуктов увеличится в двадцать раз; при этом то изобиліе, которое должно было послужить на пользу рабочих, послужит исключительно на увеличеніе барышей капиталиста, который будет платить своим рабочим тѣм меньшую плату, чѣм в большем числѣ они окажутся на рабочем рынкѣ.

Вы говорите, что требованія рабочих до извѣстной степени законны — лишь бы только они не принимали насильственной формы; но подумали ли вы о том, что рабочіе борятся уже цѣлыя тысячелѣтія, что их никогда не удовлетворявшіяся требованія появились вмѣстѣ с зарожденіем исторической жизни? Если они и выливаются в рѣзкую форму, то только потому, что им не дают никакого удовлетворенія. Неужели же рабочіе должны безконечно стоять на колѣнях перед своими эксплуататорами и благодарить их, когда они знают, что если им и удавалось чего либо достигнуть, то они должны были предварительно сломить волю своих господ, и взять силой ту свободу, к которой стремились. Правящіе классы смотрят на нас, как на рабов и потому совершенно естественно, что они презрительно говорят: «Изложите вашу просьбу в вѣжливой формѣ и мы посмотрим, сможем ли мы ее исполнить»; но мы, которые видим в освобожденіи рабочих не уступку, а акт справедливости, скажем просто: «Мы требуем этого!» Если же каким нибудь баричам этот тон не понравится, то как им будет угодно.

В давящем нас строѣ все тѣсно связано одно с другим и для достиженія желаемых результатов одних хороших намѣреній еще не достаточно; пока не уничтожен этот строй, никакое улучшеніе невозможно. Он существует исключительно с цѣлями эксплуатаціи и угнетенія, а мы не хотим улучшать ни того, ни другого: мы хотим совсѣм их уничтожить.

Это — естественный вывод, к которому неизбѣжно придет всякій, кто сумѣет подняться над узкой точкой зрѣнія и охватить вопрос в его цѣлом; он поймет, что революціи зависят не только от воли людей, но и от того, что существующія учрежденія преграждают путь прогрессу, и увидит, что онѣ—явленіе необходимое и неизбѣжное.

Пусть всѣ, кто искренно хочет служить человѣчеству, усвоят себѣ раз навсегда ту мысль, что даже в интересах их собственных планов, они не должны враждебно относиться к Революціи, не должны противодѣйствовать ей. Только она одна может помочь им достигнуть цѣли, потому что только она может помѣшать общественным паразитам убить прогресс в самом зародышѣ, или обратить его в свою пользу.

Реформы, реформы! Когда же, наконец, люди поймут, что они употребляют на достиженіе их свои лучшія силы, никогда ничего не достигая, что пора уже им перестать бороться за эти утопіи—гораздо болѣе опасныя, чѣм мысль о полном освобож-

деніи, потому что единственный упрек, который можно сдѣлать послѣдней – упрек в неосуществимости—ни на чем не основывается, потому что такой попытки никогда еще не было сдѣлано, тогда как, чтобы убѣдиться в безполезности любой реформы, стоит только посмотрѣть на ея осуществленіе на практикѣ.

Анархистов упрекают в том, что они служат помѣхой мирному освобожденію рабочих, что они отрицают всякія реформы. Но в этом заключается двойная ошибка: анархисты вовсе не противники реформ, они возстают вовсе не против них, а против тѣх ложных обѣщаній, которыя возводят в цѣль то, что, в дѣйствительности, есть в лучшем случаѣ лишь заплата на старой вещи, а то и простой обман.

Пусть тѣ, кто вѣрит в реформы, старается об их осуществленіи; мы не имѣем против этого ровно ничего, даже напротив: чѣм больше буржуазное общество их испробует, тѣм скорѣе рабочіе увидят, что онѣ ни к чему не ведут. Но напротив чего мы возстаем, это когда их изображают каким-то всеисцѣляющим средством, когда рабочим говорят: «Ведите себя смирно, тихо и спокойно, а тогда мы посмотрим, что можно для вас сдѣлать!»

Тогда-то мы, понявшіе, что реформы безполезны и что эксплуататоры, вообще, занимают мѣсто, по праву им не принадлежащее, мы говорим рабочим: «Вас обольщают ложными надеждами; всѣ эти реформы — ничто иное, как обман. Кромѣ того, вас хотят заставить просить их, как милостыни, тогда как вы имѣете право требовать гораздо большаго. Если вы хотите испробовать предлагаемыя вам средства, это—ваше дѣло; но знайте заранѣе, что они нисколько не будут содѣйствовать вашему освобожденію. Поэтому, не оставайтесь долго в том заколдованном кругѣ, в который вас хотят вовлечь, а организуйтесь для того, чтобы завладѣть всѣм, на что вы имѣете право. Пусть тѣ, кто не может поспѣшить за общим движеніем, продолжают, если хотят, поддаваться обману; вы же знайте, что революція уже надвигается на вас с своей грозной силой, что ее порождает сам наш общественный строй и что она волей неволей вынудит вас взяться за оружіе, чтобы заставить признать ваше право на существованіе. А раз у вас окажется оружіе в руках, то не будьте же настолько глупы, чтобы удовольствоваться какими-нибудь реформами, которыя оставят нетронутым

самый корень зла. Вот—то, что у вас отняли, вот — идеал, к которому вы должны стремиться; теперь уже ваше дѣло не останавливаться на пустяках и сумѣть нанести рѣшительный ударъ тому подгнившему и со всѣх сторон разрушающемуся зданію, которому еще рѣшаются давать названіе Общества! Не старайтесь подпирать его, или накладывать на него заплаты; наоборотъ, очистите мѣсто сразу, чтобы потомъ вамъ не было помѣх въ построеніи новаго, лучшаго общества.

Глава XX.

Экспериментальный метод.

Когда противникам—добросовѣстным, конечно—анархическихъ идей приходится признать всѣ недостатки нашего общественнаго строя и согласиться с нами, что этот строй нуждается в преобразованіях и что всѣ средства, предлагавшіяся для этого до сих пор, ни к чему не привели, они думают, что дѣлают нам этим громадную уступку. Затѣм, они с полной искренностью начинают искать новых средств для достиженія той же цѣли, а иногда и доходят до признанія того, что анархическое общество—самый высокій идеал, который только можно поставить как цѣль человѣческой эволюціи.

Но здѣсь является затрудненіе: под вліяніем предразсудков, унаслѣдованных от предков и поддерживающихся воспитаніем, средою и инертностью характера, они спѣшат прибавить, что идеал этот неосуществим и навсегда останется в области умозрѣній.

«Как бы общество не было плохо», говорят они, «оно все таки обезпечивает нам нѣкоторую безопасность, нѣкоторую возможность прогресса, которую революція может у нас отнять. Постараемся лучше усовершенствовать то, что у нас есть; это—путь медленный, но вѣрный».

Если им возразят на это, что есть люди, которые страдают и гибнут от этой якобы-безопасности, от этой якобы-цивилизаціи, то они легко согласятся, что буржуазная эксплуатація, дѣйствительно, возмутительна, что ею вполнѣ оправдываются

всѣ протесты эксплуатируемых; нѣкоторые даже признают, что революція неизбѣжна, но поспѣшат прибавить, что это очень печально, потому что она может потерпѣть пораженіе и отбросить нас далеко назад.

«Опредѣлить болѣзнь», говорят они, «конечно нетрудно, но другое дѣло вылѣчить ее. В соціологіи же затрудненіе еще гораздо значительнѣе, потому что здѣсь это искусство находится еще в періодѣ дѣтства. Привести к каким-нибудь результатам здѣсь может только раціонально-приложенный опытный метод, а анархическія идеи не заключают в себѣ ничего научнаго: это— продукты чистаго умозрѣнія, вытекающіе из очень похвальных чувств, но нисколько не основывающіеся на опытѣ».

С перваго взгляда это разсужденіе кажется вполнѣ логичным; оно даже оказывается совершенно вѣрным в том случаѣ, когда данную болѣзнь знают только по ея внѣшним признакам, а самыя причины ея остаются неизвѣстными. Но когда источник болѣзни открыт, то способ лѣченія ея указать уже не трудно. Если до сих пор медицина колебалась и переходила наугад от одного средства к другому, то это зависѣло от того, что, хотя дѣйствіе даннаго лѣкарства на данное явленіе организма и было извѣстно, но так как одно и тоже патологическое явленіе может происходить от различных причин, то лѣченіе, полезное в одном случаѣ, могло оказываться безполезным или вредным в другом. Вот почему медицина была до нашего времени скорѣе эмпирическим искусством, чѣм наукою. В общественной терапевтикѣ, гдѣ существовали такіе же пробѣлы и такое же незнаніе, люди точно также дѣлали ряд никогда неудававшихся революцій, пытались вводить реформы, никогда не приводившія ни к каким результатам, переходили от одной системы к другой—и все-таки не могли помѣшать ни росту бѣдности, ни эксплуатаціи народных масс.

Люди хотѣли уничтожить послѣдствія, нисколько не задаваясь вопросом о причинах и не затрагивая их; мѣнялся только правительственный ярлык, производилась нѣкоторая очистка в составѣ должностных лиц; когда же оказывалось, что то зло, на которое жаловались раньше и от котораго надѣялись избавиться, снова всплывало, послѣ ничтожнаго перерыва, и продолжало существовать попрежнему, как будто бы никаких измѣненій не произошло, то всѣ начинали удивляться.

Современная медицина поняла, что лучшее средство бороться с болѣзнями, это—предупреждать их, уничтожая, при помощи

разумной гигіены, тѣ причины, которыя их вызывают. Анархисты хотят примѣнить ту же точку зрѣнія и к общественной гигіенѣ. Они поставили вопрос о причинах болѣзней, от которых страдает современное общество, нашли их источники и, отказавшись от мысли о всеобщих панацеях, которыя они предоставляют политическим шарлатанам, говорят людям, на основаніи сравнительнаго изученія различных существующих систем и реформ:

«Корень того зла, от котораго вы страдаете, лежит в дурной общественной организаціи; власть и капитал—вот двигатели той машины, которая вас давит. Вы можете сколько угодно мѣнять в ней колеса, преобразовывать и улучшать их; функція этой машины—раздавить вас, и вы будете непремѣнно раздавлены, если не уничтожите самую машину, с тѣми двигателями, которые доставляют ей всю ея силу, — властью и капиталом. Если вы не хотите терпѣть послѣдствій, уничтожьте самую причину».

Когда, послѣ долгих исканій, физіологи открывают источник такой болѣзни, которая прежде была извѣстна только в ея послѣдствіях, то может случиться, что все лечебное искусство окажется от этого перевернутым: больному будет предписываться то, что прежде запрещалось, и, наоборот, запрещаться то, что предписывалось; в политикѣ это называется революціей. Иногда старые рутинеры называют новаторов сумасшедшими, оригиналами, и обвиняют их в том, что они подвергают опасности жизнь больного и не считаются с цѣлым рядом самых вѣроятнѣйших гипотез. И эта вражда будет преслѣдовать их до тѣх пор, пока достигнутые и много раз повторившіеся результаты не заставят, наконец, замолчать рутинеров, не вѣрящих ни во что, кромѣ формул, почерпнутых из прошлаго.

Врач, пробующій новый метод лѣченія, дѣлает в маленьких размѣрах то, что анархисты хотят сдѣлать в больших, по отношенію к цѣлому обществу. Когда он оставляет торную дорогу рутины и пытается приложить новыя научныя данныя, то, если только он увѣрен в своих знаніях, в своей подготовкѣ, в вѣрности своих наблюденій, ему нечего заботиться о преслѣдующих его враждебных криках ретроградов.

То же можно сказать и в соціологіи. Виноваты ли анархисты, если наше общество устроено так, что люди не могут дѣлать того, что хотят, не наталкиваясь на какой-нибудь запретительный закон, на какую-нибудь центральную власть, кото-

рая увѣряет, что знает лучше самих заинтересованных лиц что им нужно, которая хочет заставить их дѣлать то, что, с ея точки зрѣнія, для них полезно и помѣшать тому, что кажется ей вредным? Общество устроено так, что, чтобы из него выйти, его прежде нужно разрушить; в таком случаѣ, буржуазіи нечего жаловаться, когда, в своем стремленіи к свободѣ, люди хотят устранить стѣсняющія их учрежденія.

Пользованіе опытным методом предполагает переход от теоріи к практикѣ; но даже при самых точных разсчетах в каждом опытѣ останется всегда извѣстная доля непредвидѣннаго, которую робкіе умы и изберут как предлог для отрицанія всякаго нововведенія. Неужели же мы должны осудить себя на застой ради удовольствія рутинеров.

Раз причина болѣзни извѣстна, пусть лучше нож оператора извлечет злокачественную опухоль и уничтожит ее в корнѣ; хирургія каждый день подает нам примѣр смѣлаго удаленія членов или органов атрофированных, паразитных, зараженных гангреной, или вообще могущих стать причиной осложненій. Почему же мы должны колебаться в уничтоженіи того, что всѣми—за исключеніем тѣх, кому существующій порядок выгоден—признано дурным и вредным?

Мы знаем, что на это нам возразят, что с обществом нельзя обращаться как с отдѣльной личностью, что послѣдняя может погибнуть незамѣтно, тогда как общественный переворот может повести к погибели или к шагу назад для всего человѣчества. Затѣм, мы услышим опять о преимуществах медленнаго, постепеннаго дѣйствія посредством проведенія ряда реформ. И это называется обытным методом!

Что бы не говорили наши противники, но эмпириками являются именно они, и их опыт, которым они пользуются уже цѣлыя столѣтія—всѣ их частичныя преобразованія и починки—показывает нам только, что единственныя полезныя реформы, это—тѣ, которыя разрушают самыя учрежденія, лежащія в основѣ общественнаго строя. Но разрушеніе учрежденій, это—революція, потому что буржуазія, имѣющая в своих руках власть, будет, пока эта власть у нея, защищать свое существованіе и поддерживающій его порядок вещей. Если только она замѣтит, что всеобщее избирательное право стремится отнять у нея власть, она тотчас же постарается удержать напор народных волн и пустит в ход и чиновничество, и суд, и полицію, и войско. Она позволит только тѣ реформы, которыя не затро-

гивают учрежденій, служащих опорой для ея привиллегій, допустит к употребленію только тѣ лѣкарства, которыя стремятся лишь облегчить болѣзнь, а не уничтожить ея причины. Мы сталкиваемся с этими реформами с тѣх самых пор, как существует всеобщее избирательное право, потому что онѣ постоянно являются в избирательных программах политических партій. Реформы эти таковы, что до тѣх пор, пока онѣ не вышли из области проэктов, онѣ обѣщают погрузить рабочаго в океан блаженства; но стоит только им перейти в жизнь, как онѣ в лучшем случаѣ оказываются не приводящими ни каким замѣтным результатам, а иногда и прямо становятся лишним оруді ем порабощенія и эксплуатаціи в руках правящих классов.

Дѣло в том, что современное общество устроено так, что все, что в нем дѣлается прекраснаго и полезнаго, попадает, в концѣ концов, в руки обладателей капитала. Какое-нибудь новое изобрѣтеніе служит только тому, кто имѣет средства его эксплуатировать; какое-нибудь усовершенствованіе, благодаря которому можно производить предметы быстрѣе и экономнѣе, окажется выгодным только для капиталиста, который уменьшит вслѣдствіе этого число рабочих. Часть этих рабочих окажется выброшенной на улицу и увеличит собою армію умирающих с голоду безработных; другая же будет попрежнему истомляться на той же долгой работѣ, а ея заработок даже упадет вслѣдствіе конкурренціи тѣх, которые окажутся выброшенными за борт.

Вот что нам показывает опыт, вот что нам дали всѣ испробованныя реформы и вот тѣ неотразимые аргументы, которые мы выставляем против всѣх подобных проэктов. Мы можем поэтому с полным правом возвратить упрек в эмпиризмѣ тѣм, кто говорит, что анархическія идеи не основываются на опытных данных.

Самое главное возраженіе против анархистов всегда ставилось, впрочем, в такой формѣ: „Конечно, ваши теоріи прекрасны, но онѣ неосуществимы“. Но это—не аргумент. Почему же онѣ неосуществимы? спросим мы, а на это нам, вмѣсто всяких доводов, отвѣтят выраженіем ряда опасеній. «В виду недостатков человѣческой природы» скажут нам, „*можно опасаться*, что люди захотят злоупотребить предоставленной им свободой и перестанут работать“; или: „раз не будет регулирующей власти, *может случиться*, что болѣе сильные станут эксплуатировать болѣе слабых“ и т. д.

Анархисты доказывают, что всѣ эти опасенія напрасны; они

говорят, что злая воля личностей и недостатки их характера развиваются и поощряются именно современной общественной организаціей, которая вооружает людей друг против друга, заставляя вести их борьбу за возможность достать себѣ пропитаніе, которое общество доставляет им по большей части очень скупо.

Кромѣ того они говорят — и доказывают, — что всякая общественная организація, основанная на власти, должна неизбѣжно повести к вреднымъ послѣдствіям, потому что власть будет находиться в руках людей, которым свойственны тѣ же недостатки, как и всѣм остальным, а раз люди не умѣют управлять сами собою, то они еще меньше сумѣют управлять другими.

Остается еще послѣднее возраженіе, это — что анархизм досих пор не доказал своей осуществимости и должен навсегда остаться в области заоблачных мечтаній, потому что он не может осуществиться без насильственнаго переворота, а послѣдній совершенно нежелателен. Но это возраженіе не выдерживает критики.

Неужели же, только потому, что наши предшественники позволяли себя эксплуатировать, мы должны тоже терпѣть эксплуатацію? Неужели, если они позволили поработить себя государству, то и мы должны нести иго власти? Нѣт, мы вовсе не хотим отказываться от своего идеала свободы и справедливости, или ждать с его осуществленіем, пока не будет больше трусливых рутинеров,—ради того только, что этот идеал получил свое ясное выраженіе только теперь, а раньше был не больше, как смутным и неопредѣленным стремленіем.

Вы признаете сами, что наш идеал прекрасен; вы соглашаетесь и с тѣм, что для его осуществленія нужно только, чтобы люди дѣйствительно захотѣли этого и выучились поступать соотвѣтственно. Этого с нас пока довольно. Пусть только всѣ тѣ, которые стремятся к этому идеалу, распространяют свои идеи, организуются в группы, держатся сплоченно между собою, а затѣм, когда у них будет достаточно сил, чтобы избавиться от стѣсняющих их учрежденій, пусть устроят свою жизнь сообразно своим влеченіям и симпатіям.

Мы хотим быть свободными, и нам нѣт никакого дѣла до трусливых рабов, которые боятся потерять свои оковы и продолжают жаться к своим господам; нам нечего обращать вниманія на их жалобы, тѣм болѣе, что они перейдут на нашу сторону, как только побѣда окажется за нами. Мы хотим быть

свободными и пусть тѣ, кто еще нуждается в господах, устраиваются как хотят; да, впрочем, они обыкновенно провозглашают необходимость власти только для других.

Эмпирики именно тѣ, которые хотят уничтожить послѣдствія, не дотрогиваясь до причин, которые предлагают нам успокаивающія средства, когда нам нужен нож хирурга, которые хотят усыпить больного, в надеждѣ, что его излѣчит сама природа, между тѣм как небольшая операція вѣрно и быстро избавила бы его от болѣзни.

Удивительно, как часто люди успокаиваются словами и какой вѣс вдруг принимают разнаго рода софизмы, когда рѣчь идет о сохраненіи рутины, о борьбѣ с нововведеніями. Нужно двигаться вперед потихоньку и ощупью,—говорят нам, и при этом совершенно забывают, что подобнаго рода несмѣлыя попытки длятся (даже если взять однѣ только латинскія расы) уже около трех или четырех тысяч лѣт, что за все это время эксплуатируемые не переставали ждать исполненія все тѣх же обѣщаній, не переставали страстно бороться за все тѣ же желанныя реформы — и ничего до сих пор не измѣнилось в их положеніи. Мы страдаем все от тѣх же болѣзней, а нам предлагают, под предлогом раціональнаго образа дѣйствій, прибѣгнуть для их излѣченія все к тѣм же припаркам.

Человѣческій ум развился, область науки расширилась, промышленность сдѣлала необычайные успѣхи, радости жизни стали утонченнѣе и многочисленнѣе, но кто воспользовался всѣм этим прогрессом? Все то же владѣющее богатством и праздное меньшинство. А кто умирает с голоду, производя все и не пользуясь ничѣм? Все та же обездоленная масса.

С тѣх пор, как в человѣчествѣ создались первыя общества, эксплуатируемые не переставали заявлять о своих жалобах и требованіях, не переставали бороться без устали, чтобы получить нѣкоторыя уступки, чтобы хоть немного облегчить свое положеніе; они то падали ниц, как рабы, то поднимали голову, как свободные и гордые люди, то просили как нищіе, то брали силою; послѣднее происходило тогда, когда бѣдность и гнет доходили до высшей точки и принуждали их к возстанію, когда они предпочитали смерть своему настоящему положенію.

И однако их положеніе не мѣняется. Часто случалось, что эксплуататорам приходилось уступать им мѣста в законодательных собраніях, соглашаться па нѣкоторыя из требуемых реформ, или самим смягчать до извѣстной степени свой экономическій

и политическій гнет. Но меньше ли становилось от этого угнетеніе управляемой ими массы? меньше ли эксплуатировался народ? ослабѣвала ли бѣдность? переставало ли богатство с каждым днем все больше сосредоточиваться в руках все меньшаго числа привиллегированных?

Предлагать послѣ этого бѣднякам, чтобы они продолжали понрежнему идти эмпирическим путем и ограничивались требованіем поверхностных реформ (потому что тѣ, которыя могут искоренить зло, считаются нежелательными, как могущія повести к революціи)—значит предлагать рабочей массѣ позволить эксплуатировать себя еще неопредѣленно-долгое время, потому что опыт прошлаго показывает нам, что пока не будут измѣнены самыя основы общества, всѣ так-называемыя реформы послужат только в пользу обладателей капитала и власти.

Наши противники—по крайней мѣрѣ, добросовѣстные—сами признают, что современный общественный порядок дурен, что положеніе рабочих в высшей степени печально, что роскошная и праздная жизнь буржуазіи основывается исключительно на их нуждѣ и непосильном трудѣ. Они соглашаются с нами, что такое положеніе не может продолжаться, что революція неизбѣжна и что сам современный порядок к ней ведет, потому что рано или поздно настанет момент, когда бѣдняк не захочет больше голодать и работать как вол. Но, в таком случаѣ, раз уже столкновеніе неизбѣжно, зачѣм тратить силы на то, чтобы стараться его предотвратить? Зачѣм внушать людям надежду на мирный исход, когда мы отлично знаем, что он невозможен?

Это значило бы только играть в руку эксплуататорам, которые стараются усыпить эксплуатируемую массу, чтобы еще лучше поработить ее и еще прочнѣе установить свое господство. Вот еще одно из послѣдствій недостатков нашего современнаго строя: тот, кто не становится рѣшительно на сторону эксплуатируемых и не принимает всѣх их требованій, оказывается силою вещей на сторонѣ эксплуататоров. Всѣ его добрыя намѣренія, всѣ тѣ добрыя чувства, которыя заставляют его желать уменьшенія наших бѣдствій, превращаются в наркотическія средства, смягчающія острую боль и отдающія бѣдняков связанными по рукам и по ногам в руки эксплуататоров.

Раз уже борьба неизбѣжна, не лучше ли приготовиться к ней заранѣе, не лучше ли постараться внушить людям наш идеал будущаго, который наши противники сами считают хорошим и только вслѣдствіе рутины не могут признать осуществи-

мым? Не лучше ли сдѣлать так, чтобы в момент революціи люди сумѣли воспользоваться результатами борьбы, которую им придется вести? Пусть они знают тогда, какія учрежденія вредны и должны быть разрушены, пусть не дадут эксплуататорам еще лишній раз обмануть себя.

Не будет ли это раціональнѣе и научнѣе, чѣм терять время на сожалѣніе о том, чему помѣшать мы не можем, и на попытки сохраненія того, что мы сами считаем дурным, но только боимся потерять из страха худшаго?

Логично ли, в самом дѣлѣ, стараться отложить на неопредѣленное время осуществленіе новых идей потому только, что онѣ нигдѣ еще не были приложены на практикѣ и неизвѣстно, что могут дать? Так разсуждать можно только из страха новизны и нежеланія отказаться от привычных понятій; только исходя из этого можно проповѣдовать, что лучше удовольствоваться тѣм, что имѣешь, или пытаться улучшить его, чѣм рисковать попасть в положеніе еще худшее.

Мы можем считать вполнѣ доказанным, что современное общество улучшится только тогда, когда будут преобразованы самыя основы его; отвергать же какую-нибудь идею только потому, что она не доказала своей пригодности на практикѣ, значит разсуждать совершенно противо-научным образом и осуждать человѣчество на полный застой. Новыя идеи всегда оказывались в большем или меньшем противорѣчіи с идеями, господствовавшими в большинствѣ, и всякій раз, когда дѣлалось какое-нибудь новое открытіе, чтобы убѣдиться в его истинности, его приходилось провѣрять на опытѣ. Если бы такой опыт уже был когда-нибудь сдѣлан в прошлом, это значило бы, что данная идея не нова и что, прежде чѣм добиться этого опыта, ей пришлось уже пережить нѣкоторую борьбу. Она была бы уже тогда совершенно готова к осуществленію в практической жизни.

Возьмем, наконец, простое и много раз приводившееся, но, в сущности, совершенно вѣрное сравненіе: когда у человѣка желтуха, то он не старается улучшить ее, а хочет совсѣм от нея избавиться. Мы гибнем от бѣдности и эксплуатаціи и стремимся освободиться от убивающаго нас ига, что же с нами еще может случиться худшаго?

Я знаю заранѣе, что в отвѣт на это мы услышим старую пѣсню об опасности, грозящей прогрессу, о погибели науки во всеобщем катаклизмѣ, о том, что человѣческому уму грозит опасность пойти назад, раз только побѣда достанется народным

массам, болѣе грубым и менѣе образованным, чѣм правящіе классы.

Ниже мы покажем, что эти опасенія напрасны; но допустим на минуту их справедливость. Какое значеніе могут они имѣть для тѣх, кто незаслуженно страдает и кому, наконец, страдать надоѣло? Какое дѣло до прогресса и всѣх чудес промышленности тѣм, кого судьба заставляет только быть орудіями их и никогда ими не пользоваться? Что такое наука и всѣ открытія человѣческаго ума, если они должны вѣчно служить только для большаго и большаго порабощенія и отупленія страдающей массы, которой общество отказывает в возможности развитія?

Попробуйте-ка сказать рабочим, что, хотя вы и от души жалѣете об их бѣдственном положеніи и всѣм сердцем сочувствуете их страданіям, но, так как внезапное освобожденіе их может привести к остановкѣ хода прогресса, то они должны примириться с своим непосильным трудом и тяжелою жизнью; что это нужно ради того, чтобы ничтожная кучка ученых изслѣдователей, окруженная другим меньшинством паразитов, поглощающих для своей личной пользы продукты труда всѣх, могла свободно работать над разрѣшеніем научных вопросов. Имѣйте смѣлость высказать ваше мнѣніе, скажите все это тѣм, кто умирает с голоду, чьи силы истощаются в изнурительном, каторжном трудѣ—и вы увидите, как вас встрѣтят.

Напрасно вы будете прибавлять, что их терпѣніе пойдет в пользу.... будущим поколѣніям, что эти послѣднія пожнут плоды самоотверженія предков.... тогда, когда будут, наконец, найдены и приложены полезныя реформы. Бѣдняки отвѣтят вам, что они отказались от христіанства именно потому, что оно обѣщало им рай только послѣ смерти; вы же можете обѣщать лучшее будущее только их потомкам. Они скажут вам, что им надоѣло работать и страдать для других, что они хотят пользоваться плодами своих трудов и страданій не в лицѣ будущих поколѣній, а теперь,—и они будут совершенно правы.

Если вы не хотите гибели прогресса и исчезновенія науки, не сопротивляйтесь требованіям обездоленных масс: вмѣсто того, чтобы стараться сохранить нездоровое и уже разрушающееся зданіе, помогите нам лучше очистить от него почву, чтобы, когда народная волна ударит в мѣшающія ей учрежденія, не раздражать ее понапрасну безсмысленным и несправедливым сопротивленіем. Вмѣсто того, чтобы становиться на сторону

защитников прошлаго, пусть всякій человѣк, мыслящій и дѣйствительно стремящійся служить развитію человѣческаго ума, перейдет на сторону тѣх, которые не требуют ничего другого, кромѣ возможности воспользоваться своей долей того счастья и свѣта, созданію котораго они сами содѣйствовали.

Представьте тѣх, кто совершенно несправедливо хочет захватить в свою пользу плоды общаго солидарнаго труда, их собственной участи; пусть представители прошлаго пытаются сколько угодно удержать свои привиллегіи, несправедливость которых все больше и больше обнаруживается с каждым шагом человѣческой эволюціи. Если вы таким образом и не предотвратите столкновенія (их упорство дѣлает его неизбѣжным), то, по крайней мѣрѣ, поможете спасти от гибели научныя завоеванія, потеря которых была бы, несомнѣнно, огромным вредом для человѣчества. Но помните, что есть люди, которые страдают и умирают с голоду, которые не имѣют возможности развиваться ни физически, ни умственно, которых лишили всѣх тѣх благ, исчезновенія которых вы так боитесь; этим людям надоѣло быть обездоленными и они хотят, наконец, пользоваться этим общим достояніем. Помогите им завоевать эти блага: справедливость требует этого. Это — единственное средство их сохранить. Если же вы этого не сдѣлаете, то пеняйте на себя и свою трусость в случаѣ, если побѣда народных масс поведет к каким бы то ни было катастрофам (если только, дѣйствительно, такая опасность существует).

Послѣднее возраженіе, которое нам дѣлают, заключается в том, что, во всяком случаѣ, в обществѣ замѣчается извѣстный прогресс, что общій уровень нравственнаго и умственнаго развитія рабочаго повышается, его положеніе становится лучше, его потребности возростают и получают возможность удовлетворенія, что даже самый закон подвергается преобразованіям, и законодательство все болѣе и болѣе приспособляется к требованіям общей пользы.

Посмотрим, насколько и в каких предѣлах всѣ эти положенія вѣрны.

Несомнѣнно, общій уровень развитія рабочаго повысился, его потребности возросли вмѣстѣ с ростом возможности их удовлетворенія; теперь, напримѣр, рабочій *) ѣст за обѣдом мясо

*) Французскій, конечно.

Прим. пер.

и пьет вино, чего он не мог сдѣлать хотя бы только пятьдесят лѣт тому назад. Но нужно имѣть в виду и то, что одновременно возросла очень сильно и производительность его труда, так что, расходуя гораздо больше сил, он нуждается, для возстановленія их, и в гораздо большем числѣ питательных веществ.

Пятьдесят лѣт тому назад рабочій ходил по воскресеньям в блузѣ и питался овощами и сыром; иногда, в понедѣльник, ему случалось, гдѣ-нибудь за городом, съѣсть жаренаго кролика и выпить нѣсколько бутылок вина, и это считалось уже необыкновенным празднеством, о котором долго помнили и которое, конечно, не повторялось каждую недѣлю. Но за то он не был, в своей мастерской, прикован к быстро движущейся машинѣ, за которой нужно непрерывно слѣдить. Работа была по большей части ручная и дѣлалась не спѣша: рабочій производил, сколько мог. Хозяин был часто товарищем своих рабочих, был не прочь выпить вмѣстѣ с ними и требовал усиленной работы только тогда, когда ему нужно было к сроку сдать спѣшный заказ, в остальное же время они производили сколько могли.

В наше время, рабочій—машина; своих эксплуататоров он по большей части даже не знает. В этом отношеніи, в смыслѣ нравственных условій работы, он, слѣдовательно, проиграл.

Правда, его потребности увеличились и ему нужна теперь такая сравнительная роскошь, без которой он прежде мог обходиться, но это зависит, во-первых, как мы уже говорили, от увеличенія затраты его сил, а во-вторых—от большаго умственнаго развитія. В то время, как внѣшнія условія ставят его на болѣе низкій уровень сравнительно с его эксплуататорами, сам он становится сознательнѣе и лучше умѣет оцѣнивать свое личное достоинство. Он знает теперь, что и эта сравнительная роскошь, и эти болѣе высокія потребности вполнѣ законны, и что он сам пріобрѣл на них право собственными силами.

Да никто и не осмѣлится утверждать, что эти увеличившіеся расходы излишни для рабочаго; никто не рѣшится оспаривать его право на долю участія в пользованіи тѣми благами, созданію которых он содѣйствует. Только у экономистов старой школы может еще хватить глупости и нахальства упрекать рабочаго в непредусмотрительности и говорить ему о бережливости, когда он и так имѣет возможность удовлетворить только ничтожную долю своих потребностей.

Современному рабочему можно тѣм менѣе поставить в упрек развившіяся в нем новыя потребности, что он искупает их в

наше время очень тяжелыми лишеніями и что то—очень относительное—благосостояніе, которым он, дѣйствительно, пользовался во время наиболѣе быстраго роста промышленности, теперь составляет в каждом ремеслѣ удѣл лишь небольшого меньшинства привилегированных рабочих. Большинство же принуждено жить на такую заработную плату, которая, если принять во вниманіе безработицу, оказывается нисколько не выше, чѣм пятьдесят лѣт тому назад.

Если потребности рабочих увеличились, скажем, вдвое, то за то производительность труда увеличилась в десять раз; повышеніе заработной платы и удешевленіе продуктов позволили им дать удовлетвореніе этим возросшим потребностям; однако, в конечном счетѣ, больше всего воспользовались этим развитіем производства все-таки капиталисты. Новыя потребности рабочаго, нарождающіяся в наше время, уже не могут найти себѣ удовлетворенія, вслѣдствіе безработицы, и он оказывается в положеніи еще худшем, чѣм раньше, так как, помимо его матеріальной нужды, в нем живет кромѣ того сознаніе, что эта нужда—незаслужена, так как он—единственный производитель всего, что потребляется, всего, что дает возможность наслаждаться жизнью.

Он видит, что магазины переполнены товарами, а самому ему приходится сидѣть без работы, и это происходит от того, что он и его семья принуждены лишать себя многаго и не могут потреблять столько, сколько им нужно. Он знает, что его нужда зависит именно от тѣх причин, которыя создают богатство его эксплуататоров. Если бы ему предоставили возможность пользоваться всѣми продуктами соотвѣтственно его потребностям и если бы его не принуждали переутомляться ради того, чтобы производить все больше и больше, товары не залеживались бы в складах и не было бы безработицы, во время которой ему и его семьѣ приходится умирать с голоду.

Вот что неизбѣжно говорит себѣ всякій мыслящій рабочій, когда он наблюдает и обсуждает тѣ явленія, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни. Да, рабочій развился и понял цѣну прогресса—того прогресса, который тотчас же исчезает, как только он хочет им воспользоваться; поэтому его болѣе обострившіяся чувства заставляют его теперь страдать от таких причин, которых он прежде даже не замѣчал. А опыт, опять таки, не только не подает ему надежды на улучшеніе,

но, наоборот, предвѣщает все большую нужду, все болѣе сильный и все болѣе унизительный гнет.

Нам остается еще разобрать вопрос о постепенном усовершенствованіи законов, якобы все болѣе приспособляющихся к интересам общей пользы и к ея охраненію. Но и здѣсь мы не находим ничего, кромѣ пустой приманки: самые лучшіе законы, по самому существу своему, на практикѣ совершенно отклоняются от своей первоначальной цѣли. Уголовный кодекс, как и прежде, падает всею своею тяжестью на бѣдняка, оставаясь снисходительным и уступчивым по отношенію к классу привиллегированному. Закон все также строг к тому, кто украдет у сосѣда кролика, но он все также оставляет безнаказанными банкиров, ворочающих милліонами — биржевых игроков, дѣльцов. «Соединеннаго Общества» или Панамы, разных участников операцій Мари и Рейно, Масе и Берно; попрежнему мошенники, открывающіе розсыпи перца или залежи сахара, могут в полной безопасности дурачить довѣрчивых людей. Если иногда слѣдователь и оказывается вынужденным вмѣшаться в их дѣла и спросить у них кое-каких объясненій, то он не заставляет привести их к себѣ под конвоем двух полицейских, как это дѣлается с анархистами, а сам смиренно является к ним, сознавая всю неумѣстность своего нескромнаго вмѣшательства и, конечно, не дает дѣлу никакого хода. А потом он старается наверстать потерянное, строго осудив какого-нибудь бѣдняка, который за неимѣніем денег, пообѣдает гдѣ-нибудь и не заплатит за обѣд.

Перед законом всѣ равны—это мы прекрасно знаем; но если какому-нибудь пьяному случится оказать хоть малѣйшее сопротивленіе грубо схватившим его полицейским или даже просто выразить свое недовольство, то его осудят за «оскорбленіе полиціи»; может быть, в участкѣ его звѣрски изобьют и оставят на койкѣ полумертвым, но и тогда он должен быть рад, если его при этом еще не осудят за «оскорбленіе дѣйствіем» тѣх же полицейских.

Всѣ тѣ, кому случается бывать в судѣ, отлично знают, что когда человѣка судят за оскорбленіе полиціи или за сопротивленіе ей, то, как бы не было это обвиненіе ложно, адвокат всегда совѣтует подсудимому не отрицать его, а только просить снисходительности суда, потому что, если подсудимый осмѣливается противорѣчить заключеніям слѣдователя и свидѣтельству полицейских, суд всегда примѣняет к нему высшую мѣру наказанія.

Да, прекрасная вещь законъ! Онъ, несомнѣнно, справедливъ въ одномъ отношеніи: это—что если завтра власть перейдетъ въ другія руки, то новые правители употребятъ его какъ оружіе противъ тѣхъ, кто пользуется имъ теперь.

Итакъ, въ какой бы области мы не обратились, мы вездѣ увидимъ, что всѣ наши стремленія подавляются современнымъ общественнымъ строемъ, что масса оказывается повсюду угнетенной ничтожнымъ меньшинствомъ, которое гораздо больше беретъ отъ общества, чѣмъ само даетъ ему.

Опасенія, которыя высказываются относительно возможности исчезновенія въ будущей революціи нѣкоторыхъ сторонъ современной жизни, касаются только такихъ областей, до которыхъ массѣ нѣтъ и не должно быть ровно никакого дѣла. Что же касается положительныхъ знаній, то они могутъ только выиграть отъ общественнаго переворота. Не будемъ же остававливаться передъ напрасными страхами и примемся лучше съ удвоенной силой за разрушеніе существующаго общества, которое держится еще только благодаря лжи и софизмамъ!

Глава XXI.

Что-же будет послѣ?

«А что же будет послѣ?» спрашивают нас иногда наши противники, когда нам удастся, наконец, показать им недостатки нашего современнаго общественнаго строя и выяснить, что никакая реформа невозможна при его существованіи, что самыя лучшія из них неизбѣжно, в силу самых существующих учрежденій, обращаются против своей первоначальной цѣли и только ухудшают положеніе эксплуатируемых; что всякая реформа, способна, дѣйствительно, улучшить положеніе рабочаго, должна для этого измѣнить существующія учрежденія в самых их основах, а так как правящіе классы никогда на это не согласятся, то для ея осуществленія все равно придется прибѣгнуть к революціи.

Но эта революція пугает многих связанными с нею потрясеніями, а потому, вполнѣ признав болѣзненное состояніе общества, они останавливаются перед этим средством к его измѣненію.

«Конечно», говорят они, «может быть вы и правы: общество, дѣйствительно, плохо устроено и должно измѣниться. Что касается революціи, то. . . пожалуй, я ничего не имѣю против нея. . . но что же будет дальше?

«А дальше», отвѣчаем мы, «личностям будет предоставлена полная свобода и полная возможность удовлетворенія своих физических, умственных и нравственных потребностей. Раз власть и собственность будут уничтожены, раз общество будет осно-

вано уже не на борьбѣ интересов, а, наоборот, на самой тѣсной солидарности, раз людям не придется дрожать за будущее и постоянно думать о том, чтобы скопить копѣйку на черный день,—они перестанут смотрѣть друг на друга как на врагов, каждую минуту готовых перегрызться из-за куска хлѣба или возможности работать на какого-нибудь эксплуататора. Причины борьбы и вражды исчезнут, а вмѣстѣ с тѣм в обществѣ воцарится согласіе.

Будет, конечно, существовать соревнованіе между различными группами—соревнованіе в достиженіи лучшаго, в достиженіи той или другой идеальной цѣли, которая будет все больше и больше расширяться по мѣрѣ того, как стремленія личностей будут находить себѣ удовлетвореніе. Но это соревнованіе будет вполнѣ мирным, потому что к нему не будет примѣшиваться никакого торгашескаго или правительственнаго интереса; тѣ группы, которыя отстанут от других, всегда смогут воспользоваться плодами дѣятельности болѣе передовых.

В наше время существованіе бѣдности зависит от того, что торговые склады переполнены товарами, так что, пока они не найдут сбыта, очень многіе рабочіе остаются без работы и голодают; это одно уже ясно показывает нам всю ненормальность современнаго общественнаго строя.

В том обществѣ, к которому мы стремимся, будет происходить обратное; чѣм в большем изобиліи окажутся продукты, тѣм легче установится всеобщее согласіе, потому что людям не придется высчитывать размѣров своего потребленія; чѣм быстрѣе научатся они производить, тѣм больше будет введено усовершенствованных машин, тѣм меньше будет количество труда, на долю каждаго, и тѣм скорѣе этот труд сдѣлается тѣм, чѣм он должен быть, т. е. необходимой гимнастикой для упражненія мускулов.

В разумно устроенном обществѣ труд должен перестать быть для человѣка тягостью и страданіем, каким он является, благодаря своей чрезмѣрности, в нашем эксплуататорском строѣ. Он должен сдѣлаться ничѣм иным, как одним из занятій в ряду всевозможных других развлеченій и работ — физических и умственных,—которыя люди будут выбирать себѣ сообразно своим склонностям и без которых они постепенно превратились бы в простые пищеварительные мѣшки, что не преминуло бы случиться с буржуазіей, если бы ей удалось упрочить свое господство, и что уже случилось с одним видом муравьев, которые

потеряли способность сами кормиться и умирают с голоду, если возлѣ них не окажется рабов.

«Конечно», возражают наши противники, «все это очень хорошо и ваш идеал, несомнѣнно,—высшій идеал, к какому только может стремиться человѣчество; но что вам ручается за то, что все пойдет так гладко, как вы думаете, что сильные не захотят угнетатт слабых, что не найдется лѣнтяев, которые предпочтут жить на счет чужого труда? Если напор толпы не будет сдерживаться никакой плотиной, то кто знает, не окажется ли революція шагом назад, вмѣсто того, чтобы быть шагом вперед? А если она будет побѣждена, то не приведет ли это к застою в идеях на какіе нибудь двадцать, тридцать, пятьдесят, а может быть и больше, лѣт?

«Если же вы побѣдите, то развѣ вы сможете помѣшать отдѣльным случаям мести? развѣ вы сможете всегда сдержать толпу? И с той, и с другой стороны тогда разгорятся дикія, животныя страсти, свойственныя человѣку, вернувшемуся к состоянію звѣря».

Мы отвѣтим на это, что все окружающее неизбѣжно ведет нас к этой революціи: и все обостряющійся экономическій кризис, и все большая трудность жизни, и политическія затрудненія, все усиливающіяся и заставляющія терять голову людей держащих «бразды правленія». Мы придем к этому самой силой вещей, а потому единственное, что нам остается, это—быть готовыми к участію в событіях, чтобы по возможности повернуть их в пользу раздѣляемых нами идей.

Но страх перед неизвѣстностью так упорно сидит в людях, что, вполнѣ согласившись с логичностью и правильностью наших выводов, наши противники все таки продолжают возражать: «Все это так, но все таки лучше было бы дѣйствовать с осторожностью. Прогресс совершается мало-по-малу и сильных потрясеній лучше избѣгать; может быть удастся и так вынудить у буржуазіи кое-какія уступки».

Если бы это говорили только люди упрямые, нечестно относящіеся к дѣлу, сознательно не желающіе убѣдиться, то мы бы просто бросили всякій спор с ними. Но, к несчастью, между ними есть и люди в высшей степени добросовѣстные, но просто захваченные вліяніем среды, воспитанія и привычки видѣть повсюду дѣятельность власти,—люди, которые думают, что все погибло, как только эта власть исчезла с горизонта. Не находя никаких новых возраженій, они тогда невольно возвращаются

к первому своему аргументу—что нельзя себѣ представить такого общества, гдѣ не было бы ни законов, ни судей, ни полицейских и гдѣ люди жили бы без всякой борьбы, мирно помогая другъ другу.

Что сказать им в отвѣт? Они требуют доказательств того, что общество будет функціонировать именно так, как мы думаем; мы приводим им доказательства, почерпнутыя из логики фактов, из сравненія и разбора их, но что касается доказательств болѣе осязательных, то их может дать только опыт, а чтобы его продѣлать, нужно прежде разрушить существующее общество!

Нам остается тогда отвѣтить им слѣдующее:

Мы доказали вам, что современный строй вызывает бѣдность и голод, что он держит в невѣжествѣ цѣлый—и наиболѣе многочисленный—класс народа, что он мѣшает развиваться цѣлым поколѣніям, передавая им по наслѣдству всевозможные предразсудки и ложныя понятія.

Мы доказали, что вся современная общественная организація ведет только к эксплуатаціи массы в пользу привиллегированнаго меньшинства.

Мы доказали и то, что как недостатки общественнаго устройства, так и развитіе новых стремленій среди рабочих, неизбѣжно ведут нас к революціи. Что же мы можем прибавить еще? Если нам все равно придется сражаться, то будем же лучше сражаться за то, что кажется нам лучшим и справедливѣйшим.

Окажемся ли мы побѣдителями, или побѣжденными? Этого никто предсказать не может. Но если мы будем ждать с нашими требованіями до тѣх пор, когда будем увѣрены в побѣдѣ, то наше освобожденіе может отдалиться на цѣлые вѣка. Да и не в наших силах управлять обстоятельствами: по большей части, наоборот, они увлекают нас за собою и единственное, что мы можем сдѣлать, это—постараться предвидѣть их, чтобы не быть застигнутыми врасплох. А раз борьба начнется, дѣло анархистов—приложить всю свою энергію для того, чтобы своим примѣром увлечь за собою массу.

Что в готовящейся революціи будут отдѣльные случаи мести, будут убійства, будут даже проявленія дикости—это очень вѣроятно и этого слѣдует ожидать; но можем ли мы эти случаи предотвратить?

Им не только никто не может помѣшать, но даже и *не должен* мѣшать. Если толпа пойдет дальше самих пропаганди-

стов — что-ж! тѣм лучше. Лучше пусть она разстрѣляет тѣх, кто захочет проявить излишнюю сантиментальность, чѣм даст оставить себя ради спасенія нѣскольких жертв: иначе она, пожалуй, позволит удержать себя и тѣм, кто захочет сдѣлать это с цѣлью усмирить революціонный дух или помѣшать ей разрушить нѣкоторыя учрежденія, которыя должны исчезнуть, или ради желанія спасти кое-что из того, что должно быть уничтожено. Раз борьба началась, чувствительность нужно оставить; пусть лучше толпа не довѣряет разным сантиментальным фразерам; пусть она неумолимо разрушит все то, что захочет стать ей поперек дороги.

Все, что мы можем сдѣлать, это — теперь же заявить, что исчезновеніе той или другой личности не должно имѣть значенія для рабочих, что предметом их разрушительной работы должны быть учрежденія, что именно их нужно вырвать с корнем и окончательно уничтожить, не оставив ничего такого, что дало бы им возможность вновь возродиться под другим названіем.

Буржуазія сильна только благодаря своим учрежденіям, да еще благодаря тому, что ей удалось внушить эксплуатируемым, что они заинтересованы в сохраненіи этих учрежденій, и заставить их сдѣлаться их вольными или невольными защитниками. Предоставленная самой себѣ, она не сможет сопротивляться революціи, да и много ли найдется среди нея людей, которые сдѣлают этого рода попытку? Вот почему отдѣльныя личности сами по себѣ не представляют для нас никакой опасности.

Но если найдутся в момент революціи такія, которыя явятся препятствіем, пусть тогда революціонная буря унесет их; если встрѣтятся отдѣльные случаи мести, то виноваты в этом будут тѣ, кто вооружил против себя массу. Должно быть эти люди сдѣлали много зла, если ненависть к ним не успокоилась на уничтоженіи их класса, на отмѣнѣ их привиллегій; пусть же тѣ, которые хотят их защищать, выпутываются из этого положенія, как им будет угодно. Толпа никогда не идет слишком далеко, хотя это иногда и говорят нѣкоторые из ея вожаков, боящіеся нравственной или фактической ответственности.

Отбросим же в сторону глупый сантиментализм—даже если и случится, что гнѣв толпы обратится на болѣе или менѣе невинную голову. Чтобы заглушить в себѣ чувство жалости, нам достаточно будет вспомнить, сколько тысяч жертв поглощает теперь ежедневно пасть общественнаго минотавра ради выгоды сытой буржуазіи. И если окажется, что нѣсколько буржуа бу-

дут повѣшены гдѣ-нибудь на фонарѣ, убиты на улицѣ или брошены в воду, то они только пожнут то, что сами посѣяли. Тѣм хуже для них! Кто не с толпой, тот против нея.

Для нас, рабочих, положеніе дѣл очень ясно: с одной стороны—настоящее, современное общество со всѣми его бѣдствіями, с неувѣренностью в завтрашнем днѣ, с лишеніями и страданіями без всякой надежды на улучшеніе, общество, в котором мы задыхаемся, гдѣ наш мозг глохнет, гдѣ мы должны подавлять в себѣ всякое стремленіе к добру, к красотѣ, всякое чувство справедливости и любви к людям; с другой—будущее, идеал свободы, счастья, умственнаго и физическаго удовлетворенія, одним словом—полный расцвѣт нашей личности. Колебаній в выборѣ у нас быть не может. Какова бы ни была судьба будущей революціи и что бы с нами не случалось, ничто не может быть для нас хуже настоящаго положенія. Современное общество стѣснят нас, мы должны его низвергнуть, и будь что будет с тѣми, кто окажется раздавленным под его тяжестью! Они сами виноваты в том, что хотѣли укрыться у его стѣн, удержаться за его гнилыя подпорки, вмѣсто того, чтобы стать на сторону разрушителей.

Глава XXII.

Осуществим ли анархическій идеал?

«В теоріи, ваши идеи очень хороши, но на практикѣ онѣ не примѣнимы: людям нужна власть, которая бы поддерживала равновѣсіе и заставляла их подчиняться общественному договору»,—вот возраженіе, которое выставляют против нас сторонники современнаго порядка вещей, когда всѣ другіе аргументы их уже исчерпаны и нам удалось уже доказать им, что при сохраненіи существующаго общественнаго порядка рабочему нечего разсчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія.

«Ваши идеи прекрасны, но неосуществимы: человѣк еще не достаточно развит для того, чтобы жить в таком идеальном обществѣ. Для того, чтобы оно стало возможным, нужно, чтобы человѣк был совершенным», говорят точно также многіе, вполнѣ искренніе, люди, которые, благодаря рутинѣ и полученному воспитанію, видят повсюду одни только препятствія и не имѣют достаточно убѣжденности, чтобы работать для проведенія в жизнь своих убѣжденій.

А затѣм, рядом с открытыми врагами и людьми индифферентными, которые могут стать друзьями, существует еще третья категорія личностей, болѣе опасная, чѣм прямые враги. Это—люди, которые заявляют себя восторженными сторонниками наших взглядов, которые громко провозглашают, что прекраснѣе нашего идеала быть ничего не может, что современный строй никуда не годится, что он должен исчезнуть и уступить мѣсто новому, что такова именно цѣль, к которой должно стремиться

человѣчество и т. д. «Но», прибавляют они, «эти идеи пока еще неосуществимы: к ним нужно еще подготовить человѣчество, нужно еще заставить его понять всѣ преимущества новаго строя». И вот, подъ предлогомъ большей практичности, они стараются подновить кое-какіе старые проэкты реформъ, всю безполезность которых мы уже показали, поощряя такимъ образомъ, существующіе предразсудки и содѣйствуя ихъ сохраненію. Затѣмъ, они стараются извлечь изъ существующаго положенія какъ можно больше выгодъ для себя лично, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ идеалъ все болѣе и болѣе стушевывается и уступаетъ мѣсто инстинктивному стремленію сохранить настоящее.

К несчастью, конечная цѣль нашихъ стремленій, дѣйствительно, неосуществима сейчасъ же. Наши идеи понятны пока еще для слишкомъ незначительнаго меньшинства, а потому не могутъ еще имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ событій общественной жизни. Но развѣ это должно мѣшать намъ работать для ихъ осуществленія?

Если мы убѣждены въ ихъ справедливости, то почему же намъ не стараться примѣнить ихъ на практикѣ? Вѣдь если всѣ будутъ говорить: «это невозможно», и на этомъ основаніи покорно склоняться подъ игомъ современнаго общества, то буржуазный строй и въ самомъ дѣлѣ сможетъ разсчитывать еще на долгіе годы существованія.

Если бы первые мыслители, боровшіеся противъ церкви и монархіи за независимую и разумную мысль и шедшіе за исповѣданіе ея на костеръ и эшафотъ, думали такъ о своемъ идеалѣ, то въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ царили бы мистицизмъ и феодальное право. Если въ наше время человѣкъ начинаетъ понемногу узнавать исторію своего происхожденія и избавляться отъ всякихъ предразсудковъ относительно божеской или человѣческой власти, онъ обязанъ этимъ только тому, что всегда были «непрактичные» люди, твердо убѣжденные въ истинности своихъ идей и стремившіеся всѣми силами ихъ распространить.

М. Гюйо, въ одной изъ главъ своей въ высшей степени замѣчательной книги: «Очеркъ системы нравственности безъ принужденія и санкціи» развиваетъ ту мысль, что «если человѣкъ не поступаетъ соотвѣтственно своей мысли, то это значитъ, что самая его мысл неполна». Это совершенно вѣрно. Тотъ, кто вполнѣ убѣжденъ въ справедливости какой-нибудь идеи, не можетъ не стараться о ея распространеніи, о ея проведеніи въ жизнь.

Какъ часто случается, что два пріятеля спорятъ и ссорятся

из-за пустяков только потому, что каждый стоит за свой взгляд и увѣрен в справедливости того, что говорит. Казалось бы, что стоит сдѣлать удовольствіе пріятелю, или просто воздержаться от доставленія ему непріятности? Отчего не пропустить молча мысль, с которой вы несогласны, раз только эта мысль не затрогивает существенных пунктов ваших убѣжденій? Вы так и дѣлаете сплошь да рядом, когда рѣчь идет о предметах, о которых у вас нѣт опредѣленнаго мнѣнія; но как только дѣло коснется того, о чем у вас мнѣніе составилось, то, хотя бы это был совершенный пустяк, вы сейчас же вступаете в спор и защищаете свой взгляд даже против лучшаго друга. А если так бывает в вопросах пустяшных, то что же сказать о вопросах и идеях, касающихся будущности всего человѣчества, освобожденія нашего класса, наших потомков и нас самих?

Мы, конечно, вполнѣ понимаем, что не всякій одинаково способен на сопротивленіе и борьбу, не всякій может проявить одинаковую энергію в дѣлѣ разрушенія существующих учрежденій; не всѣ темпераменты, не всѣ характеры обладают достаточной для этого твердостью. Трудностей так много, лишенія так тяжелы, преслѣдованія так сильны, что мы вполнѣ понимаем, что в дѣлѣ распространенія тѣх идей, которыя мы считаем истинными и справедливыми, должны существовать различныя степени. Но энергія нашей дѣятельности, во всяком случаѣ, всегда будет пропорціональна силѣ первоначальнаго толчка, даннаго нам, и степени нашей вѣры в данную идею. Очень часто вас могут останавливать разныя соображенія, касающіеся семьи, окружающей среды, необходимости сохранить хлѣб насущный; но, какова бы ни была сила этих соображеній, если вы—человѣк дѣйствительно убѣжденный, они никогда не заставят вас примириться со всѣми совершающимися на ваших глазах безобразіями; придет минута, когда вы отбросите все это в сторону и будете помнить только одно: что вы—человѣк и что вы мечтали когда то о чем-то лучшем, чѣм то, что вам приходится выносить.

Тот, кто неспособен ни на какую жертву ради убѣжденій, которыя он якобы исповѣдует, в дѣйствительности не имѣет ровно никаких убѣжденій: он просто прикрывается ими, как ярлыком, для вида, потому что в данную минуту они в модѣ, или потому, что он хочет оправдать ими какіе нибудь дурные поступки; берегитесь довѣриться такому человѣку: он вас обманывает. Что же касается тѣх, которые хотят прибѣгнуть к помощи существующих учрежденій якобы для пропаганды новых

идей, то это — не болѣе, как честолюбцы, которые под предлогом будущаго хотят только свободно пользоваться жизнью в настоящем.

Из этого одного видно, что наш идеал не может быть осуществлен сейчас, и мы вполнѣ готовы это признать; но он будет становиться все болѣе и болѣе осуществимым в той мѣрѣ, в которой люди, его усвоившіе, сумѣют приложить к этому свою энергію. Чѣм живѣе будет их пропаганда, тѣм ближе будет и достиженіе цѣли. Если мы будем входить в сдѣлки с существующими учрежденіями, мы не разрушим их; если мы будем прятать наши убѣжденія в карман, мы не добьемся их распространенія.

Чтобы бороться с современным строем и работать для воплощенія в жизнь новых идей, нужна энергія, а эту энергію дает только твердое убѣжденіе. Вот почему тѣ, кто такія убѣжденія имѣет, должны стараться быть «ловцами людей».

Выше мы показали, что никакія реформы не дѣйствительны в нашем обществѣ; поэтому, проповѣдывать их рабочим значило бы сознательно обманывать их. Мы знаем, с другой стороны, что сами событія неизбѣжно приведут рабочих к революціи, что экономическіе кризисы, безработица, развитіе машинизма, политическія усложненія — все содѣйствует тому, что выброшенный на улицу рабочій оказывается вынужденным громким протестом заявлять о своем правѣ на существованіе. А раз уже революція неизбѣжна, раз всѣ реформы ни к чему не служат, то единственное, что нам остается, это — подготовиться к ней. Это именно мы и дѣлаем, когда стремимся идти прямо к цѣли, предоставляя разным честолюбцам создавать себѣ карьеру и обогащаться на счет той самой нужды, которой они якобы хотят помочь.

Здѣсь мы предвидим еще одно возраженіе. «Раз вы сами признаете», скажут нам, „что ваши идеи еще не созрѣли для осуществленія на практикѣ, то вы, значит, требуете от современнаго поколѣнія, чтобы оно жертвовало собою для поколѣній будущих, чтобы оно боролось за идеал, немедленнаго осуществленія котораго вы ему обезпечить не можете?

Мы вовсе не проповѣдуем никакого самоотреченія; мы только не хотим обольщать себя ложными надеждами и не хотим помогать энтузіастам ими обольщаться. Мы берем факты как они есть, разсматриваем их и дѣлаем выводы; мы видим, с одной стороны, общественный класс, владѣющій всѣм и ни от чего

не соглашающійся отказаться; с другой — класс, производящій все и ничего не имѣющій, класс, которому остается или покорно склонить голову перед своими эксплуататорами, потеряв всякую гордость, всякое чувство собственнаго достоинства, все, что возвышает характер человѣка, и терпѣливо ждать, пока ему бросят кость, или же возстать и рѣшительно потребовать того, чего он не может добиться никакими колѣнопреклоненіями. Для тѣх, кто думает только о себѣ, кто хочет наслаждаться жизнью во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣною, в этой альтернативѣ, конечно, нѣт ничего пріятнаго. Таким людям мы посовѣтуем примириться с требованіями современнаго общества и постараться пробить себѣ дорогу, не обращая вниманія на то, что попадается им по пути и не боясь раздавить того, кто может им помѣшать; с ними у нас нѣт ничего общаго.

Но тому, кто считает, что его свобода—только тогда настоящая свобода, когда она не нарушает свободы болѣе слабых; тому, кто не может пользоваться наслажденіями, если он знает, что они куплены цѣною слез других, обездоленных, людей—тому мы скажем, что в признаніи, что для освобожденія нужна борьба, нѣт никакого самоотреченія с чьей бы то ни было стороны.

Мы признаем, как несомнѣнный факт, что только приложеніе наших идей может дѣйствительно повести к освобожденію человѣчества: его дѣло—хочет ли оно освободиться сразу и цѣликом, или же всѣми плодами прогресса всегда должно пользоваться лишь незначительное привеллегированное меньшинство, на счет тѣх, кто гибнет, производя богатства для других.

Увидим ли мы зарю этого освобожденія? Выпадет ли это на долю современнаго поколѣнія, или того, которое за ним послѣдует, или еще позднѣйшаго? Этого мы не знаем и этим мы не занимаемся. Достиженіе цѣли выпадет на долю тѣх, у кого хватит энергіи и огня в сердцѣ, чтобы настойчиво захотѣть быть свободными.

Глава XXIII.

Правда без прикрас.

Все сказанное в предыдущей главѣ, несомнѣнно, противорѣчит обыкновенным рѣчам членов различных политических партій, которые всегда обѣщают золотыя горы и от малѣйшей реформы ждут наступленія земного рая для ея сторонников. Но мы, которые не ждем от увлеченій массы никакой личной выгоды, которые хотим, чтобы она выучилась сама управлять собою,—мы не станем обольщать ее ложными надеждами. Для того, чтобы наша мысль была сильнѣе, и наша дѣятельность имѣла больше значенія, мы должны ясно видѣть путь, лежащій перед нами, не обольщаясь никакими иллюзіями, не останавливаясь ни перед какими предразсудками, которые могли бы заставить нас свернуть с истиннаго пути.

Наши идеи станут приложимыми только благодаря энергіи, с которой люди их усвоившіе будут вести свою пропаганду. Их успѣх зависит от той силы, которую мы сможем отдать в распоряженіе революціи; если же мы до сих пор не прилагаем этой силы, не стараемся сразу перейти от теоріи к практикѣ, то причина этого – мы вполнѣ это признаем—лежит в существованіи различнаго рода препятствій. Если бы наши убѣжденія можно было приложить к жизни сейчас же, то с нашей стороны было бы непростительным не попытаться этого сдѣлать. Но

препятствія существуют, и наше дѣло—не отрицать их, а наоборот узнать, в чем они заключаются, и постараться их преодолѣть. Мы потому именно и ведем пропаганду, что наши взгляды еще нужно стараться проводить в жизнь: если бы они были уже готовы к осуществленію, то для этого достаточно было бы естественнаго хода событій.

Мы должны привыкнуть принимать вещи хладнокровно: не смотрѣть в увеличительное стекло на то, к чему мы стремимся, и, наоборот, в противуположное стекло бинокля — на то, что представляет для нас опасность. Мы ищем правды и если мы будем обманывать себя и других, то ту революцію, которую мы, может быть, вызовем, придется начинать сначала.

Наши противники говорят нам о неосуществимости нашего идеала обыкновенно только тогда, когда у них нѣт других аргументов, и этот послѣдній аргумент довольно затруднителен, если не по существу, то по формѣ, потому что в современном обществѣ, наш идеал в самом дѣлѣ может очень легко показаться утопіей. Человѣку, никогда не выходившему умственно за предѣлы существующаго, очень трудно представить себѣ, что можно жить без правительства, без законов, без судей, без полиціи и без всякой другой власти, без каких бы то ни было денежных знаков, когда в наше время людям и так уже трудно столковаться между собою, несмотря на существованіе законов, которые считаются обыкновенно созданными именно для облегченія соглашеній между людьми.

Мы не можем выставить против этого возраженія никаких фактических доказательств, потому что наш идеал пока еще находится в будущем. Мы можем, конечно, указывать на существующія в современном человѣчествѣ теченія, на разныя частичныя попытки осуществленія этого идеала в маленьких размѣрах, но какое все это может имѣть вліяніе на предубѣжденный ум, не идущій в своих стремленіях дальше улучшенія того, что существует?

Совершенно отвергнуть этот аргумент? Это значило бы спрятать, как страус, голову под крыло: возраженіе осталось все-таки в полной силѣ. Отвѣтить какими-нибудь софизмами? Мы оказались бы в глухом переулкѣ, выйти из котораго можно только при помощи новых софизмов. От этого рода пріемов мы никогда ничего не выигрывают. Если мы хотим дѣйствительно выяснить вопрос и отвѣтить на всѣ противупоставляемые нам аргументы, мы должны сами искать возраженій, должны ста-

раться вызывать их, чтобы затѣм по возможности найти на них отвѣт. И прежде всего мы должны высказываться ясно и опредѣленно, не пугаясь настоящей правды, потому что мы стремимся именно к правдѣ. Раз мы заявили, что она лежит в основѣ наших идей, мы должны доказать это тѣм, чтобы всегда и повсюду стремиться пайти ее.

Мы вполнѣ сознаем, что такое признаніе не имѣет в себѣ ничего особенно привлекательнаго для массы, что оно не может увлечь ее за собою; нѣкоторые из наших товарищей, может быть, даже обвинят нас в том, что, недостаточно скрывая темныя стороны нашего общественнаго міросозерцанія, мы сѣем в наших рядах безнадежность и разочарованіе.

Такой упрек будет ничѣм иным, как слѣдом вліянія различных политических партій. С какой стати мы будем обѣщать то, исполненіе чего от нас не зависит, и подготовлять, таким образом, реакцію, которая обратится против нас?

Если бы мы составляли политическую партію, стремящуюся к завоеванію власти, тогда, конечно, мы могли бы обѣщать людям все, что угодно, лишь бы только они помогли нам в нашем предпріятіи; но у анархистов дѣло обстоит иначе: нам нечего обѣщать, нечего просить, нечего давать. И когда нам возражают, что наш идеал неосуществим, нам не остается ничего другого, как указать на факты, в которых обнаруживается стремленіе человѣчества пойти именно по этому направленію, а затѣм вновь показать вытекающія из современнаго строя бѣдствія, ложность его основ и недѣйствительность всѣх реформ, предлагавшихся до сих пор в видах успокоенія умов. Мы скажем затѣм, что перед людьми, в концѣ-концов, стоит все та же альтернатива: или продолжать терпѣть эксплуатацію, или прибѣгнуть к революціи, причем успѣшность этой революціи будет зависѣть от того, насколько сильно они *захотят* осуществленія идеала, который они признают желательным. Вот все, что мы можем сдѣлать; остальное же будет зависѣть не от нас.

Мы, лично, не сторонники пропаганды при помощи громких — высокопарных или сантиментальных — фраз: онѣ только заставляют людей надѣяться на немедленное исполненіе их желаній, а это — невозможно. Люди входят в движеніе полными огня и энтузіазма, думая, что вот-вот достигнут намѣченной цѣли, а затѣм понемногу разочаровываются и безслѣдно исчезают один за другим. Сколько мы видѣли за послѣдніе десять лѣт в наших кружках таких товарищей, которые хотѣли раз-

рушить сейчас же, как Самсон, зданіе храма? А гдѣ они теперь?

Мы хотим дѣлать дѣло менѣе громкое, менѣе блестящее, но болѣе прочное. Мы хотим дѣйствовать не только на чувство людей, но и на их ум, на их логику. Это не значит, что мы относимся отрицательно к пропагандистам, которые, главным образом, умѣют дѣйствовать на чувство: всякій дѣлает свое дѣло сообразно своим взглядам, своему темпераменту. Но мы ищем, не людей *вѣрующих*, а людей *убѣжденных*. Пусть тѣ, которые входят в наше движеніе, знают заранѣе всѣ трудности, с которыми им придется встрѣтиться, они должны подготовиться к борьбѣ с ними, чтобы не впасть в разочарованіе при первой же неудачѣ. Путь наш долог и труден и прежде, чѣм вступить на него, мы должны испробовать силу своей воли и своих мышц: многіе изранят себя о придорожные камни, придется нам иногда оставлять на дорогѣ и трупы товарищей. Пусть тѣ, в ком нѣт достаточной силы духа, лучше остаются дома: они только послужат помѣхой для двигающагося вперед отряда.

Другой предразсудок, довольно распространенный среди анархистов, состоит в том, чтобы смотрѣть на массу как на какое-то тѣсто, из которой можно вылѣпить что угодно и которой, поэтому заниматься не стоит. Источник его коренится в том, что люди, сдѣлавшіе, сравнительно с другими, шаг вперед, считают себя какими то пророками, стоящими выше обыкновенных смертных. «Мы заставим массу сдѣлать то-то, мы поведем ее за собою», говорят они, совершенно уподобляясь в этом любому диктатору. Этот взгляд на массу—ничто иное, как наслѣдіе нашего прошлаго, основаннаго на понятіи о власти.

Мы нисколько не отрицаем вліянія меньшинства на толпу: наоборот, мы именно потому и стараемся дѣйствовать как можно энергичнѣе, что убѣждены в этом вліяніи; но мы думаем, что единственный путь, которым анархисты могут, в момент революціи, повліять на массу, это—практическое дѣло, пропаганда собственным примѣром, который один только может увлечь толпу. При этом нужно имѣть в виду, что такое вліяніе будет возможно только тогда, когда эта масса будет до извѣстной степени подготовлена предварительной, ясной, и опредѣленной пропагандой, когда она сама придет в движеніе под вліяніем воспринятых раньше идей.

И вот, если мы сумѣем надлежащим образом распространить теперь наши взгляды, в этот момент окажется их вліяніе; только

при условіи, если мы будем выяснять их и дѣлать доступными для всѣх, можем мы разсчитывать на долю участія в будущем общественном переворотѣ. Тогда нам не придется уже бояться, что за нами не пойдут; единственной опасностью будут тогда, наоборот, тѣ преграды, которыя захотят поставить движенію люди, которые будут считать себя его вожаками.

В революціях толпа всегда идет дальше предшественников движенія. Будем же поэтому как можно шире распространять наши убѣжденія, будем как можно лучше выяснять их, будем даже повторяться, если нужно,—и не будем закрывать глаза на правду. И такая пропаганда не только не оттолкнет людей от нашего дѣла, но, наоборот, привлечет к нему всѣх тѣх, кто жаждет свободы и справедливости.

Конец.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава		Стр.
I.	—Идея анархизма и ея развитіе.	5
II.	—Индивидуализм и солидарность.	12
III.	—Можно-ли упрекнуть нас в отвлеченности. . .	20
IV.	—Дурен-ли человѣк сам по себѣ?	27
V.	—Собственность.	33
VI.	—Семья.	42
VII.	—Государственная власть.	48
VIII.	—Судебная власть	55
IX.	—Право карать преступленія и отношеніе к нему ученых	62
X.	—Вліяніе среды.	72
XI.	—Патріотизм.	81
XII.	—Патріотизм правящих классов.	88
XIII.	—Милитаризм.	94
XIV.	—Колонизація	103
XV.	—Теорія «низших» рас.	110
XVI.	—Почему мы—революціонеры?	119
XVII.	—Принципы и средства борьбы.	127
XVIII.	—Революція и анархизм.	136
XIX.	—Безполезность реформ.	141
XX.	—Экспериментальный метод.	159
XXI.	—Что-же будет послѣ?	174
XXII.	—Осуществим-ли анархическій идеал?	180
XXIII.	—Правда без прикрас.	185

RETURN TO: CIRCULATION DEPARTMENT
198 Main Stacks

LOAN PERIOD Home Use	1	2	3
	4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS.
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW.

AUG 2 3 2001		

FORM NO. DD6
50M

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
Berkeley, California 94720–6000

YC 08244

M278186 HX894
G73
1962

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY